

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный институт культуры»

Токарева Галина Викторовна

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ
Я-КОНЦЕПЦИИ**

19. 00. 01 – общая психология,
психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор Л. Я. Дорфман

Пермь – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Эмоциональные стили и предпочтения	14
1.1. Эмоциональные предпочтения в контексте концепций эмоциональных стилей	14
1.1.1. Концепции эмоциональных стилей и их разновидности	14
1.1.2. Понятия предпочтений и эмоциональных предпочтений	22
1.1.3. Эмоциональные представления как «второе выражение» эмоций и эмоциональных предпочтений	33
1.2. Эксплицитные и имплицитные процессы	35
1.2.1. Эксплицитные и имплицитные процессы: когнитивные и социально-психологические	37
1.2.2. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные процессы	39
1.2.3. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные процессы в отношениях с Я-концепцией	48
1.3. Многоаспектность эмоциональных предпочтений	55
1.3.1. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные предпочтения	55
1.3.2. Валентность эмоциональных предпочтений	57
1.3.3. Эмоциональные предпочтения во временной перспективе	59
1.4. Постановка проблемы	61
1.4.1. Исследовательские проблемы	61
1.4.2. Теоретико-эмпирические предпосылки	64
Глава 2. Организация и методики исследования	72
2.1. Этапы исследования и характеристика выборки	72
2.2. Методики	72

2.2.1.	Тест имплицитных эмоциональных предпочтений:	72
2.2.2.	Вопросник «Эмоциональное полотно»	75
2.2.3.	Тест эксплицитных эмоциональных предпочтений	76
2.2.4.	Вопросник полимодального Я	78
2.3.	Процедура и анализ данных	78
2.3.1.	Процедура	78
2.3.2.	Анализ данных	78
Глава 3. Эмпирическое исследование эмоциональных предпочтений в соотношении с музыкальными произведениями и полимодальным Я		88
3.1.	Имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения	89
3.1.1.	Имплицитные эмоциональные предпочтения: короткие, дальние, их различия и связи	89
3.1.2.	Эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательными и положительными оценками, их различия и взаимосвязи	107
3.1.3.	Корреляции показателей имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений	109
3.2.	Вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения	111
3.2.1.	Вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные короткие эмоциональные предпочтения	111
3.2.2.	Вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные короткие и дальние эмоциональные предпочтения	119
3.2.3.	Вклады полимодального Я и валентности в эксплицитные эмоциональные предпочтения	125
3.3.	Интегративная модель эмоциональных предпочтений	131
3.3.1.	Измерительная и структурные модели	132

3.3.2. Сравнения структурных моделей эмоциональных предпочтений	133
3.3.3. Структурные пути	134
3.4. Обсуждение полученных результатов	136
Выводы	151
Заключение	154
Литература	157

Введение

Актуальность исследования. В современных условиях существенно возрастает внимание общества к эмоциональным механизмам личности и деятельности, лежащим в основе благополучия, личностной и социальной удовлетворенности человека. Особое внимание в связи с этим уделяется эмоциональной стороне художественно-творческой деятельности. Наша работа посвящена изучению соотношения эмоциональных предпочтений в музыкально-исполнительской деятельности с особенностями Я-концепции. Современная разработка этой проблемы нуждается в новом осмыслении более ранних подходов к эмоциональным стилям и предпочтениям (Б. И. Додонов, Л. Я. Дорфман, С. Л. Рубинштейн, J. Royce & A. Powell, D. M. Wardell & J. R. Royce), рассмотрения ее на пересечении общей и дифференциальной психологии, соотнесении с современным состоянием научного знания. Общее решение задачи видится в том, чтобы раскрыть и понять взаимоотношения предпочтений, эмоций, выборов в аспекте эмоциональных стилей и внутренней стороны предметной (музыкально-исполнительской) деятельности в единстве с полимодальным Я и репрезентацией музыкальных произведений.

Решение данной задачи касается и психологии искусства. Психология искусства, в том числе музыкальная психология имеет богатые традиции (К. А. Абульханова, А. М. Айламазьян, Г. В. Акопов, К. Бердников, В. Петренко, Л. Л. Бочкарев, Л. С. Выготский, Э. А. Голубева, В. Г. Грязева-Добшинская, Л. Я. Дорфман, Е. П. Ильин, О. А. Кривцун, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, А. А. Мелик-Пашаев, Н. А. Нохрина, В. Ф. Петренко, В. М. Петров, П. А. Сабашов, В. Е. Семенов, Р. Ф. Сулейманов, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. В. Торопова, Ю. А. Цагарелли). Вместе с тем анализ литературы в области психологии искусства, как и в общей и дифференциальной психологии, свидетельствует о недостаточной изученности эмоциональных предпочтений. Разрешить существующие трудности и противоречия

средствами наличного знания и опыта затруднительно. Так возникает проблема новых подходов к изучению эмоциональных предпочтений. Перспективным представляется системный подход и изучение эмоциональных предпочтений как целостного, интегративного феномена.

Хотя целостное познание человека является центральным методологическим требованием отечественной психологии (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. А. Барабанщиков, А. В. Брушлинский, Б. А. Вяткин, А. А. Деркач, Л. Я. Дорфман, Б. Ф. Ломов, В. С. Мерлин, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочек, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков), целостное видение эмоциональных предпочтений сдерживается рядом нерешенных концептуальных, психометрических и эмпирических проблем. Их своевременное изучение позволит существенно уменьшить имеющиеся пробелы в соответствии с современным состоянием психологической науки. Поставленные в диссертации задачи требуют скорейшего решения с учетом современных запросов образовательно-музыкальной практики. Недостаточная разработанность указанных вопросов определяет актуальность данного исследования.

Наши исследования эмоциональных предпочтений опираются на концепции эмоциональных стилей, которые разрабатываются в русле индивидуального стиля деятельности. Инструментальный характер эмоциональных стилей проявляется в эмоционально обусловленных способах и приемах оперирования действиями, когнитивными образами и предметами действительности (Г. И. Власова и Т. М. Сибирякова, Л. Я. Дорфман, В. А. Толочек). Это направление исследований сопрягается с работами в области уровней восприятия музыки (П. А. Сабадош), распознавания ее эмоционального содержания (Т. С. Князева, А. В. Торопова), но не сводится к ним.

Эмоциональные предпочтения рассматриваются в нескольких аспектах. Во-первых, это аспект эксплицитного и/или имплицитного режимов функционирования эмоциональных предпочтений (Л. Я. Дорфман, Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, К. С. Berridge, X. Dai, С. М. Brendl, & D. Ariely, P. W. Eastwick et al., Winkielman & K. Berridge). Во-вторых, появляется тема их валентности (Л. Я. Дорфман, Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, Г. А. Голицын, О. Н. Данилова и В. М. Петров, В. Петров, В. М. Петров и Л. Г. Бояджиева, Т. Chamorro-Premuzic & A. Furnham A. J. Elliot, M. Punkanen, T. Eerola, & J. Erkkilä, M. Tamir & V. Q. Ford). В-третьих, показано, что эмоциональные предпочтения могут проявляться в ближней и отдаленной временной перспективе (Л. Я. Дорфман, А. И. Зворыгина и Н. В. Калинина, С. S. Carver & M. F. Scheier, E. Diener, E. T. Higgins, E. T. Higgins, J. Shah, & R. Friedman, D. N. Rapp et al.).

Между тем проблема эмоциональных предпочтений музыкантов-исполнителей как субъектов выборов изучена в наименьшей степени. Современные исследования эмоциональных предпочтений носят по преимуществу разрозненный характер и нуждаются в дополнительных исследованиях. В качестве **ведущего** выступает **противоречие** между исследованиями отдельных сторон эмоциональных предпочтений и отсутствием общих теоретических представлений и совместных эмпирических данных о них.

Анализ литературы и ее осмысление обусловили выбор темы исследования: «Эмоциональные предпочтения в музыкально-исполнительской деятельности и особенности Я-концепции».

Целью работы является исследование соотношения эмоциональных предпочтений в музыкально-исполнительской деятельности с особенностями Я-концепции.

Объектом исследования являются эмоциональная сфера личности и деятельности музыкантов-исполнителей.

Предметом исследования являются эмоциональные предпочтения с учетом степени их осознанности, временной перспективы и валентности. Эмоциональные предпочтения изучаются в их соотношениях с выборами музыкальных произведений и полимодальным Я музыкантов-исполнителей.

В соответствии с проблемами, обозначенными выше, были поставлены три **эмпирические задачи** исследования.

Первая задача заключалась в том, чтобы выявить феномен эмоциональных предпочтений в аспекте имплицитности – эксплицитности, временной перспективы, валентности, уточнить их структуру и характер при оценивании музыкальных произведений.

Вторая задача заключалась в том, чтобы установить вклады репрезентации музыкальных произведений и полимодального Я в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения.

Третья задача заключалась в том, чтобы оценить, в какой степени эмоциональные предпочтения могут интегрировать репрезентацию музыкальных произведений и полимодальное Я и какова роль в этом структурных компонентов эмоциональных предпочтений.

Исследовательские гипотезы. Теоретический анализ проблемы и теоретико-эмпирические предпосылки позволили решать поставленные задачи в рамках следующих гипотез исследования. Общая гипотеза заключалась в том, что эмоциональные предпочтения представляют собой многомерный конструкт, который соотносится с репрезентацией музыкальных произведений и полимодальным Я. На этой основе были сформулированы конкретные исследовательские гипотезы.

Первая задача решалась путем тестирования двух гипотез. (1) Эмоциональные предпочтения актуализируются при выборе музыкантами-исполнителями предпочитаемых музыкальных произведений. (2) Эмоциональные предпочтения музыкальных произведений (а) могут быть имплицитными и эксплицитными; (б) своеобразны в ближней и отдаленной

временной перспективе и отличаются между собой степенью выраженности эмоциональных оценок; (в) имеют валентность, включают положительные и отрицательные эмоциональные оценки. Кроме того, (г) имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения взаимосвязаны.

Вторая задача решалась путем тестирования двух гипотез. Репрезентация музыкальных произведений и полимодальное Я производят вклады в (3а) имплицитные эмоциональные предпочтения и (3б) эксплицитные эмоциональные предпочтения. Вклады полимодального Я в эмоциональные предпочтения дифференцируются с учетом особенностей субмодальностей Я, тенденций к слиянию и обособлению в полимодальном Я.

Третья задача решалась на основе предположения о том (гипотеза 4), что эмоциональные предпочтения могут интегрировать выборы музыкальных произведений и полимодальное Я в единое целое. Внутренними опосредующими звеньями интеграции являются структурные компоненты эмоциональных предпочтений – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива, валентность.

Теоретико-методологическую основу исследования составили фундаментальные научные направления, открывающие пути исследования эмоциональных предпочтений:

– целостный подход, разные варианты которого представлены в работах К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, В. А. Барабанщикова, Б. А. Вяткина, А. А. Деркача, Л. Я. Дорфмана, Б. Ф. Ломова, В. С. Мерлина, Я. А. Пономарева; С. Л. Рубинштейна, Е. А. Сергиенко, В. А. Толочка, М. А. Холодной, В. Д. Шадрикова;

– системный подход, открывающий многоаспектное видение явления и позволяющий рассматривать его в нескольких системах координат, показывая многомерность (В. А. Барабанщиков, Л. Я. Дорфман, В. П. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, Я. А. Пономарев). Знание о системном явлении

интегрируется кросстеоретически в согласии с принципом дополнительности (А. В. Юревич);

– субъектно-деятельностный подход, утверждающий человека активным субъектом многообразных форм активности и деятельности и показывающий способность человека к самодетерминации, самоопределению, саморазвитию (К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, И. А. Джидарьян, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко);

– концепция эмоциональных стилей (Л. Я. Дорфман);

– концепция метаиндивидуального мира и полимодальный подход к Я-концепции (Л. Я. Дорфман).

Научная новизна исследования состоит в следующем. Достигнуто приращение нового знания о составе и структуре эмоциональных предпочтений, которое развивает концепцию эмоциональных стилей. Впервые получены данные, свидетельствующие о том, что эмоциональные предпочтения распадаются на связанные между собой имплицитные и эксплицитные разновидности. Доказано, что имплицитные эмоциональные предпочтения в ближней и отдаленной временной перспективе отличаются между собой по степени выраженности и составу эмоциональных оценок. Имплицитные эмоциональные предпочтения в ближней временной перспективе возникают по оценкам страха, гнева, пассивности, напряжения, направления эмоций на себя. Эмоциональные предпочтения в отдаленной временной перспективе обнаруживаются по оценке страха, направления эмоций на себя, пассивности. Выявлено, что эксплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются бивалентностью, состоят из отрицательных и положительных эмоциональных оценок. Обнаружена положительная связь имплицитных предпочтений с отрицательными эмоциональными оценками и эксплицитных эмоциональных предпочтений с положительными эмоциональными оценками. Показаны связи эмоциональных предпочтений с музыкальными выборами и полимодальным Я музыкантов-исполнителей.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что систематизированы теоретические положения об эмоциональных предпочтениях. Представлена и обоснована системная модель эмоциональных предпочтений. В них выделяются три измерения: имплицитность – эксплицитность, временная перспектива и валентность. Они служат опосредующими звеньями, через которые проходит интеграция репрезентации (выборов) музыкальных произведений с полимодальным Я.

Практическая значимость работы заключается в следующем. Тесты имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений имеют высокую степень готовности к использованию в сфере музыкального образования. Предлагается применять индивидуальный подход по эмоционально-личностному критерию к учащимся и студентам, занимающимся музыкальным исполнительством. Конкретные результаты диссертационной работы использованы в учебно-воспитательном процессе Пермского государственного института культуры. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов общей психологии, спецкурса психологии эмоциональных стилей, при проведении практических занятий и эмпирических исследований эмоциональных предпочтений на факультетах психологии ВУЗов.

Достоверность результатов исследования обусловлена непротиворечивостью исходных методологических положений, применением комплекса методов и методик, соответствующих предмету и задачам исследования, репрезентативностью выборки, а также применением методов математической статистики с использованием компьютерной программы статистической обработки данных Statistica 5.5 и 6.0.

Положения, выносимые на защиту:

1. Стилевой характер эмоциональных предпочтений выражается в том, что музыканты-исполнители предпочитают эмоциональные способы исполнения, влияющие на выбор ими музыкальных произведений.

2. Эмоциональные предпочтения имеют субъектно-деятельностную стилевую основу и служат внутренней стороной музыкально-исполнительской (предметной) деятельности.

3. Эмоциональные предпочтения распадаются на имплицитные и эксплицитные. Имплицитные эмоциональные предпочтения имеют ближнюю и отдаленную временную перспективу. Обоснованность их временной дифференциации подтверждается различиями в степени выраженности эмоциональных оценок. Имплицитные эмоциональные предпочтения имеют отрицательную валентность, эксплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются бивалентностью, имеют отрицательную и положительную валентности.

4. Предложена системная модель эмоциональных предпочтений. В них выделяются три измерения – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива и валентность. Они служат звеньями, через которые проходит интеграция репрезентации (выборов) музыкальных произведений с полимодальным Я.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались на XVIII конгрессе Международной ассоциации эмпирической эстетики (IAEA) «Искусство и наука» (Лиссабон, 2004), научно-практической конференции преподавателей Пермского государственного института искусства и культуры (Пермь, 2004), Международном конгрессе по креативности и психологии искусства (Пермь, 2005), Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Г. А. Голицына «Количественные методы в искусствознании» (Екатеринбург, 2012), Международном научном симпозиуме «Исследования культурной жизни: количественные аспекты», посвященном памяти Колина Мартиндейла (1943–2008) и 100-летию русской формальной школы (Екатеринбург, 2013), Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю.

Лермонтова «Художественное сознание: консолидация естественнонаучного и гуманитарного подходов» (Самара, 2014), теоретическом семинаре лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН (Москва, 2015), Экспертном совете Института психологии Российской академии наук (Москва, 2015).

По теме исследования опубликованы 16 работ, в том числе 3 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 1 статья в издании, входящем в международную базу данных научного цитирования (Scopus), 5 статей в других изданиях, 1 глава в коллективной монографии, 6 тезисов докладов.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют пунктам специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии»: п. 8 «Сознание и познавательные процессы. Когнитивная психология», п. 15 «Эмоциональные процессы и состояния. Эмоциональная регуляция познавательных процессов и деятельности...», п. 31 «Структура личности. Проблема индивидуальных различий и типология личности... Соотношение внутреннего и внешнего мира человека. Самосознание и самооценка. Образ Я... Самоактуализация личности...», п. 38 «...Восприятие искусства и формирование художественных образов. Индивидуальные особенности восприятия искусства...». Соответствие подтверждается целью и предметом исследования, а также данными апробации исследования.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, выводов, заключения, списка литературы. Работа изложена на 185 страницах, содержит 21 таблицу, 17 рисунков. Список литературы насчитывает 373 наименования.

ГЛАВА I. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ

В данной главе подвергается анализу и ставится проблема эмоциональных предпочтений в контексте концепций эмоциональных стилей. В первом параграфе рассматриваются концепции эмоциональных стилей и их разновидности. Анализу подвергаются также понятия предпочтений и эмоциональных предпочтений, рассматриваются эмоциональные представления как «второе выражение» эмоций и эмоциональных предпочтений. Во втором параграфе рассматриваются эмоциональные процессы под углом зрения их эксплицитности – имплицитности, включая их отношения с Я-концепцией. В третьем параграфе раскрывается многоаспектность эмоциональных предпочтений. Показывается, что они могут носить эксплицитный и имплицитный характер, своеобразны по валентности и временной перспективе. В четвертом параграфе высвечиваются нерешенные проблемы, выявляется ведущее противоречие, ставится цель, обозначаются объект и предмет, формулируются задачи исследования, раскрываются теоретико-эмпирические предпосылки и выдвигаются на этой основе исследовательские гипотезы.

1.1. Эмоциональные предпочтения в контексте концепций эмоциональных стилей

1.1.1. Концепции эмоциональных стилей и их разновидности

Понятие эмоциональных стилей относится к семейству стилей человека и деятельности. Существует широкое поле исследований стиля в разных научных традициях, что свидетельствует о многообразии в своих проявлениях феномена «стиль» (А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, 2013; В. А. Толочек, 2013). Вот лишь неполный перечень стилей: когнитивные стили (В. М. Аллахвердов, 1986; В. А. Колга, 1986; А. И. Палей, 1982; М. А. Холодная, 1990, 2004, 2012; И. П. Шкуратова, 1994, 1997; А. Adler, 1927; J. Kagan, 1966; G. S. Klein, 1970; Н. А. Witkin & D. Godenough, 1977); индивидуальные стили деятельности (Б. А. Вяткин, 2005б; Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин, 2011, 2013; Е.

П. Ильин, 2008а; Е. А. Климов, 1959, 1969; В. С. Мерлин, 1986; М. Р. Щукин, 1995, 2005); стили активности (Б. А. Вяткин, 2005а; Л. Я. Дорфман, 1998), стили общения (И. П. Шкуратова, Л. И. Габдулина, 2001), стили саморегуляции (А. А. Волочков, 2007; Л. Г. Дикая, 2003; Л. Г. Дикая, В. В. Семикин, 1991; Л. Г. Дикая, В. В. Семина В. В., В. И. Щедров, 1994; О. А. Конопкин, 2011; В. И. Моросанова, 1995, 2010), стили профессиональной деятельности (В. А. Толочек, 2013), стили руководства (Т. Ю. Базаров, 1981; В. В. Люкин, 1981), стили жизни (К. А. Абульханова-Славская, 1980, 1991; Л. И. Анциферова, 1981, 2000). В этот список входят и эмоциональные стили (Б. И. Додонов, 1975, 1978, 1984, 1987; Л. Я. Дорфман, 1997б, 2011; В. А. Толочек, 2013; П. В. Токарев, 1991; J. Royce & A. Powell, 1983; D. M. Wardell & J. R. Royce, 1978).

В. А. Толочек (2013) полагает, что при большом многообразии внешних проявлений, стили имеют общие, родовые свойства. Некоторые из них приводятся ниже. (1) Стили выполняют функцию психологической адаптации человека к среде (учебной, производственной, своего организма, психики и пр.). (2) Стили выполняют функцию интеграции индивидуальных особенностей человека и условий социальной среды. (3) Стили носят инструментальный характер. (4) Стили не всегда обеспечивают успешность деятельности. (5) Стили стабильны, устойчивы во времени и мало изменчивы. (6) Стили согласуются с индивидуальностью субъекта и реализуют принцип самоподобия.

Далее В. А. Толочек (2013) обращает внимание на то, что, несмотря на наличие у стилей общих родовых признаков, имеется широкий спектр и расхождения в понимании стилей. В частности, это может быть обусловлено разделением их предметных областей – эмоциональной, интеллектуальной, деятельностной. Мы ограничимся рассмотрением эмоциональной области и, соответственно, эмоциональных стилей.

Важно отметить, что в разных теоретических контекстах эмоциональные стили выделяются и понимаются неодинаково. Так появляются разновидности эмоциональных стилей и их разные определения. Согласно Л. Я. Дорфману (1994, 1997б), эмоциональные стили вводились преимущественно по оси понятий «личность – деятельность». По этому основанию можно выделить две группы исследований эмоциональных стилей.

Первую группу составляют исследования эмоциональных стилей в рамках личностного подхода. Эмоциональные стили связываются с личностью и ее эмоционально-стилевыми свойствами. В отечественных работах эта традиция начинается с С. Л. Рубинштейна. «Каждая, сколько-нибудь яркая личность имеет свой более или менее ярко выраженный эмоциональный строй и стиль, свою основную палитру чувств, в которых она по преимуществу воспринимает мир» (С. Л. Рубинштейн, 1946, с. 488). Эту линию исследований продолжил Б. И. Додонов (1987). Он обратился к вопросу о том, что в ходе становления и накопления жизненного опыта у личности возникают стереотипы эмоционального реагирования на типичные жизненные ситуации (их смысл). По сути, это и есть эмоциональный стиль, хотя Б. И. Додонов не употреблял этот термин. С одной стороны, эмоциональный стиль входит в систему психологического склада личности, ее характер. С другой стороны, эмоциональный стиль влияет на эмоциональные и поведенческие реакции в ответ на определенные ситуации. Кроме того, Б. И. Додонов выделил потребностно-подобные эмоциональные образования личности, связав их с ее направленностью. Данные образования основаны на самопроизвольно возникающих переживаниях, которые инициируют соответствующее поведение личности. Личность не «ждет» подходящих ситуаций, а «ищет» их. Это тоже есть эмоциональный стиль.

В зарубежных работах исследования эмоциональных стилей в рамках личностного подхода прослеживаются в понятиях аффективных и

когнитивно–аффективных стилей. Они возникли с опорой на конструкты когнитивных стилей. Это направление отчетливо выражено у J. R. Royce с сотр. (J. Royce & A. Powell, 1983, D. M. Wardell & J. R. Royce, 1978). J. R. Royce разработал системно–информационную теорию личности (индивидуальности). В соответствии с этой теорией, в личности выделяются шесть подсистем. Одну из них представляют аффективные стили (другие пять – сенсорная, моторная, когнитивная, аффективная и ценностная). По J. R. Royce, стиль есть свойственный личности способ или путь проявления когнитивных и/или аффективных явлений.

J. R. Royce (J. Royce & A. Powell, 1983, D. M. Wardell & J. R. Royce, 1978) предлагает различать три общих высокоорганизованных стиля: рациональный, эмпирический, метафорический. В свою очередь, каждый из них включает когнитивные, аффективные и когнитивно–аффективные стили. Рациональный стиль характеризует аффективный стиль с конструктом ригидности–гибкости контроля; эмпирический – с конструктом толерантности к нереальному опыту и импульсивности–рефлексивности; метафорический – с физиогномическим–буквенным конструктом. Конструкты ригидности–гибкости контроля и толерантности к нереальному опыту характеризуют мотивационный контроль. Авторы относят их к «мотивационным» аффективным стилям. Импульсивность–рефлексивность и физиогномический–буквенный конструкты характеризуют эмоциональный контроль. Авторы относят их к «эмоциональным» аффективным стилям. При этом «мотивационные» и «эмоциональные» аффективные стили образуют связи с когнитивными стилями и аффективными чертами личности.

В целом, можно отметить, что благодаря работам J. R. Royce с сотр. (J. Royce & A. Powell, 1983, D. M. Wardell & J. R. Royce, 1978), эмоциональные стили как бы обретают уже готовые конструкты, поскольку ранее последние относились к области когнитивных стилей.

Вторую группу составляют эмоциональные стили, основанные на концепциях индивидуального стиля деятельности (Б. А. Вяткин, 2005б; Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин, 2011, 2013; В. С. Мерлин, 1986) и индивидуального стиля активности (Б. А. Вяткин, 2005а; Л. Я. Дорфман, 1998). Эту группу составляют такие разновидности эмоциональных стилей как индивидуальный эмоциональный стиль (Л. Я. Дорфман, 1997б, 2011) и индивидуальный стиль эмоциональной активности (П. В. Токарев, 1991).

Наиболее глубоко разработан конструкт индивидуального эмоционального стиля. Он зиждется на трех основаниях.

Во-первых, это субъектно-деятельностный подход (К. А. Абульханова-Славская, 1980; К. А. Абульханова, 2009; Л. И. Анцыферова, 1981, 2000; А. В. Брушлинский, 1992, 2003; И. А. Джидарьян, 1988; В. В. Знаков, 2005, 2007; С. Л. Рубинштейн, 1946, 2003, 2010; Е. А. Сергиенко, 2006; Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, Ю. В. Ковалева, 2010). Субъектно-деятельностный подход утверждает человека активным субъектом многообразных форм активности и деятельности. Этот подход показывает способность человека к самодетерминации, самоопределению, саморазвитию, саморегуляции, выявляет особенности его жизненной позиции, образа жизни, жизненного пути как активного субъекта, как личности. В этот класс ситуаций вписывается индивидуальный эмоциональный стиль. Он раскрывает роль эмоций не столько в аспекте обслуживания деятельности, сколько показывает их ресурс породить и инициировать ее.

Во-вторых, это деятельностные представления об эмоциональных переживаниях. Они обнаруживаются в нескольких аспектах. (1) Эмоции понимаются как производящие определенную работу и направлены на освобождение от тягостных переживаний, например, «работа печали» (З. Фрейд, 1989), «работа горя» (Е. Lindemann, 1944; J. W. Worden, 1986). (2) Представления о переживании как деятельности позволяют переосмыслить

деятельностный потенциал эмоциональных переживаний. Переживание есть особая работа по перестройке психологического мира. Она направлена на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием (Ф. Е. Василюк, 1984). (3) В русле общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева (1975) обозначено положение о релевантности эмоций деятельности. Это положение намечено, но не изучено и не осмыслено.

В-третьих, основой эмоционального стиля как деятельности служит концепция метаиндивидуального мира (Л. Я. Дорфман, 1993, 2006). Контур этой концепции описываются далее, в § 1.4.2. Здесь мы отметим лишь одно из ее центральных положений – о метаиндивидуальном мире как полисистеме и двойственности его качественной определенности. Метаиндивидуальный мир складывается из двух взаимодействующих систем. Одну систему образуют отношения от индивидуальности к миру, другую – от мира к индивидуальности. Отсюда следует, что любое явление в этом мире есть своеобразная проекция этих двух систем. Значит, данное явление характеризуется двойственностью своей качественной определенности, – в той степени, в какой испытывает на себе влияния обозначенных выше двух систем. С этих позиций вводится положение о многозначности связей эмоций и когнитивных образов, эмоций и деятельности. Иначе говоря, эмоции могут как обслуживать когнитивные образы и предметную деятельность, так и в определенной степени инициировать их и соответствующие операции.

С этих позиций выделяются две формы эмоциональных стилей – объектная (предметная) и субъектная (индивидуальная). Объектная форма эмоциональных стилей помогает субъекту эмоционально приспособиться к требованиям предметной деятельности. Субъектная форма эмоциональных стилей инициируется самим субъектом. Более того, субъект направляет их на собственные эмоции, а предметы внешнего мира начинают выполнять функцию их обслуживания. Соответственно, субъект либо делает выборы

подходящих предметов в согласии со своими эмоциями, либо – если сделать выбор затруднительно, – преобразует, трансформирует (физически и/или мысленно) предмет. Объектная и субъектная формы эмоциональных стилей взаимодействуют (Л. Я. Дорфман 1994, 1997б; ср.: В. А. Толочек, 2013).

В общем, понятием «эмоциональные стили» (в зависимости от контекста, также «индивидуальный эмоциональный стиль», «индивидуальный эмоциональный стиль самодеятельности») обозначается индивидуально-своеобразная и инструментальная (операциональная) сторона эмоциональной деятельности. Индивидуальность (субъект) склонна к переживанию эмоций как своеобразным способам приспособления и/или преобразования мира. Инструментальный характер эмоциональных стилей проявляется также в эмоционально обусловленных способах и приемах оперирования когнитивными образами и предметами действительности.

В связи с этим различаются несколько разновидностей субъектных эмоциональных стилей: эмоциональные предпочтения и эмоционально-когнитивные стили. Тема эмоциональных предпочтений будет рассматриваться в следующем подпараграфе. Здесь отметим, что в эмоционально-когнитивных стилях когнитивные операции могут находиться под управлением эмоций.

Проиллюстрируем субъектные эмоционально-когнитивные стили в условиях разучивания музыкальных произведений. Г. И. Власова и Т. М. Сибирякова (1989) выделили следующие когнитивные операции: выбора, структурирования времени, дифференцирования (смысловые группировки музыкального материала, анализ – синтез), персеверирования (возвраты к одним и тем же фрагментам музыкального текста). В терминах эксплораторного факторного анализа, факторы, в которые входили со значимыми факторными весами показатели эмоциональных переживаний (с максимальными факторными нагрузками), когнитивных операций и свойств темперамента интерпретировались как факторные отображения

индивидуальных эмоционально-когнитивных стилей. Затем Г. И. Власова и Т. М. Сибирякова (1989) изучали эмоционально-когнитивные стили у студентов специализации «Руководитель самодеятельного хорового коллектива» Пермского государственного института искусств и культуры, имевших среднее специальное музыкальное образование. Эмоционально-когнитивные стили изучались в условиях разучивания музыкальных произведений.

При разучивании произведения, вызывавшего эмоции радости, переменные радости и анализа управляли операциями выбора на фоне тревожности и пониженной эмоциональной возбудимости студентов. При разучивании произведения, вызывавшего эмоции печали, переменные печали управляли операциями персеверации, выбора и анализа на фоне экстраверсии и тревожности. При разучивании произведения, вызывавшего эмоции страха, переменные страха и анализа управляли операциями структурирования времени и выбора на фоне снижения эмоциональной возбудимости. При разучивании произведения, вызывавшего эмоции гнева, переменные гнева управляли операциями снижения степени персевераций и ростом синтеза на фоне экстраверсии, ригидности, тревожности и снижения эмоциональной возбудимости.

Эти результаты свидетельствуют о том, во-первых, что одни когнитивные операции характеризуются неспецифичностью по отношению к модальности эмоций. Так, операции анализа и выбора применялись под влиянием эмоций радости, печали, страха. Другие когнитивные операции, во-вторых, являются специфичными по отношению к модальности эмоций (например, печаль – рост операций персеверации, гнев – снижение роста операций персевераций, страх – операции структурирования времени, гнев – рост операций синтеза). Во-вторых, на характер связки «эмоции – когнитивные операции» влияли в некоторой степени свойства темперамента и их конфигурации.

Объектные (предметные) эмоциональные стили эмпирически изучались, но не были обнаружены (Л. Я. Дорфман, 1997б).

Перспективу расширения понятия эмоциональных стилей наметил В. А. Толочек (2013). Руководствуясь задачей построения целостного представления о стилях, поиска и разработки единого понятийного аппарата для описания всего их разнообразия, он предложил, в частности, связать понятия эмоциональных стилей и эмоционального интеллекта. Обычно эмоциональный интеллект (в отечественных исследованиях – Л. В. Винокуров, 2007; Д. В. Люсин, 2009, 2013, 2014; Д. В. Люсин, Е. А. Климова, В. В. Медведева, 2014; Д. В. Люсин, О. О. Марютина, А. С. Степанова, 2004; Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова, 2009; Д. В. Ушаков, 2004, 2009) рассматривают разновидностью интеллекта. По мнению В. А. Толочка (2013), эмоциональные стили и эмоциональный интеллект – это не столько два разных предмета, сколько разные подходы и разные научные традиции в изучении эмоциональных стилей, с одной стороны, когнитивных и ценностных регуляторных механизмов, с другой.

1.1.2. Понятия предпочтений и эмоциональных предпочтений

Вопрос предпочтений является одной из фундаментальных проблем когнитивных стилей (М. А. Холодная, 2004, 2012). Вместе с тем тема предпочтений касается любых разновидностей стилей, в том числе эмоциональных (В. А. Толочек, 2013). На наш взгляд, уместно рассматривать предпочтения не только в дифференциально-психологическом, а также в общепсихологическом плане.

Предпочтения

Индивидуальные выборы и предпочтения являются важной проблемой современной психологической науки, поскольку приоткрывают дверь в мир причин человеческого поведения и позволяют делать предсказания на их счет. Конечно, предикторы поведения не сводятся только к выборам и предпочтениям. Вместе с тем их изучение позволяет многое понять и

объяснить в том, как человек себя ведет в межличностных отношениях и предметном мире (S. Bhatia, 2013; H.-I. Liao et al, 2013; P. D. Parker et al., 2012; E. A. Patall, 2013). Проблема предпочтений широко исследуется также в музыкальной деятельности (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; В. Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996; Р. Ф. Сулейманов, 2010; E. Brattico & M. Pearce, 2013; T. Chamorro-Premuzic, P. Fagan, & A. Furnham, 2010; P. N. Juslin et al., 2010; J. A. Sloboda, 2010).

В словарях предпочтение (англ. preference; нем. Praferenz) определяется как признание преимущества чего-либо или кого-либо по сравнению с другими предметами или другими людьми (Оксфордский толковый словарь по психологии, 2002). В социологии предпочтение – это более высокая оценка одного объекта в сравнении с другим на основе заданного критерия, отличие предпочитаемого объекта от других объектов (Социологический энциклопедический словарь, 1998).

В психологии о предпочтении судят, предлагая участникам исследования сделать выбор из нескольких альтернатив, то есть выбор служит индикатором предпочтения (А. Ребер, 2001; J. W. Brehm, 1956; T. Sharot, B. De Martino, & R. J. Dolan, 2009). Выбор может совершаться эксплицитно и имплицитно (G. Corpin et al., 2010). Предпочтение понимается также как отношение к набору объекту, которое обычно принимает вид процесса принятия решения (S. Lichtenstein & P. Slovic, 2006). Кроме того, термин «предпочтение» имеет значение оценочного суждения объектов в смысле степени их привлекательности и желательности (K. R. Scherer, 2005). Наконец, предпочтение есть сочетание задач выбора с задачами сравнения, пусть даже они разные с точки зрения диагностики их в эксперименте (P. Manzini et al, 2008). Следовательно, предпочтение есть выбор не только из альтернатив, а также асимметричное упорядочивание множества объектов по

степени выраженности их преимуществ, привлекательности и желательности на основе их сравнения.

Хотя психологические исследования сравнения выделяются в самостоятельное направление (Е. С. Самойленко, 2010а, 2010б, 2011; А. Р. Вунок & Ф. Х. Гиббонс, 2006; Л. Фестингер, 1954; Ж. Мёллер & Н. В. Марш, 2013), сравнения также являются неотъемлемой стороной предпочтения. Согласно С. Л. Рубинштейну (2010), сравнение начинается с соотнесения или сопоставления объектов, затем в сравниваемых объектах выделяется общее и различное, ведущее, в свою очередь, к новому обобщению. Е. С. Самойленко (2010а) полагает, что результатом сравнения является эмпирическое обобщение, оно возникает путем выделения в сравниваемых объектах сходства. На наш взгляд, эмпирическое обобщение, возникающее в результате сравнения, служит важным звеном, объясняющим действие механизма обобщения в предпочтениях.

Эмоциональные предпочтения

Эмоции являются ключевым компонентом предпочтений (R. S. Lazarus, 1991; E. Peters, 2006; P. Slovic et al., 2002; N. Schwarz & G. L. Clore, 2003) и влияют на выборы объектов (G. Suri, G. Sheppes, & J. J. Gross, 2013).

Е. Peters (2006) предлагает понимать роль эмоций в предпочтениях в четырех аспектах. Во-первых, эмоции рассматриваются как информация. Имеется в виду, что в ходе принятия решения о предпочтении человек обращается к своим эмоциям: в какой степени они являются значимыми и позволяют ранжировать ряд предпочитаемых объектов. Значимые эмоции действуют как информация, которая управляет процессом принятия решения и соответствующими выборами. Во-вторых, эмоции влияют на предпочтения, действуя подобно прожектору, который высвечивает объекты в зависимости от степени выраженности эмоций, которые они вызывают, например, слабые или сильные, положительные или отрицательные. В-третьих, эмоции выступают в роли мотивов, побуждая делать выборы одних

объектов и сомневаться в выборе других объектов с учетом их автоматической классификации по критерию эмоциональной валентности. Наконец, в-четвертых, эмоции могут служить в виде общей шкалы, позволяющей сравнивать одни предпочитаемые объекты с другими, пусть даже они относятся к разным категориям, например, яблоки и апельсины.

Мы предлагаем выделить из категории предпочтений эмоциональные предпочтения в самостоятельную область исследования. Их можно рассматривать как совмещение предметно-ориентированных и личностно-ориентированных предпочтений по эмоциональному критерию.

Предпочтения предметов зависят от каких-то их признаков и функций: скажем, предпочтения музыкальных произведений по жанровому или стилевому критерию, по их художественно-выразительным особенностям типа тембра музыкальных инструментов и т.п. (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; В. Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996; Р. Ф. Сулейманов, 2010). Но также можно отметить некоторое множество личностно-ориентированных предпочтений. В межличностных отношениях это система мотивов, на основе которой личность готова осуществить эмоциональный (симпатия) контакт с одними членами группы и отвергать (антипатия) других, т. н. мотивационное ядро выбора (В. А. Петровский, 1972, 1987). В исследованиях самоуважения – это эмоциональный выбор, основанный на процедуре парного сравнения фотопортретов или схематических изображений человеческого лица (Е. О. Федотова, 1987). В исследованиях имплицитного уровня Я-концепции используются карточки со схематическими изображениями лица с различной эмоциональной экспрессией (визуальная задача с ранжированием эмоционально различных изображений лица) (Е. V. Aidman, 1998). Не исключено, что могут иметь место также моторные, сенсорные, перцептивные, интеллектуальные,

имагинативные, и т.п. критерии сравнений и предпочтений (см., напр.: Е. С. Самойленко, А. В. Корбут, 2011; Е. С. Самойленко, Т. А. Мелкумян, 2011).

Мы обращаем особое внимание на эмоциональный критерий. Он может служить эмпирическим обобщением, с позиций которого упорядочивается выбор и сравнение объектов по степени их предпочтения, объединяя их в общую категорию. Эмпирическое обобщение по эмоциональному критерию – это общая шкала, латентная категория, а предпочитаемые объекты – ее единичные экземпляры во множестве, нечто наблюдаемое. Эмоциональный критерий предпочтений характеризуется определенной устойчивостью, стабильностью; предпочитаемые объекты, наоборот, изменчивы, вариативны. Вариативность предпочитаемых объектов, взятая совместно с относительной устойчивостью и постоянством критериев их выбора – это новый взгляд на предпочтения как предмет исследования.

По эмоциональному критерию, эмоциональные предпочтения можно уподобить персеверации – многократные и повторяющиеся возвраты и воспроизведение предпочитаемого по характеру эмоционального начала в тех или иных объектах. В отношении музыкальных произведений, наоборот, эмоциональные предпочтения содержат признаки изменений. Исполнитель выбирает не одно, а некоторое множество произведений музыки. Другими словами, в эмоциональных предпочтениях можно усматривать взаимодействия двух тенденций – к сохранению и изменению. Они находятся не столько в отношениях противоборства, сколько в отношениях дополнительности. Эти тенденции предполагают и дополняют друг друга.

Эмоциональные предпочтения в контексте эмоциональных стилей

В отечественной литературе понятие эмоциональных предпочтений употребляется в нескольких значениях. Во-первых, этим понятием обозначаются действия и способы, которые создают субъективно удобные условия индивидуального стиля деятельности (Е. П. Ильин, 2008а,б; В. А. Толочек, 2013). Нельзя не согласиться с Толочком (2013), что

метафорически, концепция индивидуального стиля деятельности была «экзистенциалистской», – в том смысле, что человек выбирает действия и способы согласно своей индивидуальности. Эмоциональные предпочтения служат одним из убедительных аргументов в пользу постулируемого Толочком (2013) принципа самоподобия в отношении любых разновидностей стилей.

Во-вторых, эмоциональные предпочтения относят к области эмоциональных стилей. С. Л. Рубинштейн писал: «...Внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий). ... Изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, составляет фундаментальную задачу психологического исследования» (С. Л. Рубинштейн, 2003, с. 209). Этот взгляд позволяет по-новому увидеть проблему «преломления внешних причин через внутренние условия». Эмоциональные предпочтения – это характеристика внутренних условий человека как субъекта в плане его эмоциональных переживаний.

В свете современных представлений о стилях (В. А. Толочек, 2013), эмоциональные предпочтения можно рассматривать как ресурс, позволяющий своеобразным способом интегрировать внутреннюю и внешнюю среду субъекта по эмоциональному основанию. Человек производит выбор эмоций и предметов, стремясь их согласовать и интегрировать. В этих «двойных» выборах проявляется прежде всего инструментальный характер эмоциональных предпочтений (Л. Я. Дорфман, 1994, 1997б).

В общепсихологическом плане, в эмоциональных предпочтениях можно выделить несколько компонентов, которые в своей совокупности интегрируют человека с его внешним окружением. На полюсе внутренних условий это (а) отношения эмоциональных предпочтений с субъектом, его Я-концепцией, эмоциональные предпочтения как эмоциональное проявление

его самости; (б) эмоциональные предпочтения как субъективные и значащие переживания; (в) эмоциональные предпочтения, включающие эмоции, так сказать, в «чистом» виде, в известном смысле отделенные от их когнитивных (предметных) составляющих, – подобно тому, как А. Н. Леонтьев (1971, 1975) отделял эмоции от их предметного содержания, а Ф. Е. Василюк (1993) отделяет чувственную ткань психического образа от его предметной стороны. На полюсе объекта эмоциональные предпочтения приводят (г) к выбору соответствующего значащим переживаниям предмета, (д) предмету с определенными эмоциогенными качествами, которые актуализируют (с той или иной степенью полноты) значащие переживания. Эмоциональные предпочтения демонстрируют такой класс ситуаций, при которых (е) они детерминируют выборы предметов (или их отдельных параметров) по эмоциональным критериям, причем предмет, по меньшей мере в некоторых отношениях, уподобляется значащим переживаниям. Это есть выражение принципа самоподобия, о котором пишет В. А. Толочек (2013). Его высказывание о том, что индивидуальный стиль субъекта можно рассматривать как психологическую систему, обеспечивающую встречу человека с самим собой, можно перенести на эмоциональные предпочтения. Именно эмоциональные предпочтения, прежде всего, обуславливают выбор предметов, благодаря которым актуализация первых во вторых создает необходимые условия для встречи человека с самим с собой на полюсе предмета.

Возьмем для примера музыкальные произведения. По оценкам экспертов, «Подснежник» из цикла «Времена года» П. И. Чайковского выражает эмоции радости, прелюдия си минор, соч. 28, № 6 Ф. Шопена – эмоции печали, прелюдия си-бемоль минор, соч. 11, № 16 А. Н. Скрябина – эмоции страха, прелюдия фа минор, соч. 28, № 18 Ф. Шопена – эмоции гнева (Г. И. Власова, Т. М. Сибирякова, 1989). Музыка есть не только средство воплощения художественных образов, но и выражение человеческих эмоций. Чтобы

выразить их, композитор сочиняет произведения, используя определенным образом форму, гармонию, лад, темп, ритм, артикуляцию, штрихи и другие музыкальные средства. Как будет показано ниже, музыкальные исполнители делают выборы тех сочинений, которые в той или иной степени находятся в согласии опять-таки с их эмоциональными предпочтениями. Композиторы также имеют эмоциональные предпочтения и выражают их в своих сочинениях.

Можно привести троякого рода эмпирические свидетельства о том, что феномен эмоциональных предпочтений существует, как минимум, в художественно-творческой, в том числе музыкальной, деятельности. Во-первых, это эмпирические данные, установленные непосредственно в рамках концепции эмоциональных стилей. Во-вторых, это эмпирические данные об эмоциональных предпочтениях композиторов, установленные вне рамок концепции эмоциональных стилей. В-третьих, это эмпирические данные об эмоциональных предпочтениях музыкантов-инструменталистов, также установленные вне рамок концепции эмоциональных стилей.

В рамках концепции эмоциональных стилей феномен эмоциональных предпочтений устанавливался неоднократно – у музыкантов-инструменталистов и оркестрантов (И. Г. Абзалова, С. Р. Колос, И. В. Соловьева, 1991; Л. Я. Дорфман, Г. В. Токарева, Е. В. Барашкова, 2008; L. Dorfman, 1994; L. Dorfman, E. Barashkova, & T. Chebykina, 1997), дирижеров самодеятельных оркестров (М. А. Григорьев, Л. Я. Дорфман, 1985). Также феномен эмоциональных предпочтений устанавливался у танцоров (Л. Я. Дорфман, 1987, 2011; L. Dorfman, 1994) и режиссеров театрализованных представлений (Т. Н. Бебчук, Р. П. Козлова, 1991).

В порядке иллюстрации, приведем эмпирические свидетельства эмоциональных предпочтений у студентов специализации «Руководитель самодеятельного оркестра народных инструментов», экстравертов и интровертов по отдельности (Л. Я. Дорфман, 1997б). Экстраверты-

оркестранты выбирали музыкальные произведения, которые сопрягались с (а) предпочтениями эмоциональных переживаний радости, активности, раскованности, направленных на музыку, (б) предпочтениями эмоциональных переживаний гнева, страха, напряжения и (в) избеганием эмоциональных переживаний печали, пассивности, направленных на себя. Интроверты-оркестранты выбирали музыкальные произведения, которые сопрягались с (а) избеганием эмоциональных переживаний радости, гнева, активности, раскованности, (б) предпочтением эмоциональных переживаний напряжения, направленных на себя, и пассивности.

Эти результаты можно интерпретировать следующим образом. А. Эмоциональные предпочтения связаны с психологическими особенностями экстраверсии – интроверсии. Б. Эмоциональные предпочтения включают субъективные и значащие переживания. В. Эмоциональные предпочтения включают эмоции, направленные на музыкальный предмет, но, в известном смысле, независимы от него. Г. Выбор музыкальных произведений может зависеть от эмоциональных предпочтений. Д. Скорее всего, предпочитаемым музыкальным произведениям приписываются эмоциогенные качества, посредством которых актуализируются эмоциональные предпочтения. Е. Их родство можно трактовать как выражение принципа самоподобия по В. А. Толочеку (2013), встречу человека с самим собой в эмоциональном отношении.

Эмоциональные предпочтения в контексте эмоциональности и межполушарной асимметрии мозга

В цикле исследований музыкантов-инструменталистов Е. П. Ильина и Р. Ф. Сулейманова (Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; Р. Ф. Сулейманов, 2010) эмоциональные предпочтения изучались под углом зрения эмоциональности музыкантов (Ю. А. Цагарелли, 1989). Было отмечено, что выбор музыки для исполнения имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя сторона музыкального выбора обусловлена программой

обучения, поскольку она предусматривает обязательные для исполнения произведения. Внутренняя сторона музыкального выбора связана с эмоциональными предпочтениями самих музыкантов. Эмоциональные предпочтения характеризуются индивидуальным своеобразием. Одни музыканты проявляют склонность к лирике, другие – к драматическим произведениям, третьи предпочитают легкую, веселую музыку. Вместе с тем намечены и некоторые общие особенности эмоциональных предпочтений музыкантов-инструменталистов. Так, в структуре эмоциональности (как свойстве темперамента) музыкантов преобладает эмоция радости, затем, по степени выраженности, – эмоции гнева и страха. Наименее выражена эмоция печали. Эти особенности эмоциональности музыкантов отражаются на выборе ими музыки для исполнения. Иначе говоря, выбор музыкальных произведений основан на эмоциональности и эмоциональных предпочтениях музыкантов.

Эмоциональные предпочтения композиторов установлены в исследованиях В. М. Петрова с соавт. (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; В. Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996). Эмоциональные предпочтения рассматривались как один из параметров творчества композиторов по оценкам 8 экспертов-музыковедов. С позиций информационного подхода, количественное исследование было направлено на изучение асимметрии творческого процесса композиторов. Предполагалось, что одних композиторов можно отнести к «аналитическому» типу (у них преобладает левое полушарие человеческого мозга), а других композиторов – к «синтетическому» типу (у них преобладает правое полушарие человеческого мозга). Наряду со многими другими, вводился параметр эмоциональных предпочтений композиторов, который проявлялся в их сочинениях: «оптимизм, жизнерадостность – трагичность мироощущения». Полагалось, что «трагичность мироощущения» сопрягается

с «аналитическим» типом, а «оптимизм, жизнерадостность» – с «синтетическим» типом.

Были получены, в частности, следующие результаты. По интегральной оценке творчества были выделены 2 «контрастные» группы, по 7 композиторов в каждой. В «аналитическую» группу вошли: Бах, Гендель, Мендельсон, Прокофьев, Рамо, Стравинский, Хиндемит. Коэффициент «трагичности мироощущения» в их сочинениях (max стремится к 1.00) был равен .69, .80, .94, .94, 1.00, .94, .82, соответственно. Следовательно, у композиторов этой группы наблюдалась склонность к «трагичности мироощущения». В «синтетическую» группу вошли: Берлиоз, Вагнер, Дебюсси, Малер, Скрябин, Чайковский, Шуман. Коэффициент «жизнерадостности» в их сочинениях (max стремится к 0.00) был равен .19, .18, .76, 00, .34, .18, .18, соответственно. За исключением Дебюсси, у остальных композиторов этой группы наблюдалась склонность к «жизнерадостности».

Полученные В. М. Петровым с соавт. данные свидетельствуют о том, во-первых, что у композиторов может наблюдаться феномен эмоциональных предпочтений, независимо от их тяготения к «аналитическому» или «синтетическому» типу. Во-вторых, композиторы, склонные к аналитическому типу, показывают эмоциональные предпочтения, которые имеют по преимуществу отрицательную валентность. Композиторы, склонные к синтетическому типу, наоборот, показывают эмоциональные предпочтения, которые имеют по преимуществу положительную валентность.

В целом, можно заключить, что нет никаких сомнений в существовании эмоциональных предпочтений, по меньшей мере, у людей, вовлеченных в художественно-творческую деятельность.

1.1.3. Эмоциональные представления как «второе выражение» эмоций и эмоциональных предпочтений

До сих пор мы подвергали анализу эмоциональные стили и эмоциональные предпочтения, особенно не вдаваясь в вопрос о способах существования эмоций. Теперь мы остановимся на этом вопросе специально.

Начнем с того, что эмоции могут существовать не только как переживания, но и как представления. Л. С. Выготский (1986) рассматривал воображение как «второе выражение» человеческих эмоций. В контексте темы нашей работы мы внесем некоторые поправки в это положение. Во-первых, условимся употреблять понятие представления вместо воображения. Мы исходим из того, что понятие представления шире понятия воображения, воображение есть разновидность представления. Во-вторых, сосредоточимся на том, что в представлении выражаются эмоциональные предпочтения. Имеется в виду, что понятие эмоциональных предпочтений является более узким и точным, чем эмоции вообще, но позволяет рассматривать роль эмоциональных представлений в качестве «второго выражения» именно эмоциональных предпочтений.

Представление – это процесс мысленного воссоздания образов предметов и явлений, которые в данный момент не воздействуют на органы чувств человека. В представлениях чувственно-наглядные образы предметов или явлений окружающей действительности сохраняются и воссоздаются на основе прошлого перцептивного опыта. Отсюда обозначение представлений как вторичных образов (Л. М. Веккер, 1998; Б. Ф. Ломов, 1984; А. Г. Маклаков, 2009; С. Л. Рубинштейн, 2010; Б. М. Теплов, 1985).

В представлениях отображаются не только предмет, средства и объективные условия деятельности и общения, но также внутренние состояния индивидуальности. Представления возникают в результате взаимодействий экстеро-, проприо- и интероцептивных систем, когнитивных процессов и чувственных переживаний. Поэтому они могут развертываться

одновременно по нескольким направлениям: соматическому (интеро- и проприоцептивному), предметному (экстероцептивному), семантическому (интерпретация, смысл образа), рефлексивному (самопознающему) (см.: Л. Г. Дикая, В. В. Семикин, 1991; D. F. Marks, 1986). Соответственно, в представлениях выделяются три измерения: поток сознания (одно измерение); отображение внешнего мира, его объектов и их значений (другое, объектное, измерение) и внутренние состояния, чувственная ткань психического (третье, субъектное, измерение).

В нашей работе речь идет об эмоциональных представлениях. Они выполняют двойную функцию. С одной стороны, они связывают исполнителя с предпочитаемыми произведениями, а с другой стороны, – с его полимодальным Я.

В эмоциональных представлениях выделяются три измерения. Первое измерение – представленность в сознании эмоциогенных особенностей музыки (в виде эмоциональных значений). Второе измерение – представленность в сознании личного опыта, переживаний, имеющих немзыкальный характер (в виде эмоциональных образов). Третье измерение – поток сознания, в котором объединяются эмоциональные значения и эмоциональные образы. По способу существования, все три измерения эмоциональных представлений являются когнитивными образованиями. При этом они включают в себя в трансформированном виде разные по происхождению содержания: в эмоциональных значениях – внешнее, эмоциогенные особенности музыки, в эмоциональных образах – внутреннее, чувственные переживания, в потоке сознания – сплав внешнего и внутреннего (Л. Я. Дорфман, 1997б, 2010).

Субъектный, немзыкальный слой (эмоциональные образы) и объектный, музыкальный слой (эмоциональные значения) эмоциональных представлений сосуществуют по принципу дополнительности. Один из вариантов их сосуществования приоткрывается в работе К. Х. Монасыпова (1989). Обучая

учеников игре на скрипке, он опирается на их жизненные представления (субъектный слой представлений) и на этой основе формирует у них образы-представления игровых движений. Для формирования исполнительских навыков правой руки отдельным движениям подыскивается наиболее адекватный им двигательный образ-представление. Для извлечения звука целым смычком вниз используется образ «покатились (с горы)», вверх – «закатили (санки)». При извлечении звука сменой смычков у колодки применяется образ «опоздали (пальцы)», «оттолкнули (локоть)». Извлечение звука верхней частью смычка и смена смычка у конца регулируется образом «облокотились (на что-то)», «гладить (утюгом)».

Теоретически, можно допустить, что многомерный характер эмоциональных представлений проявляется в эмоциональных предпочтениях.

1.2. Эксплицитные и имплицитные процессы

Термин «эксплицитный», в переводе с английского на русский язык, обозначает нечто явно выраженное, а «имплицитный» – нечто невыраженное, подразумеваемое. Пожалуй, одним из первых эти термины стал использовать с позиций теории познания и философии науки англо-американский философ Майкл Полани (1985) к знанию.

Стержнем концепции М. Полани является положение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицируемого, и периферического, неявного, скрытого, имплицитного. Оба типа знания находятся в отношениях дополнительности. Автор «Личностного знания» утверждает, что получаемая через органы чувств информация богаче той, которая проходит через сознание, и «человек знает больше, чем может сказать». Имплицитный компонент познавательной активности субъекта служит необходимым основанием логических форм знания. Неявное знание выступает как глубинный слой, на котором возвышается знание явное, эксплицированное, попавшее в фокус сознания.

Вслед за М. Полани (1985), термины эксплицитности – имплицитности стали употребляться в различных науках, в том числе в психологии.

В психологии, эксплицитные процессы обычно связывают с сознанием, осознанием, произвольностью, контролем. Они вербализуемы и поддаются самооценкам. Имплицитные процессы относят к области подсознания, к явлениям, которые ниже порога осознания, носят автоматический характер и не контролируются. Они не вербализуются, и люди не отдают себе отчет в их существовании (Я. А. Пономарев, 2006; А. В. Торопова, 1997, 2011; Д. В. Ушаков, 2006; Д. В. Ушаков, С. С. Белова, Е. А. Валуева, 2011; E. Norman, 2010). Но имплицитные процессы влияют на восприятие, память, поведение, предубеждения, убеждения, и т.п. (A. G. Greenwald, 1990; B. A. Nosek, 2007; D. H. Schultz et al., 2013; B. Wittenbrink & N. Schwarz, 2007).

Центральными понятиями, которые описывают эксплицитные – имплицитные процессы, являются сознание и подсознание. Этой дихотомией подчеркиваются их качественные различия. Дихотомический взгляд на сознание и подсознание преобладает в когнитивных теориях эмоций, мотивации, принятия решения и социальной психологии. Они пытаются определить качественно разные типы обработки информации и качественно разные типы содержания информации (E. Norman, 2010). Так, С. Эпстейн (S. Epstein, 1994) проводит различия между двумя системами обработки информации. Одна система включает личный опыт и переживания, другая – носит рациональный характер. Каждая оперирует набором принципов, отличающим одну систему от другой. Т. Д. Уилсон, С. Линдсей и Т. И. Шулер (T. D. Wilson, S. Lindsey, & T. Y. Schooler, 2000) полагают, что имплицитные и эксплицитные аттитюды функционируют независимо друг от друга и находятся под влиянием разных процессов. Д. Л. Гамильтон, С. Дж. Шерман и К. Б. Мэддокс (D. L. Hamilton, S. J. Sherman, & K. B. Maddox, 1999) предлагают рассматривать сознательные – подсознательные процессы как единый механизм, имеющий двойственную природу.

Далее мы подвергнем анализу когнитивные и социально-психологические эксплицитные и имплицитные процессы. Далее рассматриваются эмоциональные эксплицитные процессы и затем – эмоциональные имплицитные процессы.

1.2.1. Эксплицитные и имплицитные процессы: когнитивные и социально-психологические

Различение эксплицитных и имплицитных процессов относится к фундаментальным проблемам природы сознания, в том числе восприятия, памяти, мышления, научения, эмоций.

История мировой психологии – это в значительной степени история исследования и измерения эксплицитных процессов. Ощущения и восприятие, память и мышление, речь и научение (в общей психологии), личность и Я-концепция (в психологии личности), аттитюды, когнитивный диссонанс, фасилитация (в социальной психологии) – обычно измерялись, опираясь на самоотчеты, т.е. носили интроспективный и эксплицитный характер. Применение же тестов и объективных показателей поведения было ограниченным.

Понятно, что в связи с этим обстоятельством мы обращаем первоочередное внимание на имплицитные процессы. В последние десятилетия сформировался тренд открытия «нового подсознания». Он основан, прежде всего, на фундаментальных положениях когнитивной психологии и результатах эмпирических исследований (R. R. Hassin, J. S. Uleman, & J. A. Bargh, 2005).

J. Kihlstrom (1999) обозначил 4 направления исследований имплицитных процессов, развивавшихся вначале независимо и соединившихся впоследствии в общую концепцию подсознательной ментальной жизни. Первое направление представляет исследование имплицитных процессов как автоматических процессов. Второе направление представлено нейropsихологическими исследованиями. Исследователи автоматических

процессов полагают (по меньшей мере – неявно), что эти процессы доступны осознанию. Однако в настоящее время установлено, что наши переживания, мысли и действия могут находиться под влиянием все-таки неосознаваемых ментальных содержаний восприятия, памяти, чувств, желаний. Третье направление составляют исследования подпорогового восприятия.

В отечественной психологии и психофизиологии исследования подпорогового восприятия имеют длинную историю. Еще в 1863 г. Н. Сулова, сотрудница И. М. Сеченова, наблюдала в эксперименте эффект подпороговых ощущений. Во время Великой Отечественной войны Г. В. Гершуни, изучая страдавших «постконтузионной глухотой» больных с закрытыми травмами головного мозга, обнаружил изменение у них диаметра зрачка при действии звука. Более поздние исследования Г. В. Гершуни и его сотрудников показали, что субсенсорная область восприятия существует и в норме, а ее пределы для слухового анализатора сильно зависят от функционального состояния человека и имеют диапазон от 5 до 12 дБ (Г. В. Гершуни, 1947, 1957). Работы других российских авторов (Ю. И. Александров, 2007; Г. В. Гершуни, Е. Н. Соколов, 1999; Э. А. Костандов, 1983, 1994; Е. Н. Соколов, 2003, 2010) также свидетельствуют в пользу наличия феномена подпорогового восприятия. В рамках другого направления – творчества, в структурно-уровневую теорию творчества Я. А. Пономарева (1999, 2006) вводятся понятия уровней интуитивного и логического режимов функционирования когнитивной системы. Эти идеи Я. А. Пономарева развивают в настоящее время Д. В. Ушаков и его ученики (Д. В. Ушаков, 2006; Е. А. Валужева, 2007; Е. В. Гаврилова, Д. В. Ушаков, 2012; Д. В. Ушаков, С. С. Белова, Е. А. Валужева, 2011). С некоторыми оговорками и при определенных условиях, подпороговое восприятие, возможно, соотносится с интуицией.

Четвертое направление, по J. Kihlstrom (1999), составляют когнитивные и поведенческие эффекты под влиянием гипноза. Речь идет о неосознаваемых изменениях в восприятии, памяти, контроле над действиями людей, находящихся в состоянии гипноза или о постгипнотических эффектах.

Наряду с эмпирическими исследованиями «когнитивного подсознания» разворачиваются эмпирические исследования социально-психологических имплицитных процессов. В последние десятилетия появились убедительные эмпирические свидетельства о том, что социальное поведение может иметь имплицитные корни. Имплицитные социально-когнитивные процессы установлены, в частности, для социальных установок (аттитюдов), стереотипов, предубеждений, Я-концепции, самоуважения (A. G. Greenwald et al., 2002, 2006; J. F. Kihlstrom et al., 2000).

1.2.2. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные процессы

Эксплицитные эмоциональные процессы

Согласно любому принятому в науке определению, эмоция представляет собой осознаваемое переживание. Ряд авторов отмечает фундаментальную роль сознания в переживании эмоций (Б. И. Додонов, 1987; П. М. Якобсон, 1998; G. L. Clore, 1994; J. LeDoux, 1994; R. В. Zajonc, 1994). В наших терминах, это означает, что эмоции носят прежде всего эксплицитный характер. Эксплицитные эмоции наблюдаются и в межличностных отношениях. Люди получают знания об эмоциональных состояниях друг друга, осознанно обрабатывая релевантную информацию. Она может категоризоваться как знаки, сигналы или симптомы эмоций. Более того, в эмоциональные отклики могут проникать культурные нормы и сценарии (С. Marinetti, P. Moore, P. Lucas, & B. Parkinson, 2011).

Теория Р. Б. Зайонца (R. В. Zajonc, 1980, 2000) служит примером постановки проблемы отличий эксплицитных эмоций от имплицитных. В этой теории подчеркивается фундаментальное значение различий между переживаемой эмоцией и ее причинами. Переживаемая эмоция осознается и

потому носит эксплицитный характер. Причины же переживаемой эмоции могут быть некогнитивными и подсознательными, т.е. совсем не обязательно, чтобы они осознавались. J. LeDoux (1994) проводит различия между эмоцией и эмоциональным процессом: первая – осознаваема, эксплицитная, второй – неосознаваема, имплицитная.

Получены эмпирические свидетельства, показывающие существование осознаваемых (эксплицитных) и неосознаваемых (имплицитных) эмоций. Они функционируют в параллельном режиме, по отдельности влияя на когнитивные процессы, мотивы и поведение (P. D. Zelazo, M. Moscovitch & E. Thompson, 2007). C. Ramponi, G. Handelsman, and P. J. Barnard (2010) изучали роль памяти при воспроизведении пар слов с эмоциональными коннотациями. Они обнаружили, что пары эмоциональных слов лучше воспроизводятся, чем пары нейтральных слов, в тесте на эксплицитную память. Однако эмоциональный эффект не наблюдался в тесте на имплицитную память. Это означает, что современные представления об эмоциональной памяти (см. обзор: T. W. Buchanan, 2007) получают поддержку на ее эксплицитном, а не имплицитном уровне. В других работах (M. J. Starr, P. Winkielman, & K. Gogolushko, 2008; P. Winkielman, 2010) показано, что вербальная эмоциональная индукция (эксплицитные эмоции) и невербальная эмоциональная индукция (имплицитные эмоции) по разному влияют на потребительское поведение.

Вместе с тем эксплицитные и имплицитные эмоции могут сосуществовать в рамках общей системы. В полисистемной теории P. J. Lang (1988) структура эмоций рассматривается следующим образом. Вербально-когнитивный компонент соответствует уровню переживаемых и осознаваемых эмоций. Они являются эксплицитными, например, переживание страха. Поведенческий компонент соответствует уровню внешних моторных действий, например, избегание угрозы. Физиологический компонент соответствует уровню функционирования вегетативной нервной

системы, например, кожное электрическое сопротивление или сердечный ритм. Эти компоненты трактуются как относительно независимые, но взаимодействующие системы. Переживание (и осознание) эмоций и эмоциональная (физиологическая, имплицитная) активация имеют некоторые степени свободы в аспекте их самостоятельного функционирования.

В ряде работ ставится проблема расхождений и согласований эксплицитных и имплицитных эмоций. S. Rachman and R. Hodgson (1974) и S. Rachman (1990) исследовали эти вопросы специально. Расхождения в функционировании разных систем эмоций были обозначены как десинхрония (диссоциация), а их согласованное функционирование – как синхрония. Десинхрония возникает тогда, когда эмоциональные ответы, исходящие из разных уровней системы, расходятся. Например, зафиксирована десинхрония поведенческих и физиологических компонентов эмоций (P. J. Lang, 1988; S. Rachman, 1990).

Так, в состоянии страха или тревоги поведение избегания может затрагивать физиологическую эмоциональную активацию, но не осознается. Этот феномен был обозначен синдромом «панической атаки без переживания страха». При этом синдроме человек показывает соответствующие страху физиологические изменения, но не переживает страх как таковой. То есть страх блокируется на эксплицитном уровне. Могут наблюдаться и противоположные эффекты. Речь идет о росте физиологической эмоциональной активации на фоне отсутствия действий, направленных на избегание угрозы. J. F. Kihlstrom et al. (2000) наблюдали поведенческие и физиологические эмоциональные сдвиги при отсутствии их осознания и переживания. Противоположный случай описан в работе S. G. Barsade, L. Ramarajan, and D. D. Westen (2009). Они показали, что эмоция может осознаваться, но не осознается ее источник или влияние этого источника на когнитивные процессы, мотивы и поведение.

Мы не обнаружили прямых исследований в пользу синхронии эксплицитных и неэксплицитных эмоций. Однако отдельные работы свидетельствуют о том, что подобного рода согласования могут происходить через опосредующие переменные, в частности, через аттитюды. Обычно между эксплицитными и имплицитными аттитюдами наблюдаются рассогласования. Их изучение рассматривается важной областью исследований (В. А. Nosek, 2007). Вместе с тем появляются работы, в которых ставится вопрос о том, могут ли эксплицитные и имплицитные аттитюды находиться также в отношениях координации, причем с участием эмоций. С. Т. Smith and В. А. Nosek (2011) показали, что эмоциональный фокус способствует координации эксплицитных и имплицитных аттитюдов. При этом эксплицитные оценки разделились на эмоциональные и когнитивные компоненты, а имплицитные оценки касались в большей степени эмоциональных, чем когнитивных компонентов аттитюдов.

Отношения эксплицитных и имплицитных аттитюдов также зависят от валентности и модальности эмоций. J. R. Huntsinger and С. Т. Smith (2009) обнаружили, что осознаваемые эмоции модифицируют ощущения, вызванные имплицитными аттитюдами. Позитивные эмоции способствуют тому, что имплицитные аттитюды приводятся в соответствие с эксплицитными аттитюдами. Координация (синхрония) возникает между ними, потому что субъективное ощущение валидности имплицитного аттитюда возрастает. Негативные эмоции (печаль), наоборот, вызывают расхождения эксплицитных и имплицитных аттитюдов. Расхождения (десинхрония) возникают между ними, потому что субъективное ощущение валидности имплицитного аттитюда снижается.

Согласно J. R. Huntsinger (2013), различия между эксплицитными и имплицитными аттитюдами в состоянии гнева уменьшаются. Казалось бы, влияния переживания гнева и печали на аттитюды должны быть сходными, поскольку обе эмоции являются негативными по валентности. Однако

эмпирические данные свидетельствуют о близости влияний гнева с влияниями на аттитюды позитивных эмоций. J. R. Huntsinger объясняет полученные результаты двояким образом. Во-первых, подобно радости, гнев сопровождается переживаниями событий в будущем и мотивами приближения. Во-вторых, переживанию гнева сопутствует чувство уверенности в своей точке зрения и усиливается ощущение справедливости реакций гнева. Благодаря этому, полагает J. R. Huntsinger (2013), гнев (эксплицитная эмоция) способствует рефлексии имплицитных аттитюдов в эксплицитных аттитюдах. Так между ними возникает синхрония.

Имплицитные эмоциональные процессы

Понятием «имплицитные эмоции» описываются процессы, активируемые или подвергаемые обработке за пределами сознания, т.е. неосознаваемые процессы. В данном контексте термины «эмоции», «эмоциональные процессы», «эмоциональные состояния», «аффект», «чувство» используются синонимично. Применительно к имплицитным такое расширительное толкование эмоций оправдано: подсознательные эмоции выпадают из области осознаваемых переживаний и нуждаются в иной, чем для осознаваемых переживаний, классификации (S. G. Barsade, L. Ramarajan, & D. Westen, 2009; J. F. Kihlstrom et al., 2000).

Постановке вопроса об имплицитных эмоциях как самостоятельной категории предшествует проблема взаимной зависимости – независимости когнитивных и эмоциональных процессов. Если исходить из того, что эмоция представляет собой специфическую разновидность когнитивных оценок (M. V. Arnold, 1960, 1970; N. Frijda, 1986; R. S. Lazarus, 1991), то имплицитные эмоции нужно включать в класс имплицитных когнитивных процессов. Если опираться на предложенный Р. Б. Зайонцом (R. B. Zajonc, 1980, 2000) подход к исследованию эмоций, утверждающий независимость эмоций от когниций (поскольку эмоции функционируют в ином, чем когнитивные процессы, режиме), то следует признать, что эмоции имеют «не-информационное»

происхождение. Согласно Р. Б. Зайонцу, когниции несут на себе печать трансформации и переработки информации. Эмоции же трансформируют «физическую и химическую» энергию, кодируются и перерабатываются в системах тела. Эмоции не всегда трансформируются в семантическое содержание, но часто кодируются в висцеральных и моторных символах. Теория эмоций Р. Б. Зайонца, следовательно, является висцеральной и эфферентной. В ней даже по определению полагается, что эмоции имеют подсознательный (имплицитный) характер.

Р. Б. Зайонц (R. В. Zajonc, 1980, 2000) отделял подсознательные эмоциональные процессы от подсознательных когнитивных процессов. При этом подпороговые предъявления эмоциональных стимулов и их влияния на поведение рассматривались как очевидные свидетельства наличия имплицитных эмоций. По происхождению, эмоции возникают некогнитивно и подсознательно, при этом имплицитными признаются лишь причины эмоций, а вызванная же какими-либо причинами переживаемая эмоция полагается как осознаваемая. Таким образом, теория Р. Б. Зайонца ставит вопрос о признании имплицитных эмоций как самостоятельного, независимого от когниций, понятия в психологии.

Многие современные исследования в области эмоций руководствуются ставшей классической гипотезой о «первичности аффекта», согласно которой эмоциональные ответы зачастую предшествуют осознаваемым когнитивным процессам. А. R. Damasio (1994) утверждал, что субъективные переживания эмоций производны от interoцептивных физиологических реакций, вызванных различными событиями. Но люди не осознают причины своих эмоциональных реакций. Эмоции не всегда доступны сознанию. J. Prinz (2004) утверждает, что первичная функция эмоций состоит в том, чтобы доводить до человека лично значимую информацию, которая может осознанно не переживаться. Примером тому могут быть работы, показывающие диссоциацию между вербальными самоотчетами о текущих

эмоциях и поведением, управляемым ими. В исследовании E. J. Strahan, S. J. Spencer, and M. P. Zanna (2002) участникам вначале предъявляли на подпороговом уровне картинки с грустными или нейтральными выражениями лиц (эмоциональный прайм). После этого они прослушивали музыкальную пьесу. Нужно было определить, в какой степени музыка является грустной. Те участники, которым вначале предъявляли картинки с грустным выражением лица, оценивали музыку более грустной, чем участники, которым вначале предъявляли картинки с нейтральным выражением лица. Более того, эмоциональный прайм влиял на поведение участников, когда им предоставили возможность выбрать один из двух соответствующих CD дисков. Влияния эмоционального прайма на вербальные самоотчеты и поведение были определены как имеющие имплицитный характер.

Истоки исследований имплицитных эмоций восходят, с одной стороны, к изучению когнитивного бессознательного в русле когнитивной психологии, и, с другой стороны, к системным (интегративным) теориям эмоций. «Революция» в когнитивной психологии в 60-е годы XX в. начиналась с рассмотрения когнитивных процессов как «холодных», осознаваемых и произвольных. В середине 1970-х гг. эти представления сменились двумя новыми тенденциями. С одной стороны, как уже выше отмечалось, начали изучаться феномены когнитивного бессознательного (в частности, автоматических процессов и имплицитной памяти). Роль этого направления оказалась настолько велика, что некоторые авторы обозначили полученные в его рамках результаты как «имплицитная революция» (S. G. Barsade, L. Ramarajan, & D. Westen, 2009). С другой стороны, под влиянием достижений психологии личности, социальной и клинической психологии исследования когнитивных процессов распространились также на «горячие» процессы, эмоции, мотивы и их влияния на память и другие когнитивные процессы. Эта тенденция свидетельствует об «аффективной революции». Благодаря ей,

эмоциональная жизнь начинает изучаться самостоятельно, а не только как продукт когнитивной обработки информации (J. F. Kihlstrom et al, 2000).

Включение исследований имплицитных эмоций в когнитивную психологию имеет несколько предпосылок. Одной предпосылкой являются представления об имплицитных компонентах аттитюдов, изучение которых на стыке психологии личности и социальной психологии выполнили А. Г. Greenwald and М. R. Banaji (1995). Эмоции являются ядром социальных аттитюдов. Они выражают валентность предрасположенности к людям, группам, организациям. Аффективные коннотации определяются по признакам приятия – неприятия, нравится – не нравится, или позитивное – негативное отношение и т.п. (А. Г. Greenwald & М. R. Banaji, 1995; J. F. Kihlstrom et al, 2000). При этом в имплицитных эмоциях выделяют два аспекта. С одной стороны, люди могут не осознавать содержания восприятий, памяти, мышления, но переживать соответствующие эмоции. В этом случае эмоции служат имплицитным и косвенным выражением когнитивных процессов. С другой стороны, люди могут осознавать то, что они воспринимают, запоминают, мыслят, но не осознавать эмоции, вызываемые этими когнициями. Тогда поведенческие и физиологические изменения служат показателями имплицитных эмоций (J. F. Kihlstrom et al, 2000).

До недавнего времени исследования имплицитных эмоций ограничивались учетом их валентности (позитивные – негативные имплицитные эмоции). К примеру, Р. Winkielman, К.С. Berridge, and J. Wilbarger (2005) обнаружили влияние валентности имплицитных эмоций на поведение. Р. Winkielman (2010) утверждает, что к настоящему времени получены свидетельства в пользу дифференциации имплицитных эмоций на позитивные и негативные. Однако вопрос о специфических, категориально разных имплицитных эмоциях (страха, гнева, отвращения, печали, радости, стыда, вины или гордости) является дискуссионным (Р. Winkielman, 2010).

Так, Р. Б. Зайонц (R. B. Zajonc, 1998) сомневается в том, что имплицитные эмоции поддаются категоризации. Этот взгляд аргументируется тем, что эмоции разных модальностей требуют когнитивной дифференциации (особенно социальные эмоции (чувства) типа вины или стыда). Согласно Р. Winkielman (2010), и люди, и низшие живые существа испытывают базовые, т.е. модальностно специфичные эмоции. Аргумент же о когнитивной дифференциации как противосвидетельстве существования разных по модальности имплицитных эмоций следует отвергнуть.

Пионерами эмпирических исследований имплицитных эмоций, разных по модальности, являются Y. Zemack-Rugar, J. R. Bettman, and G. J. Fitzsimons (2007). Их работа основывалась на 3-х условиях, которые учитывались при исследовании имплицитных вины и печали. Во-первых, имплицитные специфические эмоции должны относиться к одной валентности, но производить разные эффекты на поведение. Это позволит отделить влияние на поведение разных по модальности эмоций от влияний эмоций, разных по валентности. Во-вторых, действие специфических эмоций ожидается тогда, когда они не осознаются. В-третьих, следует показать, что люди не осознают и не могут дать отчетливый ответ на вопрос о различиях между их имплицитными эмоциями (как по валентности, так и по модальности). В качестве результатов таких влияний рассматривались поведенческие проявления самоконтроля.

Было установлено, что вина и печаль, индуцируемые участникам исследования в режиме подпорогового восприятия, по-разному влияют на самоконтроль. Высокий уровень склонности к вине (индивидуальная характеристика), имплицитно способствовал росту самоконтроля. Печаль, причем независимо от уровня склонности к вине, имплицитно способствовала снижению выраженности самоконтроля. Кроме того, получены косвенные данные о том, что имплицитные вина и печаль могут регулировать имплицитные цели поведения, а последние производят

эффекты на выраженность самоконтроля. Вышеизложенное позволило сделать вывод о том, что мотивационный фактор опосредует влияния имплицитных эмоций вины и печали на поведение (Y. Zemack-Rugar, J. R. Bettman, & G. J. Fitzsimons, 2007).

1.2.3. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные процессы в отношениях с Я-концепцией

В исследованиях эмоциональных процессов и Я-концепции принимаются во внимание самооценка, самовозвышение, самоконтроль, с одной стороны, осознаваемые эмоции, с другой. Способность человека думать о себе распространяется также на его эмоции и чувства. Любая саморефлексия может сопровождаться переживаниями (см. M. R. Leary & N. Buttermore, 2003; U. Neisser, 1988). Обзоры работ по проблематике эмоциональных аспектов Я делали M. R. Banaji and D. A. Prentice (1994); N. Ellemers et al., 2002; M. R. Leary and J. P. Tangney, 2003.

Мы обозначим исследования отношений эмоций, которые могут касаться Я-концепции, а могут возникать безотносительно к ней. Кроме того, анализу будут подвергнуты отношения эксплицитных и имплицитных эмоций с Я-концепцией.

Эмоции могут касаться Я-концепции, а могут возникать безотносительно к ней. Поэтому различают, во-первых, ситуации (объекты), относящиеся и не относящиеся к Я. Это – тема психологического обладания и собственности. Так, в выражении «мой сад» содержится отсылка к Я-концепции и подчеркивается момент обладания садом. В выражении «его сад», наоборот, содержится отсылка к психологической собственности другого человека. Интересно, что восприятию ситуаций (объектов), относящихся и не относящихся к Я, сопутствуют значимые различия в мозговой активности (P. Walla, C. Duregger, et al., 2008; P. Walla, K. Greiner, et al., 2007).

Во-вторых, различают две категории эмоций: относящихся и не относящихся к Я. Так, «мой страх» выражает эмоцию, относящуюся к Я

человека, а реакция на животное, которое испытывает страх, – эмоцию, не относящуюся к Я воспринимающего эту ситуацию человека. Электроэнцефалографические исследования свидетельствуют о специфических изменениях эмоций, относящихся к Я. В том числе было установлено, что эмоционально приятные слова, относящиеся к Я, воспроизводятся лучше, чем слова, не относящиеся к Я (С. Herbert et al., 2011). Значит, обработка аффективного содержания, соотносящегося с Я, производится иначе, чем аффективного содержания, не соотносящегося с Я.

Эксплицитные эмоции и Я-концепция

Давно известно, что эмоции тесно связаны с Я (Т. Conner & L. F. Barrett, 2005), и сознание человека традиционно рассматривается стержневой характеристикой самости (R. F. Baumeister, 1998; J. F. Kihlstrom & S. B. Klein, 1994). До настоящего времени эмпирические исследования взаимоотношений эмоций и Я касаются, прежде всего, самоосознаваемых эмоций и осознаваемой, т.е. эксплицитной Я-концепции. Самоосознаваемые эмоции в их связях с Я-концепцией складываются в отдельную область исследований (S. L. Koole & L. H. M. Coenen, 2007).

Самоосознаваемые эмоции можно понимать как аспект самоосмысления и самооценки. В связи с этим в поле внимания исследователей попадают прежде всего такие эмоции и чувства, как стыд, вина, смущение, социальное беспокойство, гордость, хотя любые эмоции, а не только эмоции осознаваемые, могут, в принципе, подвергаться саморефлексии, особенно спустя некоторое время.

Когда встает проблема самоосознаваемых эмоций, подразумеваются, во-первых, такие их характеристики, как качество, отчетливость, распознавание, отделение одних эмоций от других эмоций. Во-вторых, имеется в виду способность человека их вербализовать, верно интерпретировать, регулировать, подвергать контролю. В-третьих, осознание эмоций – это феномен самоосознания, он связан с Я-концепцией. Осознание эмоций имеет

и культурный аспект: побуждения и поступки, которые поощряются или не поощряются в данной культуре. Доступ к сознанию затруднен у тех эмоций, которые сопутствуют побуждениям и/или поведению, приводящих к нарушению запретов и грозящих наказанием. Даже проявление эмоций самих по себе, если они нарушают какие-то социальные правила и нормы, хуже осознаются, чем социально одобряемые эмоции (В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша, 2001).

J. L. Tracy and R. W. Robins (2004) отметили, что люди осознают свои эмоции в контексте актуальной или идеальной саморепрезентации. Другим критерием выделения самоосознаваемых эмоций в самостоятельную категорию может быть фактор оценивания человеком себя глазами других людей. Этот внешний фактор имеет внутреннюю, субъективную составляющую – интернализованную норму «генерализованного другого» (G. H. Mead, 1934). Следовательно, самоосознаваемые эмоции включены в саморегуляцию и связаны с Я-концепцией, с одной стороны, в межличностные отношения, с другой (R. F. Baumeister et al., 1994; J. S. Beer & D. Keltner, 2004; D. Keltner & J. S. Beer, 2005; D. Keltner & B. N. Buswell, 1997; R. S. Miller & M. R. Leary, 1992; J. P. Tangney et al., 2007).

Существующие модели самопознания рассматривают Я как многогранное и динамичное состояние, состоящее из некоторого множества самопрезентаций. Они различаются и не интегрируются (E. M. Donahue et al., 1993).

Следует также отметить работы, в которых изучается взаимная роль Я-концепции и негативных эмоций друг к другу. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что самоуважение (эксплицитная Я-концепция) по отношению к негативным эмоциям (ситуация угрозы) может выполнять компенсаторную и защитную функции. Так, угроза гендерной идентичности приводит к снижению выраженности самоуважения, особенно у мужчин (L. A. Rudman & K. Fairchild, 2004). Отвержение сверстников также приводит к

снижению показателей самоуважения (M. R. Leary & R. F. Baumeister, 2000; K. D. Williams, 2007).

Угроза может приводить к компенсации на уровне эксплицитного самоуважения (R. F. Baumeister, 1982; J. D. Brown & S. A. Smart, 1991; T. Pyszczynski et al., 2004). Самоуважение чувствительно к угрозам, но насколько оно противостоит и защищается от них на эксплицитном уровне остается не совсем понятным. Тем не менее, ряд авторов настаивает на том, что самоуважение обладает защитными механизмами, которые регулируют негативные эмоции, вызванные угрозами достоинству самоуважения (M. R. Leary & R. F. Baumeister, 2000; T. Pyszczynski et al., 2004; A. Tesser, 2000).

ИмPLICITНЫЕ ЭМОЦИИ И Я-КОНЦЕПЦИЯ

В другую область складываются исследования эмоций, которые не осознаются и тем не менее также соотносятся с Я-концепцией. Вопрос их связи осложняется тем обстоятельством, что сама Я-концепция может быть не только эксплицитной, но и имплицитной. В последние несколько десятилетий прогресс в исследованиях Я-концепции связан как раз с различением в ней эксплицитного (декларативного) и имплицитного уровней (E. V. Aidman, 1999; S. L. Koole & L. H. M. Coenen, 2007; L. A. Rudman, M. C. Dohn, & K. Fairchild, 2007). Они не сводятся, а дополняют друг друга. Эксплицитная и имплицитная Я-концепция не совпадают и расходятся по своим особенностям и влияниям на человека (L. A. Rudman, M. C. Dohn, & K. Fairchild, 2007).

Мы подвергнем анализу исследования имплицитных эмоций в связи с *эксплицитной и имплицитной Я-концепцией*.

В одном из экспериментов в исследовании C. N. DeWall et al. (2011) имплицитные эмоции определялись следующим образом. Испытуемых просили определить, является ли слово «щенок» более похожим на «парад» или «жук». После тренировочной серии из 5 триад с аффективно нейтральным содержанием испытуемые выполняли 28 основных заданий, в

которых сигнальные слова имели эмоциональное содержание. 10 сигнальных слов выражали «радость», 9 – «грусть» и 9 – «страх». С. N. DeWall et al. (2011) исходили из того, что испытуемые устанавливают связи между словами скорее на основе аффекта, чем на основе семантических значений. При этом процедура позволяла определять имплицитные эмоции с учетом их валентности – позитивные, негативные, или без учета валентности.

С. N. DeWall et al. (2011) изучали имплицитную эмоциональную регуляцию у людей после их социального отвержения в условиях ряда лабораторных экспериментов. Авторы отмечают, что потребность принадлежать другим людям относится к базовым потребностям людей. Поэтому социальное отвержение является серьезной угрозой, которая активизирует механизмы регуляции такой ситуации. Цель исследования состояла в том, чтобы показать имплицитные эмоциональные реакции как ответы на социальное отвержение, имеющие регуляционный характер и связанные с совладанием. В связи с этим внимание было сосредоточено также на самоуважении, которое представляет собой одну из разновидностей эксплицитной Я-концепции. Самоуважение тесно сопрягается с социальным отвержением и совладанием с межличностными угрозами. Гипотезы состояли в том, что люди с высоким уровнем самоуважения будут показывать рост имплицитных позитивных эмоций в ответ на межличностное отвержение. У людей с низким уровнем самоуважения, наоборот, внутренние защиты против социальной травмы развиты недостаточно. Они не будут показывать совладающий рост имплицитных позитивных эмоций в ответ на межличностное отвержение. Данные гипотезы получили эмпирическую поддержку.

Между тем следует отметить рост эмпирических свидетельств в пользу функционирования Я-концепции на имплицитном уровне. А. G. Greenwald and R. Banaji (1995) рассматривают имплицитную Я-концепцию как важный аспект имплицитного социального познания. Они предложили следующее

операциональное определение имплицитной Я-концепции: интроспективно неопределяемый (или неточно определяемый) эффект самоотношения, возникающий при оценивании ассоциированных и неассоциированных с Я объектов. К этому следует добавить, что неосознаваемые саморепрезентации сильно нагружены аффективными и мотивационными элементами, смещены к позитивной валентности, носят ассоциативный характер (E. V. Aidman, 1999; A. G. Greenwald & S. D. Farnham, 2000).

В настоящее время положение о Я, которое оперирует на эксплицитном и имплицитном уровнях различным образом, является общепринятым (E. V. Aidman, 1999; J. K. Bosson, W. B. Swann, & J. W. Pennebaker, 2000; S. D. Farnham, A. G. Greenwald, & M. R. Banaji, 1999; S. Otten & D. Wentura, 1999).

Теперь перейдем к анализу работ, в которых исследуются отношения имплицитных эмоций с имплицитной Я-концепцией. Хотя в имплицитной Я-концепции уже содержится имплицитный эмоциональный контекст, в значительном числе работ имплицитные эмоции и имплицитная Я-концепция разводятся. Особая роль при этом отводится имплицитной эмоциональной регуляции.

Традиционно эмоциональная регуляция рассматривается как произвольный процесс. Вместе с тем накапливается все больше работ, в которых приводятся эмпирические свидетельства о том, что эмоциональная регуляция может совершаться и имплицитно. Следующее определение может служить примером понимания имплицитной эмоциональной регуляции: любой процесс, который функционирует без необходимости в сознательном контроле или эксплицитных намерениях и направлен на модификацию качества, интенсивности, или длительности эмоционального ответа (S. L. Koole & K. Rothermund, 2011).

Имплицитное Я лучшим образом контролирует эмоциональные состояния, когда с эмоциональной системой возникают тесные ассоциации. Если же у имплицитного Я с эмоциональной системой слабовыраженные связи, первое

в меньшей степени способно контролировать вторую. Полагается, что обозначенные выше ассоциации зависят от социального окружения (J. Kuhl, 2000). Если оно поддерживает личностную автономию в ситуациях, вызывающих негативные эмоции, имплицитное Я способно развивать тесные связи с эмоциональной системой. Если же социальное окружение враждебно, индифферентно или принимает контролирующий характер, действие имплицитного Я тормозится, и потому оно в меньшей степени способно устанавливать связи с эмоциональной системой (S. L. Koole, & L. H. M. Coenen, 2007).

Некоторые люди демонстрируют автономность как раз в контексте негативных эмоций. Это проявляется в том, что они ассоциируют отдельные аспекты своего Я (выборы, ценности) с этими эмоциями. Но также и наоборот, когда негативные эмоции возникают, они активируют имплицитное Я, при этом, правда, неприятные эмоции могут рассеиваться, а на смену им приходят эмоции положительные. Дело в том, что одной из особенностей имплицитного Я является установка на поддержание положительного самоотношения, даже тогда, когда угрозы и требования неминуемы (S. L. Koole & L. H. M. Coenen, 2007; J. Kuhl, 2000). Вообще, имплицитному Я присущ имплицитный эгоизм. Например, в среднем, люди предпочитают буквы алфавита, которые соответствуют их имени и отчеству (B. W. Pelham, M. C. Mirrenberg, & J. T. Jones, 2002). Таким образом, когда имплицитное Я активируется, оно связывается прежде всего с позитивными эмоциями и потому облегчает переживание негативных эмоций.

Существуют индивидуальные различия в том, как имплицитное Я регулирует эмоциональную систему. Например, S. L. Koole and L. H. M. Coenen (2007) выделили 2 группы людей: ориентированных на действия и на переживания. Ориентация на действия представляет собой тип регуляции, который характеризуется решительностью и инициативностью. Ориентация на переживания, наоборот, представляет собой тип регуляции, который

характеризуется нерешительностью и сомнениями. Было установлено, что ассоциации имплицитного Я с эмоциональной регуляторной системой являются более плотными у людей с ориентацией на действия, чем у людей с ориентацией на переживания. Но имплицитное Я людей, ориентированных на действия, ухудшало регуляцию негативных эмоций. Имплицитное Я людей, ориентированных на переживания, наоборот, показывало устойчивость к негативным эмоциям. Следовательно, имплицитное Я может играть ключевую роль в эмоциональной регуляции.

1.3. Многоаспектность эмоциональных предпочтений

Теоретические представления и эмпирические данные свидетельствуют о том, что эмоциональные предпочтения раскрываются в нескольких аспектах. Во-первых, это аспект эксплицитного и имплицитного режимов функционирования эмоциональных предпочтений. Во-вторых, появляется тема их валентности и, в-третьих, их временной перспективы. Эти вопросы рассматриваются ниже, в следующих подпараграфах.

1.3.1. Эксплицитные и имплицитные эмоциональные предпочтения

Совместных исследований эксплицитных и имплицитных эмоциональных предпочтений весьма немного, причем они являются разноплановыми и не складываются в единую картину, – в отличие от исследований эксплицитных и имплицитных эмоций, которые рассматривались выше (см. §§ 1.2., 1.3.). Тем не менее, работы в области эксплицитных и имплицитных эмоциональных предпочтений заслуживают внимания с учетом темы нашего диссертационного исследования.

P. W. Eastwick et al. (2011) изучали предпочтения студентов в области физической привлекательности их романтических партнеров. Причем область романтических отношений рассматривалась как источник интенсивных эмоций, а физическая привлекательность – позитивным предиктором романтической привлекательности партнера. Были поставлены три исследовательских вопроса. (1) Содержат ли предпочтения в физической

привлекательности романтического партнера имплицитный компонент (в виде спонтанной позитивной эмоциональной реакции)? (2) Коррелируют ли имплицитный и эксплицитный компоненты предпочтений? (3) Что именно предсказывают имплицитный и эксплицитный компоненты предпочтений? Имплицитные предпочтения студентов (в виде спонтанной позитивной эмоциональной реакции) обнаружили на материале физической привлекательности идеального романтического партнера. Корреляции имплицитного и эксплицитного компонентов предпочтений были слабыми. Эксплицитные предпочтения позволяли предсказывать физическую привлекательность партнеров, представленных на фотографиях, а имплицитные предпочтения – привлекательность реальных по жизни партнеров.

Некоторые исследователи утверждают существование не только имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений, но и базовую (основополагающую) роль первых для вторых (К. С. Berridge, 1999; X. Dai, C. M. Brendl, & D. Ariely, 2010; P. Winkielman & K. Berridge, 2003).

В отечественных работах исследования имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений проводились, но не осмысливались в терминах имплицитности – эксплицитности. Более того, имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения изучались по отдельности. Так, Л. Я. Дорфман (1997б, 2011) изучал, по сути, имплицитные эмоциональные предпочтения, но без осмысления их имплицитного характера. В исследованиях музыкантов-инструменталистов Е. П. Ильина и Р. Ф. Сулейманова (Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; Р. Ф. Сулейманов, 2010) изучались, по сути, эксплицитные эмоциональные предпочтения. Опять-таки, их эксплицитный характер не осмысливался. Понятно, что во всех этих работах не ставился вопрос об отношениях имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений.

Для разработки темы нашего исследования существенное значение имеет сам факт, что эмоциональные предпочтения могут функционировать как в эксплицитном, так и имплицитном режимах.

1.3.2. Валентность эмоциональных предпочтений

Несколько огрубляя, можно сказать, что эмоциональные предпочтения – это выборы субъектом объектов или других людей с целью переживания им определенных эмоций (M. Tamir & V. Q. Ford, 2012). Тогда встает вопрос о том, какие эмоции предпочитает переживать субъект и об их мотивационном ресурсе. То есть это вопрос валентности эмоциональных предпочтений. Наиболее простым является пример стремления людей переживать удовольствие и избегать боли. Так эмоции приобретают характер предпочтений, мотивирующих принятие решений (A. J. Elliot, 2008). При этом эмоциональные предпочтения на имплицитном и эксплицитном уровнях могут иметь разные валентности (X. Dai, C. M. Brendl, & D. Ariely, 2010).

Эмоциональные предпочтения обнаруживаются также в определенном контексте. Согласно инструментальному подходу к эмоциональной регуляции (M. Tamir, 2009), люди хотят переживать те эмоции, которые приносят им пользу, не важно, приятные или неприятные они. Поскольку полезность эмоций зависит от контекстов, в которых они переживаются, предпочитаемые эмоции варьируют от одних контекстов к другим. Эмоции, которые люди предпочитают переживать в данном контексте, зависят в свою очередь от преследуемых целей. Например, люди предпочитают эмоции радости, когда они ориентируются на сотрудничество с другими людьми, но эмоции гнева при конфронтации с ними (M. Tamir, C. Mitchell, & J. J. Gross, 2008).

M. Punkanen, T. Eerola, and J. Erkkilä (2011) изучали эмоциональные предпочтения людей в состоянии депрессии. Депрессия понималась как расстройство настроения, которому сопутствуют низкие энергетические уровни бодрствования, проблемы выражения и регуляции негативных

эмоций, таких как гнев. Тестировалась гипотеза о том, что эти особенности депрессии актуализируются в эмоциональных предпочтениях музыкальных произведений людей, подверженных депрессии. Здоровым и депрессивным участникам предъявлялись музыкальные отрывки, которые выражали базовые эмоции гнева, печали и радости (валентность), а также разные энергетические уровни эмоций. Было установлено, что депрессивные участники избегали музыки с высоким энергетическим уровнем бодрствования и выражающей гнев.

Особое внимание в исследованиях уделяется влияниям *разных* внутренних состояний на валентность эмоциональных предпочтений. Т. Chamorro-Premuzic and A. Furnham (2007) обнаружили, что в состоянии печали люди предпочитают печальную музыку, а в состоянии радости – радостную музыку. Эмоциональные предпочтения музыки находятся также в связи с индивидуальными особенностями музыкантов-исполнителей. Л. Я. Дорфман (1997б) показал, что экстравертированные оркестранты предпочитают произведения, выражающие радость, и избегают произведения, выражающие печаль. Интровертированные оркестранты, наоборот, избегают музыкальные произведения, выражающие радость и гнев. На валентность эмоциональных предпочтений музыкантов в зависимости от их индивидуальных особенностей указывают Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин и Р. Ф. Сулейманов (2006), Р. Ф. Сулейманов, 2010. В. М. Петров с сотр. (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; . Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996) отмечают связь валентности эмоциональных предпочтений композиторов с межполушарной асимметрией их мозга. Т. Chamorro-Premuzic, P. Fagan, and A. Furnham (2010) установили, что нейротизм (негативная эмоциональность) и экстраверсия (позитивная эмоциональность) могут служить маркерами предпочтений печальной и радостной музыки, соответственно.

Интригующей является попытка объяснить связь валентности эмоциональных предпочтений музыки с индивидуальными особенностями слушателей. Теория D. M. Buss (1987) предсказывает активные выборы людьми тех фрагментов окружающей среды, которые подкрепляют их установки и мнения. P. J. Rentfrow and S. D. Gosling (2003) полагают, что люди выбирают музыку, которая подкрепляет их личностные диспозиции. T. Chamorro-Premuzic, P. Fagan, and A. Furnham (2010) предложили концепцию, согласно которой слушатели ориентируются на особенности своей личности, совершая эмоциональные выборы музыки. Если экстраверсия представляет собой позитивную эмоциональность, можно думать, что экстраверты предпочитают радостную музыку, потому что она привлекает к себе своей жизнерадостностью, в которой отражается позитивная эмоциональность экстравертов. Если нейротизм представляет собой негативную эмоциональность, можно думать, что люди с повышенным уровнем нейротизма предпочитают печальную музыку, потому что она привлекает к себе выражением эмоций, в которых отражается негативная эмоциональность опять-таки людей с повышенным уровнем нейротизма.

Вместе с тем валентность учитывалась применительно к имплицитным и эксплицитным эмоциональным предпочтениям по отдельности.

1.3.3. Эмоциональные предпочтения во временной перспективе

В некоторых работах изучались эмоции, возникающие в зависимости от согласованности или расхождений между тем, как личность воспринимает себя (ее актуальное Я) и тем, кем она хотела бы быть (ее желаемое, идеальное Я). В актуальном Я даны представления личности о себе в настоящее время. В идеальном Я даны надежды, ожидания, желания, притязания личности, соотносимые с ее будущим. Эмоции при этом несут важную информативную функцию, которая объясняет рассуждения и принятие решений, определяющих выборы объектов или других людей (D. N. Rapp et al., 2014).

Когда актуальное Я и идеальное Я конгруэнтны, возникают положительные эмоции. По мере появления расхождений между этими состояниями Я возникают эмоции подавленности (например, депрессия), а положительные эмоции (радость) снижаются (С. S. Carver & M. F. Scheier, 1982, 1990; E. Diener, 1984; E. T. Higgins, 1987, 1999; E. T. Higgins, J. Shah, & R. Friedman, 1997). В этом суть теоретической модели Я-расхождений Хиггинса (E. T. Higgins, 1987, 1989a, 1989b).

Модель E. T. Higgins (1987, 1989a, 1999) – одна из первых теорий, в которой согласованность и расхождения разных состояний Я выступают в роли факторов, вызывающих разные по знаку эмоции. Модель показывает, что эмоции сопровождают Я-расхождения, выполняя регулирующую функцию по отношению к ним (E. T. Higgins, 1989b).

Я-расхождения изучались также в контексте полимодального Я. Эмпирические данные (Л. Я. Дорфман, А. И. Зворыгина, Н. В. Калинина, 2000) свидетельствовали о том, что расхождения между актуальным Я и идеальным Я возникают в области зависимых отношений и Вторящего Я. В области иных по типу межличностных отношений (авторитарных, независимых, агрессивных, подозрительных, подчиняемых, сотрудничающих, альтруистических) и других субмодальностей Я (Авторского, Воплощенного и Превращенного Я) расхождения между актуальным Я и идеальным Я не наблюдались. Правда, эмоциональная сторона расхождений не изучалась.

Роль временной перспективы изучалась также в отношении мотивации. Пожалуй, Б. М. Теплов (1961) был первым, кто стал различать дальние и короткие мотивы. В последующие годы его подход поддерживали и развивали В. Г. Асеев (1976), Б. В. Зейгарник (1986), Б. Ф. Ломов (1984). Под дальними мотивами понимается их отнесенность к отдаленному будущему (дальняя временная перспектива). Под короткими мотивами понимается их связь с настоящим и ближайшим будущим (ближняя временная

перспектива). Исследования в этом русле выполняли К. А. Абульханова-Славская (1991), К. А. Абульханова, Т. Н. Березина (2001), Б. С. Братусь (1988), Ф. Е. Василюк (1984), Е. Головаха, А. Кроник (2008), И. Ю. Кулагина, В. Н. Коллюцкий (2001), А. Маслоу (1999), Х. Хекхаузен (2001).

Подобно тому, как различают дальние и короткие мотивы, мы предлагаем различать дальние и короткие эмоциональные предпочтения. Короткие эмоциональные предпочтения (настоящее и ближняя временная перспектива) – это область имплицитно значимых переживаний, которые актуализируются во временном диапазоне «настоящее – ближайшее будущее». Они обнаруживаются при оценке музыкантами-исполнителями музыкальных произведений, включенных в их текущий репертуар. Дальние эмоциональные предпочтения (отдаленная временная перспектива) – это область имплицитно значимых переживаний, которые обращены в далекое, неизвестное и неопределенное будущее. Они обнаруживаются при оценке музыкантами-исполнителями музыкальных произведений, которые они хотели бы включить в свой репертуар в отдаленном будущем, если бы имели неограниченные музыкальные способности, навыки и умения (Л. Я. Дорфман, 1997б). Учет временной перспективы в эмоциональных предпочтениях имеет смысл, поскольку в разных отрезках времени могут появляться разные эмоциональные предпочтения. Вместе с тем своеобразие временной перспективы эмоциональных предпочтений не рассматривалось под углом зрения их валентности.

1.4. Постановка проблемы

1.4.1. Исследовательские проблемы

Анализ литературы, представленный в параграфах §§ 1.1. и 1.3., показал следующее.

(1) Феномен эмоциональных предпочтений – это прочно, эмпирически установленный факт, причем полученный многократно в рамках разных теоретических традиций. Мы рассматриваем эмоциональные предпочтения

как разновидность эмоциональных стилей. Эмоциональные предпочтения – это своеобразный способ интеграции внутренней и внешней среды субъекта по эмоциональному основанию. Человек производит «двойные», причем согласованные выборы – эмоций и предметов. В этих «двойных» выборах проявляется и инструментальный характер эмоциональных предпочтений, и их направленность на субъект–объектную интеграцию (см. § 1.1.2.). (2) Эмоциональные предпочтения могут функционировать в эксплицитном и имплицитном режимах. (3) Эмоциональные предпочтения характеризуются валентностью и (4) имеют временную перспективу (см. § 1.3.).

Между тем проблема эмоциональных предпочтений музыкантов-исполнителей как субъектов выборов изучена в наименьшей степени. Ряд вопросов остается недоопределенным. Так, в отечественных исследованиях эмоциональных предпочтений отсутствуют понятия их функционирования в эксплицитном и имплицитном режимах. Их исследования проводились отдельно, и они не осмысливались в терминах эксплицитности и имплицитности, соответственно они не дифференцировались по степени осознанности. В зарубежных исследованиях используются понятия имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений. Они изучались в основном по отдельности. Совместных же исследований эксплицитных и имплицитных эмоциональных предпочтений, как отмечалось в § 1.3.1., весьма немного, они разноплановы и не складываются в единую картину. Поэтому не ясно, они взаимосвязаны или не взаимосвязаны, а если взаимосвязаны, то каков характер их связей. Кроме того, совместно имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения не изучались у музыкантов-исполнителей.

Вопрос валентности эмоциональных предпочтений также изучен недостаточно. В отечественных и зарубежных исследованиях, как отмечалось в § 1.3.2., валентность учитывалась применительно к имплицитным и эксплицитным эмоциональным предпочтениям по отдельности. Вместе с тем,

сравнительный анализ их валентности не проводился по линии имплицитности – эксплицитности. Временная перспектива эмоциональных предпочтений, как отмечалось в § 1.3.3., устанавливалась безотносительно к вопросу их валентности.

В отдельный, недостаточно изученный класс проблем следует выделить вопросы отношений эмоциональных предпочтений с полимодальным Я, с одной стороны, и с музыкальными произведениями, с другой. До сих пор отношения эмоциональных предпочтений с полимодальным Я недоопределены, хотя эмоциональные предпочтения изучены достаточно полно в их связях с отдельными свойствами индивидуальности (см. §§ 1.1.1., 1.1.2). Проблема субъект–объектной интеграции, функцию которой могут выполнять эмоциональные предпочтения, нуждается в расширении списка особенностей личности (субъекта) и их изучении под углом зрения вкладов в эмоциональные предпочтения. В то же время недостаточно изученным остается вопрос о многоаспектности эмоциональных предпочтений, если они сопрягаются и с Я-концепцией, и музыкальным предметом.

Таким образом, современные исследования эмоциональных предпочтений носят по преимуществу разрозненный характер и нуждаются в дополнительных исследованиях. В качестве **ведущего** выступает **противоречие** между исследованиями отдельных сторон эмоциональных предпочтений и отсутствием общих теоретических представлений и совместных эмпирических данных о них.

Возникающие на основе ведущего противоречия научно-исследовательские проблемы можно обобщить следующим образом.

1. Системный подход является перспективным для интеграции выборов по эмоциональному критерию, дифференциации эмоций, степени их осознанности и временной перспективы. Однако применительно к эмоциональным предпочтениям системный подход реализован недостаточно на концептуальном и эмпирическом уровнях.

2. Отсутствуют данные о связях выборов по эмоциональному критерию, дифференциации эмоций, степени их осознанности и временной перспективы в отношениях с предметными (музыкальными) предпочтениями и Я-концепцией как полимодальным Я.

3. Изучение эмоциональных предпочтений сталкивается с рядом противоречий, многие из которых до сих пор не разрешены.

1.4.2. Теоретико-эмпирические предпосылки

Субъектно-деятельностный подход

В § 1.1.1. отмечалось, что конструкт индивидуального эмоционального стиля зиждется на трех основаниях. Одним из них является уже упоминавшийся субъектно-деятельностный подход (К. А. Абульханова-Славская, К. А. Абульханова, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, И. А. Джидарьян, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, Е. А. Сергиенко). Поскольку эмоциональные предпочтения рассматриваются разновидностью индивидуального эмоционального стиля (Л. Я. Дорфман, 2011; В. А. Толочек, 2013), мы распространили субъектно-деятельностный подход на эмоциональные предпочтения. С позиций этого подхода, личность демонстрирует эмоциональные предпочтения, и в них проявляется ее самость как субъекта. Субъектное начало эмоциональных предпочтений выражается и в том, что они являются субъективными, состоят из значащих переживаний и включаются в процессы самодетерминации и самоопределения. Личность как субъект актуализирует во внешней форме свои эмоциональные предпочтения на полюсе предмета деятельности.

Метаиндивидуальный мир и эмоциональные стили

Теоретической предпосылкой настоящей работы являются также концепции метаиндивидуального мира и эмоциональных стилей (Л. Я. Дорфман, 2004, 2006, 2011).

В концепции метаиндивидуального мира термин «мета-» имеет двойное значение: эпистемологическое и онтологическое. *Эпистемологически*, речь

идет о полисистемном подходе к определенному классу психических явлений, в которых их внутренняя (интракорпоральная) и внешняя (экстракорпоральная) стороны описываются в неразрывном единстве. Одной системой рассматриваются отношения от индивидуальности к миру, другой системой – отношения от мира к индивидуальности. Индивидуальность рассматривается как самость и в то же время как проникающая в мир, определяющая себя в нем, совершающая выборы людей и объектов или влияющая на них, производя в них изменения. Это и есть система отношений от индивидуальности к миру. Мир тоже рассматривается в собственном бытии и в то же время проникающий в индивидуальность, так или иначе, подчиняя ее требованиям и нормам мира, его писаным и неписаным правилам, создавая ожидания, стимулируя, награждая или подвергая санкциям. Это есть другая система отношений: от мира к индивидуальности. Хотя эти две системы отношений сосуществуют в параллельном режиме (относительно не зависят друг от друга), между ними могут быть взаимопереходы.

Метаиндивидуальный (полисистемный) подход представляет собой общую модель отдельных фрагментов реальности, которые испытывают на себе влияния индивидуальности и ее жизненного мира в виде отмеченных выше двух систем. Кроме того, данная общая модель дополняется частными концепциями, позволяющими переводить общие теоретические положения на уровень эмпирических понятий и проводить соответствующие эмпирические исследования.

Онтологически, метаиндивидуальный мир есть расширение индивидуальности в более широкую, чем она сама, систему, каковой является ее жизненный мир, т.е. индивидуальность и она же за пределами собственного тела в ближнем социальном окружении. Под индивидуальностью подразумеваются диспозиции (предрасположенности), в которых выражаются ее относительно устойчивые качества, остающиеся

неизменными, несмотря на разнообразие тех или иных ситуаций, с которыми она сталкивается. Индивидуальные свойства человека выражаются в чертах его личности, свойствах темперамента, нервной системы и т.п. (см.: В. С. Мерлин, 1986). Мы относим к индивидуальности также ее полимодальное Я. Под ближним социальным окружением понимаются значимые для индивидуальности родственники, друзья, предпочитаемые занятия и карьера, искусство и литература, досуг, ценные идеи и т.д.

Существенно, что в системе отношений от индивидуальности к миру открываются одни качества психических явлений, а в базовой системе отношений от мира к индивидуальности – другие качества тех же психических явлений. Например, музыкант-исполнитель в системе отношений от мира (музыкального предмета) к своей индивидуальности воспроизводит композиторский замысел, а в системе отношений от своей индивидуальности к миру (музыкальному предмету) подвергает интерпретации композиторский замысел, в той или иной степени изменяя его. Воспроизведение композиторского замысла и его интерпретация характеризуют разные системы метаиндивидуального мира музыканта-исполнителя (L. Dorfman & E. Varashkova, 2014). В общем, метаиндивидуальный мир понимается как гетерогенная, многокачественная, многодетерминированная полисистема. Ее существование и функционирование подчиняются принципам релятивности и дополнительности, параллельности и взаимопереходов от одной системы к другой.

В § 1.1.1. отмечалось, что *эмоциональные стили* – это своеобразный способ интеграции внутренней и внешней среды субъекта по эмоциональному основанию. Эмоциональные предпочтения рассматриваются разновидностью эмоциональных стилей. С другой стороны, эмоциональные предпочтения возникают в условиях, когда человек делает «двойные» выборы – эмоций (внутреннее) и предметов (внешнее). В этих

«двойных» выборах проявляется направленность эмоциональных предпочтений на субъект–объектную интеграцию. Далее можно отметить, что на эмоциональные предпочтения проецируются две системы отношений, из которых складывается метаиндивидуальный мир музыкантов-исполнителей.

Предположительно, в первой системе отношений эмоциональные предпочтения попадают под влияния выборов музыкальных произведений, т.е. последние детерминируют эмоциональные предпочтения. Во второй системе отношений эмоциональные предпочтения попадают под влияния полимодального Я, т.е. последнее опять-таки детерминирует эмоциональные предпочтения. Тогда эмоциональные предпочтения можно представить как гетерогенный, двухаспектный, бидетерминированный конструкт. Так эмоциональные предпочтения обретают музыкальные (система отношений от произведений музыки к эмоциональным предпочтениям исполнителя) и внемзыкальные, «жизненные» (система отношений от полимодального Я исполнителя к эмоциональным предпочтениям) аспекты. В таком контексте эмоциональные предпочтения можно понимать как способ связывания жизненного (внемзыкального) мира исполнителя с значимым для него фрагментом социально-художественного мира музыки по эмоциональному критерию.

Я-концепция как полимодальное Я

Как отмечалось выше, в одной из систем отношений в метаиндивидуальном мире эмоциональные предпочтения могут попадать под влияния Я-концепции. Отсюда становится важным определиться с пониманием Я-концепции.

Выделяются унитарные и полимодальные представления о Я-концепции. Согласно К. Мартиндейлу (С. Martindale, 1980), представления о едином Я (унитарный подход) и Я, распадающимся на субмодальности (полимодальный подход), конкурировали на протяжении столетий. В начале

XIX в. доминировал взгляд И. Канта на Я как унитарное образование. В конце XIX – начале XX вв. доминировали представления о существовании субмодальностей Я (Т. Ribot, 1895; Н. Sidis & S. P. Goodhart, 1904; М. Prince, 1929). В середине XX века вновь возобладали унитарные подходы в исследованиях Я (А. Маслоу, 1999; G. W. Allport, 1937; С. Rogers, 1961). Лишь несколько десятилетий назад взгляды на Я как множественность его субмодальностей вновь стали популярными (V. Bogart, 1994; К. J. Gergen, 1995; Н. J. М. Hermans, 1996; J. F. Kihlstrom et al., 1997; J. М. М. Mair, 1977; Martindale, 1980; J. G. Watkins & Н. Н. Watkins, 1979). В некоторых отечественных работах также намечаются предпосылки для постановки проблемы многоаспектного Я (В. Г. Грязева-Добшинская, Н. А. Нохрина, 2013; Д. И. Дубровский, 1983; В. А. Петровский, 1997; А. Ш. Тхостов, 1994). Мы исходим из полимодальных представлений о Я-концепции, которые вступают в оппозицию к ее унитарным представлениям.

Теоретической основой нашего исследования является концептуальная модель полимодального Я. Она разрабатывалась в русле концепции метаиндивидуального мира (Л. Я. Дорфман, 1993, 2004, 2006, 2010).

J. F. Kihlstrom, L. A. Marchese-Foster, and S. B. Klein (1997) определили Я-концепцию как ментальную репрезентацию человеком особенностей его личности. Подобным же образом понимается Я-концепция с позиций концепции метаиндивидуального мира – ментальная репрезентация человеком особенностей его метаиндивидуального мира. Следует дополнительно отметить, что в концепции метаиндивидуального мира система отношений от индивидуальности к миру распадается на две относительно самостоятельные области: Авторства и Обладания. В свою очередь, система отношений от мира к индивидуальности тоже распадается на две относительно самостоятельные области, но другие: Принятия и Конформности. Каждая из этих областей своеобразна по психологическому наполнению, источникам детерминации и первичности – вторичности

внутри отношений, характеризующих каждую из двух систем метаиндивидуального мира. С этих позиций была разработана концептуальная модель полимодального Я (Л. Я. Дорфман, 2002, 2004, 2010).

Учитывая наличие четырех относительно самостоятельных областей в метаиндивидуальном мире, в полимодальном Я, соответственно были выделены четыре субмодальности Я. Каждая из них есть ментальная репрезентация отдельной области метаиндивидуального мира.

Первая субмодальность – Авторское Я; в нем ментально репрезентируется область Авторства в метаиндивидуальном мире. Авторское Я характеризует полимодальное Я со стороны ее самости, причины самой себя, инициатора собственной активности, деятеля, автора. Эмпирическими референтами Авторского Я являются экстраверсия, пониженный уровень нейротизма, повышенная сила Я, пониженные тревожность и чувство вины, доминантность, самоуважение, самопринятие и принятие собственной агрессии, целостное видение жизни, независимость в поступках, принятие ценностей самоактуализации, интернальный локус контроля, низкий уровень страха отвержения.

Вторая субмодальность – Воплощенное Я; в нем ментально репрезентируется область Обладания. Воплощенное Я характеризует полимодальное Я со стороны ее стремления обладать «Другим» (людьми, предметами, идеями) и воплощаться в нем. Воплощенное Я выражает личностную позицию реформатора, покорителя, обладателя. Эмпирическими референтами Воплощенного Я являются экстраверсия, конкретность мышления, доминантность, склонность к агрессии, экспансивность, пониженное самопринятие, замедленное установление глубоких контактов с людьми, повышенный уровень креативности.

Третья субмодальность – Превращенное Я; в нем ментально репрезентируется область Принятия. Превращенное Я характеризует

полимодалное Я со стороны ее стремления понимать и принимать «Другого», терпимости к тому, что другие люди индивидуально своеобразны. Эмпирическими референтами Превращенного Я являются пониженный психотизм, повышенная сила Я, доминантность (по одним данным), неуверенность – простодушность (по другим данным).

Четвертая субмодалность – Вторящее Я; в нем ментально репрезентируется область Конформности. Вторящее Я характеризует полимодалное Я со стороны ее стремления следовать другим людям, подражать, исполнять. Человек как бы подстраивает свои переживания и эмоции, представления и мысли, поведение и межличностные отношения, ориентируясь на «Другого». Эмпирическими референтами Вторящего Я являются интроверсия, повышенный нейротизм, пониженный психотизм, пониженные самоуважение и самопринятие, неуверенность – покорность, страх отвержения. Эмпирическими референтами Вторящего Я являются также конформность, внешний локус контроля, зависимый (дружелюбный, сотрудничающий) тип межличностных отношений, замедленное установление глубоких контактов с людьми, пониженная гибкость поведения.

Некоторые эмпирические референты относятся одновременно к нескольким субмодалностям Я. Но в целом, личностный профиль каждой субмодалности (установленный эмпирически) является своеобразным и не повторяется у других субмодалностей.

Кроме того, из субмодалностей складываются модальности полимодалного Я: «Я» и «Другой». В модальность «Я» входят субмодалности Авторского Я и Вторящего Я, в модальность «Другой» – субмодалности Воплощенного Я и Превращенного Я. Своеобразие взаимоотношений модальностей «Я» и «Другой» определяется тенденциями к обособлению и слиянию в полимодалном Я.

Субмодальность Авторского Я – в силу самопринятия и интернального локуса контроля – в известной степени имеет тенденцию к обособлению от других субмодальностей. Субмодальность Превращенного Я также имеет тенденцию обособляться от других субмодальностей, но по другой причине – в силу принятия и понимания «Другого»; его принятие предполагает отстранения от «Я». В пределе, обособление в полимодальном Я появляется, когда Авторское Я отстраняется от «Другого» и/или принимается «Другой» (Превращенное Я) благодаря самоотстранению.

Субмодальности Воплощенного Я и Вторящего Я, наоборот, выполняют функцию слияния в полимодальном Я. Воплощенное Я – в силу его доминантности, склонности к агрессии, экспансивности, креативности, – стремится ассимилировать предметы и людей из ближнего окружения, обладать ими. Тем самым Воплощенное Я обеспечивает расширение модальности «Другой» путем его слияния с объектами. Вторящее Я выполняют функцию слияния в полимодальном Я иначе. В силу внешнего локуса контроля, зависимости, страха отвержения, Вторящее Я стремится следовать другим людям, подражать, исполнять. Тем самым Вторящее Я подстраивается под Превращенное Я, обеспечивая его слияние с модальностью «Я».

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Этапы исследования и характеристика выборки

Исследование состояло из трех этапов. Первый этап (2002 – 2004) – теоретико-моделирующий. Проведен анализ теоретического и эмпирического материала по изучению теоретико-методологических основ эмоциональных предпочтений, осуществлялся анализ понятийного аппарата, выявлялась сущность, содержание эмоциональных предпочтений с учетом степени их осознанности, временной перспективы и валентности. Определены теоретико-методологические основы исследования, сформулированы цель, гипотезы и задачи работы. Второй этап (2005 – 2009) – эмпирический. Создан и апробирован исследовательский инструментарий. Проведено эмпирическое исследование эмоциональных предпочтений с учетом музыкальных предпочтений и полимодального Я. Третий этап (2010 – 2013) – завершающий. Проанализированы и обобщены полученные результаты, сформулированы выводы. Результаты исследования опубликованы в рецензируемых ВАКом журналах.

В исследовании приняли участие 103 музыканта-исполнителя, студенты Пермских государственного института искусства и культуры, областного колледжа искусств и культуры, музыкального училища, педагогического училища № 2, – всего 71 девушка и 32 юношей. Возраст участников находился в диапазоне от 17 до 22 лет ($M = 19.77$, $SD = 1.51$). Опыт музыкально-исполнительской деятельности каждого участника составлял не менее 5 лет.

2.2. Методики

2.2.1. Тест имплицитных эмоциональных предпочтений

Тест имплицитных эмоциональных предпочтений направлен на измерение неосознаваемых коротких и дальних эмоциональных предпочтений (Л. Я.

Дорфман, 1997б). ИмPLICITные эмоциональные предпочтения устанавливались в три шага.

На первом шаге каждого участника просили составить два списка музыкальных произведений. В первый список им нужно было включить 10 произведений из своего текущего репертуара, ранжируя их от наиболее предпочитаемого к наименее предпочитаемому произведению. Критерии музыкальных предпочтений участникам не задавались. Во втором списке участникам нужно было указать 10 произведений, которые они хотели бы включить в свой репертуар в отдаленном будущем, если бы имели неограниченные музыкальные способности, навыки и умения. Их также следовало ранжировать от наиболее предпочитаемого к наименее предпочитаемому произведению. Опять-таки критерии музыкальных предпочтений участникам не задавались. Очередность составления списков разными участниками исследования носила случайный характер.

По каждому из списков первым отмечалось наиболее предпочитаемое произведение, вторым – наиболее предпочитаемое произведение, если бы первого произведения не было в списке, третьим – наиболее предпочитаемое произведение, если бы первого и второго произведений не было в списке, и так вплоть до 10-го произведения, которое оказывалось наименее предпочитаемым в сравнении с предыдущими. У разных исполнителей списки предпочитаемых произведений не совпадали, а если совпадали, то лишь частично и случайным образом. Вместе с тем у всех исполнителей имели место одни и те же ранги музыкальных предпочтений: от наиболее предпочитаемых к наименее предпочитаемым. Мы фиксировали внимание именно на рангах музыкальных предпочтений, а не на содержании выбранных музыкальных произведений. Показателями музыкальных предпочтений были ранги музыкальных произведений, отдельно для первого и второго списков: от 1 (наиболее предпочитаемое произведение) до 10

(наименее предпочитаемое произведение). Исполнители отдают отчет (осознают и вербализуют) свои музыкальные предпочтения.

На втором шаге участники исследования оценивали эмоциональные способы исполнения ими каждого предпочитаемого произведения из первого и второго списков, которые они сами же и составляли. Произведения из первого и второго списков оценивались отдельно, причем разным участникам первый и второй списки предъявлялись в случайном порядке, а внутри каждого списка произведения оценивались от наиболее предпочитаемого к наименее предпочитаемому. Эмоциональные способы исполнения дифференцировались на категории с помощью вопросника «Эмоциональное полотно» (см. следующий подпараграф). Исполнители отдают отчет (осознают и вербализуют) свои эмоциональные способы исполнения музыкальных произведений, взятых по отдельности.

На третьем шаге определялись собственно имплицитные эмоциональные предпочтения: в ближней временной перспективе (короткие) – на основе эмоциональных способов исполнения произведений из первого списка и в отдаленной временной перспективе (дальние) – на основе эмоциональных способов исполнения произведений из второго списка.

Операционально, имплицитные эмоциональные предпочтения (как короткие, так и дальние) устанавливались на выборке с экстраполяцией на генеральную совокупность. Условиями их диагностики были следующие.

(А) Между эмоциональными способами исполнения музыкальных произведений, разных по рангу предпочтения, возникают статистически значимые различия. (Б) Выраженность оценок эмоциональных способов исполнения статистически значимо возрастает от наименее предпочитаемых к наиболее предпочитаемым музыкальным произведениям. (В) Эмоциональные предпочтения не осознаются и не вербализуются субъектом в части изменений (роста) оценок эмоциональных способов исполнения по мере возрастания ранга предпочтения музыкальных произведений.

Факт наличия или отсутствия отношений между рангами музыкальных предпочтений и оценками эмоциональных способов исполнения, ранжированными по всему ряду предпочитаемых произведений, по сути, выводился из поля сознания участников. Как уже отмечалось, участники осознавали и вербализовали свои музыкальные предпочтения. Также они осознавали и вербализовали оценки эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений, взятых по отдельности. Однако вряд ли они могли давать достаточно осознаваемый и вербализуемый отчет изменениям оценок эмоциональных способов исполнения, привязанным к рангам музыкальных предпочтений. Иначе следовало бы предположить, что участники обладают статистической интуицией, что не исключено, в принципе, для отдельных участников, но не для выборки в целом.

2.2.2. Вопросник «Эмоциональное полотно»

Вопросник «Эмоциональное полотно» (Л. Я. Дорфман, Н. Э. Шайко, 1989) сконструирован таким образом, чтобы оценить эмоциональные способы исполнения музыкальных произведений. То есть данный вопросник сориентирован на стилевой (инструментальный) аспект эмоциональных предпочтений. Участники оценивали свои эмоциональные способы исполнения каждого предпочитаемого произведения, отвечая наречиями на вопросы «как я исполняю (или хотел бы исполнить) данное произведение».

Вопросник «Эмоциональное полотно» состоит из 10 униполярных шкал, позволяющих участникам дифференцировать оценки своих эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений по модальности (радостно, печально, выражая страх, выражая гнев). Также проводились различия в оценках эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений по активности (активно, пассивно) и напряжению (напряженно, раскованно). Кроме того, учитывались оценки, которые давали участники направлению (на музыку, на себя).

Участники оценивали эмоциональные способы исполнения ими музыкальных произведений в баллах от 0 (эмоциональный способ не выражен) до 100 (эмоциональный способ выражен в максимальной степени) по 3 эмоциональным оценкам в каждой шкале, всего – по 30 эмоциональным оценкам, агрегированным путем суммирования в 10 шкал, обозначенных выше.

Исполнители отдают отчет (осознают и вербализуют) свои эмоциональные способы исполнения музыкальных произведений по отдельности.

2.2.3. Тест эксплицитных эмоциональных предпочтений

Операционально, эксплицитные эмоциональные предпочтения музыкальных произведений устанавливались на выборке с экстраполяцией на генеральную совокупность. Условиями их диагностики были следующие. (А) Музыкальные произведения репрезентируются сознанию участников исследования – в том виде, как участники хотели бы исполнять их эмоционально. Музыкальное произведение – это внешний фактор, а эмоциональные способы его исполнения – внутренний, фактор сознания. Предпочитаемые участниками эмоциональные способы исполнения произведения могут служить маркерами их эксплицитных эмоциональных предпочтений в инструментальном плане. (Б) Эксплицитные эмоциональные предпочтения распадаются (статистически) на самостоятельные факторы по критерию валентности: отрицательные и положительные. Эксплицитные эмоциональные предпочтения отрицательной валентности включают эмоциональные способы исполнения, имеющие отрицательный знак, а эксплицитные эмоциональные предпочтения положительной валентности – эмоциональные способы исполнения, имеющие положительный знак. (В) Эксплицитные эмоциональные предпочтения разной валентности статистически различаются друг от друга.

Предпочитаемые эмоциональные способы исполнения произведений устанавливались с помощью слегка модифицированного нами теста

эксплицитных эмоциональных предпочтений. В исходном виде, он направлен на измерение осознаваемых эмоциональных предпочтений с учетом их валентности (J. Boldero & J. Francis, 2000). В нашем варианте, был сделан дополнительный акцент на стилевом (инструментальном) аспекте эксплицитных эмоциональных предпочтений. Поэтому вместо оценок-прилагательных мы просили участников исследования отметить предпочитаемые ими эмоциональные способы исполнения музыкальных произведений, которые они хотели бы включить в свой репертуар, используя оценки-наречия. При этом имелась в виду общая тенденция их эксплицитных эмоциональных предпочтений без конкретизации музыкальных произведений.

Участникам предъявлялся в случайном порядке список из 5 отрицательных (музыка исполняется уныло, депрессивно, подавленно, грустно, разочарованно) и 5 положительных (музыка исполняется оживленно, весело, радостно, оптимистично, беззаботно) оценок эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений. Участникам следовало отметить выраженность предпочитаемых ими эмоциональных способов исполнения произведений по каждой оценке в баллах от 1 (наименьшее предпочтение) до 10 (наибольшее предпочтение). Показателем эмоционального способа исполнения была степень его выраженности: чем выше балл, тем более выражен предпочитаемый эмоциональный способ исполнения, т.е. эксплицитное эмоциональное предпочтение.

Этим тестом не предусматривается оценивание эксплицитных эмоциональных предпочтений во временной перспективе. Мы не обнаружили в доступной нам литературе тестов, которые ориентировались бы на оценивание эксплицитных эмоциональных предпочтений во временной перспективе. Поэтому временная перспектива эксплицитных эмоциональных предпочтений не устанавливалась.

2.2.4. Вопросник полимодального Я

Для измерения полимодального Я использовался Вопросник полимодального Я. Он позволяет определять субмодальности Я (Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее), а также их комбинации, раскрывающие процессы слияния и обособления в полимодальном Я (Л. Я. Дорфман, 2008). Полимодальный вопросник Я представляет собой 38-пунктный вопросник: по 8 пунктов – на каждую субмодальность, 4 пункта – маскировочные, 2 пункта относятся к шкале лжи. Ответы участников выражали степень их согласия с суждениями по пунктам и градуировались по 6 ступеням в диапазоне от -3 (совершенно не согласен) до $+3$ (полностью согласен), затем переводились в значения от 1 до 6. В каждой шкале по 8 пунктов. Теоретически, разброс индивидуальных значений показателей каждой субмодальности находится в диапазоне от 8 до 48 баллов. Чем выше значение, тем выше выраженность субмодальности. Процессы слияния в полимодальном Я устанавливались путем агрегирования z-оценок Воплощенного Я и Вторящего Я, процессы обособления в полимодальном Я – путем агрегирования z-оценок Авторского и Превращенного Я. Чем выше значения z-оценок, тем выше выраженность процессов слияния и обособления в полимодальном Я.

Вопросник полимодального Я подвергался верификации. Результаты свидетельствовали в пользу его валидности и надежности (Л. Я. Дорфман, 2008).

2.3. Процедура и анализ данных

2.3.1. Процедура

Вопросники предъявлялись участникам в ходе групповых сессий в случайном порядке. Размер групп варьировался от 5 до 15 человек.

2.3.2. Анализ данных

Данные подвергались анализу в статистическом пакете Statistica (версии 5.5 и 6.0).

По каждой переменной исключались экстремальные значения («выбросы»). Они определялись как выходящие за границы диапазона $M \pm 2,0 SD$. Экстремальные значения заменялись на средние значения соответствующих переменных. Для проверки нормальности распределения переменных использовался тест Колмогорова-Смирнова (D-мах статистика). Гипотеза о нормальности распределения переменной принимается, если D-мах статистика является незначимой, т.е. если отсутствуют значимые различия между наблюдаемыми данными и их гипотетическим нормальным распределением. После исключения экстремальных значений все переменные имели нормальное распределение ($p > .05$).

Анализ имплицитных эмоциональных предпочтений

Общая размерность матрицы была трехмерной: 103 (участники) x 5 (ранги музыкальных произведений) x 10 (шкалы вопросника «Эмоциональное полотно»). Имплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались отдельно по каждой эмоциональной категории.

Имплицитные эмоциональные предпочтения (короткие и дальние по отдельности) определялись посредством 1-факторного дисперсионного анализа ANOVA: внутригрупповой план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст (здесь и далее вычисления ANOVA выполнялись в статпакете Statistica, версия 5.5, модуль ANOVA/MANOVA → General ANOVA/MANOVA).

Внутригрупповым фактором служили музыкальные предпочтения, уровнями данного фактора – ранги музыкальных предпочтений, зависимыми переменными – ряд эмоциональных оценок (одной и той же категории) музыкальных произведений. Применялась схема 1 (фактор предпочитаемых произведений) x 5 (уровни данного фактора – ранги музыкальных предпочтений). Проводилась серия ANOVA – для каждой зависимой переменной (т.е. эмоциональной оценке радости, печали, страха, гнева и т.д.) по отдельности. Значимые эффекты изменений эмоциональных оценок по

мере возрастания ранга предпочитаемого произведения рассматривались свидетельства имплицитных эмоциональных предпочтений.

Различия между дальними и короткими имплицитными эмоциональными предпочтениями оценивались посредством 2-х факторного ANOVA с теми же условиями, что и при 1-факторном ANOVA: внутригрупповой план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. Схема исследования имела вид: 2 (внутригрупповые факторы – короткие и дальние музыкальные предпочтения) x 5 (их уровни: ранги коротких и дальних музыкальных предпочтений по отдельности). Зависимыми переменными были ряды эмоциональных оценок музыкальных произведений (отдельно для каждого фактора). Взаимодействия факторов (их различия) устанавливались по каждой эмоциональной оценке (радости, печали, страха, гнева и т.д.) в отдельности.

Анализ эксплицитных эмоциональных предпочтений

Структура эксплицитных эмоциональных предпочтений (отрицательные и положительные эмоциональные оценки) устанавливались посредством эксплораторного факторного анализа.

Факторный анализ данных выполнялся в статпакете Statistica, версия 6.0, модуль Multivariate Exploratory Techniques → Factor Analysis. Для определения количества факторов, применялся критерий Кайзера (собственные значения факторов не должны быть меньше 1). Факторы подвергались косоугольному вращению методом квартимакс (данные нормализовались).

Анализ корреляций показателей имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений

Показатели имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений конвертировались в агрегированные индексы.

Z-оценки показателей имплицитных коротких и дальних эмоциональных предпочтений агрегировались в общие индексы имплицитных эмоциональных предпочтений (по каждой эмоциональной категории в отдельности). Для расчетов использовались те эмоциональные оценки, на которые производили значимые эффекты факторы музыкальных предпочтений (ANOVA) и которые свидетельствовали о феноменах имплицитных коротких и дальних эмоциональных предпочтений.

Вычислялись 2 агрегированных индекса эксплицитных эмоциональных предпочтений. Один агрегированный индекс вычислялся для z-оценок отрицательных эмоциональных оценок (музыка вызывает уныние, депрессию, подавленность, грусть, разочарование). Другой агрегированный индекс вычислялся для z-оценок положительных эмоциональных оценок (музыка вызывает оживление, веселье, радость, оптимизм, беззаботность).

Вычислялись корреляции (по Пирсону) агрегированных индексов имплицитных эмоциональных предпочтений с агрегированными индексами эксплицитных эмоциональных предпочтений с положительными и отрицательными эмоциональными оценками.

Анализ вкладов полимодального Я в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения

Вклады полимодального Я в *имплицитные короткие* эмоциональные предпочтения устанавливались для каждой субмодальности Я (а также тенденций к слиянию и обособлению) по отдельности. Применялся 2-х факторный ANOVA: смешанный план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. Отдельная субмодальность полимодального Я выступала в роли межгруппового фактора с тремя уровнями выраженности – высоким, средним, низким. Внутригрупповым фактором служили короткие музыкальные предпочтения, уровнями внутригруппового фактора – ранги коротких музыкальных предпочтений. Применялась схема 3 (уровни

межгруппового фактора: субмодальность Я) x 5 (уровни внутригруппового фактора: ранги коротких музыкальных предпочтений). Зависимой переменной был ряд эмоциональных оценок (одной и той же категории) музыкальных произведений. Проводилась серия ANOVA – для каждой зависимой переменной, т.е. эмоциональных оценок категории радости, печали, страха, гнева и т.д. по отдельности. Значимые эффекты изменений эмоциональных оценок в зависимости от уровня выраженности субмодальности Я и ранга предпочитаемых произведений рассматривались свидетельством вкладов субмодальности Я в имплицитные короткие эмоциональные предпочтения.

Таким же образом устанавливались вклады полимодального Я (для каждой субмодальности Я, а также тенденций к слиянию и обособлению отдельно) в *имплицитные дальние* эмоциональные предпочтения.

Применялся 3-х факторный ANOVA: смешанный план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. Отдельная субмодальность полимодального Я выступала в роли межгруппового фактора с тремя уровнями выраженности – высоким, средним, низким. Выделялись 2 внутригрупповых фактора: короткие и дальние музыкальные предпочтения. Их уровнями служили ранги музыкальных предпочтений (отдельно для коротких и дальних). Применялась схема 3 (уровни межгруппового фактора: субмодальность Я) x 2 (внутригрупповые факторы: короткие и дальние музыкальные предпочтения) x 5 (уровни внутригрупповых факторов: ранги коротких и дальних музыкальных предпочтений). Зависимой переменной был ряд эмоциональных оценок (одной и той же категории) музыкальных произведений. Проводилась серия ANOVA – для каждой зависимой переменной, т.е. эмоциональных оценок категории радости, печали, страха, гнева и т.д. по отдельности. Значимые изменения эмоциональных оценок в зависимости от уровня выраженности субмодальности Я, коротких и дальних

музыкальных предпочтений и их рангов рассматривались свидетельством отдельных вкладов субмодальности Я, коротких и дальних музыкальных предпочтений, их рангов в эмоциональные оценки.

Вклады полимодального Я (для каждой субмодальности Я, а также тенденций к слиянию и обособлению отдельно) в *явные* эмоциональные оценки устанавливались с учетом фактора их валентности. Во-первых, такие вклады устанавливались с учетом фактора отрицательной валентности. Во-вторых, такие вклады устанавливались с учетом фактора положительной валентности. В-третьих, устанавливались взаимодействия полимодального Я, отрицательной и положительной валентностей по эмоциональным оценкам с отрицательным и положительным знаком, соответственно.

В первом случае применялся 2-х факторный ANOVA: смешанный план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. Отдельная субмодальность Я (либо тенденция к слиянию или обособлению) выступала в роли межгруппового фактора с тремя уровнями выраженности – высоким, средним, низким. Внутригрупповым фактором служила отрицательная валентность, уровнями внутригруппового фактора – ее 5 переменных. Применялась схема 3 (уровни межгруппового фактора) x 5 (уровни внутригруппового фактора). Зависимыми были отрицательные эмоциональные оценки. Значимые эффекты и взаимодействия факторов полимодального Я и отрицательной валентности на эмоциональные оценки свидетельствовали об *явных* эмоциональных предпочтениях со стороны вкладов в них этих факторов.

Во втором случае также применялся 2-х факторный дисперсионный анализ, смешанный план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. В отличие от первого случая, здесь в ANOVA включалась положительная валентность как внутригрупповой фактор. Уровнями внутригруппового фактора были ее 5

переменных. Зависимыми были положительные эмоциональные оценки. Значимые эффекты и взаимодействия факторов полимодального Я и положительной валентности на эмоциональные оценки свидетельствовали об эксплицитных эмоциональных предпочтениях со стороны вкладов в них этих факторов.

В третьем случае применялся 3-х факторный ANOVA, смешанный план исследования, фиксированные эффекты, регрессионный подход, тип III SS, полиномиальный контраст. В отличие от первых двух случаев, здесь внутригрупповыми были 2 фактора: отрицательная валентность – один внутригрупповой фактор, положительная валентность – другой внутригрупповой фактор. Их уровнями служили 5 переменных. Применялась схема 3 (уровни межгруппового фактора) x 2 (внутригрупповые факторы) x 5 (уровни внутригрупповых факторов). Зависимыми были отрицательные и положительные эмоциональные оценки, соответственно. Значимые эффекты и взаимодействия факторов полимодального Я, отрицательной и положительной валентности на эмоциональные оценки свидетельствовали об эксплицитных эмоциональных предпочтениях со стороны вкладов в них этих факторов.

Анализ интегративных моделей эмоциональных предпочтений

Исходный состав интегративных моделей эмоциональных предпочтений устанавливался на основе результатов ANOVA (см. выше).

Расчеты интегративных моделей эмоциональных предпочтений выполнялись в статпакете Statistica, версия 6.0, модуль Advanced Linear/Nonlinear Models → Structural Equation Modeling.

Интегративные модели эмоциональных предпочтений включали латентные и наблюдаемые (манифестные) переменные. На базе корреляционной матрицы манифестных переменных строилась композитная модель с использованием конфирматорного факторного анализа и линейных структурных уравнений в соответствии с общепринятым алгоритмом (J. С.

Anderson & D. W. Gerbing, 1988; P. A. Frazier, A. P. Tix, & K. E. Barron, 2004; A. J. Tomarken & N. G. Waller, 2003).

Композитная модель включала измерительную и структурную модели. Измерительная модель строилась средствами конфирматорного факторного анализа. Она специфицирует отношения между наблюдаемыми (манифестными) и латентными переменными. Итоги измерительной модели учитывались при построении структурных моделей с помощью линейных структурных уравнений. Они специфицируют отношения между латентными переменными. Частично, структурные модели создавались в форме медиаторных моделей (J. C. Anderson & D. W. Gerbing, 1988; P. A. Frazier, A. P. Tix, & K. E. Barron, 2004). Медиаторная модель представляет собой цепь латентных переменных, в соответствии с которой от X (дистальной латентной экзогенной переменной) проходит путь к Y (проксимальной латентной медиаторной переменной) и далее к Z (латентной эндогенной переменной). Y зависит от X и не зависит от Z , Z зависит от X и Y , Y опосредует путь от X к Z . Мы не связывали структурные (в том числе медиаторные) модели с причинно-следственными отношениями.

В измерительную модель включались в качестве латентных некоррелирующих переменных субмодальности Я, имплицитные короткие и дальние эмоциональные предпочтения, эксплицитные эмоциональные предпочтения. Каждая латентная переменная складывалась из трех манифестных переменных. Они устанавливались с использованием эксплораторного факторного анализа. Выделялся 1 фактор и отбирались 3 переменные с наибольшими факторными нагрузками.

На основании результатов измерительной модели строились несколько структурных моделей. Все они имели один и тот же вид: субмодальности Я (латентные экзогенные переменные) \rightarrow имплицитные короткие эмоциональные предпочтения (латентные переменные-медиаторы) \rightarrow имплицитные дальние эмоциональные предпочтения (латентные эндогенные

переменные). Латентными эндогенными переменными были также эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительными и отрицательными эмоциональными оценками. Структурные модели отличались друг от друга составом субмодальностей Я и эксплицитных эмоциональных предпочтений. Проводился сравнительный анализ структурных моделей. Принималась в расчет наиболее вероятная и пригодная структурная модель.

Функция расхождения (пригодность модели по отношению к генеральной совокупности) оценивалась методом обобщенных наименьших квадратов (Generalized Least Squares, GLS). Поиск базового решения и количество итераций устанавливались методом кубической интерполяции (Cubic interpolation). Пригодность модели оценивалась по 5 индексам: χ^2 статистика, отношение χ^2 статистики к числу степеней свободы (χ^2/df), ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду (RMSEA), индекс пригодности (GFI), отрегулированный индекс пригодности (AGFI). Пригодность статистических моделей устанавливалась по 5 индексам. Первый индекс – χ^2 статистика: незначимая χ^2 статистика свидетельствует в пользу пригодности модели (F. V. Bryant & P. R. Yarnold, 1998). Однако χ^2 статистика зависит от размера выборки, причем она может быть значимой для моделей, пригодность которых является достаточно высокой (P. M. Bentler, 1990). Вторым индексом – отношение χ^2 / df . Эта статистика регулирует χ^2 тест в аспекте размера выборки. Чем меньше значения этого отношения, тем пригодность модели выше. Значения отношения χ^2 / df , превышающие величину 2, свидетельствуют о слабой пригодности модели (B. Byrne, 1989). Третьим индексом – ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду (Steiger and Lind's root mean square error of approximation, RMSEA). Чем выше значения индекса Стейгера-Линда, тем менее пригодной является модель. Значения .05 и меньше свидетельствуют о хорошей пригодности, .06 – .08 – о приемлемой пригодности, значения, близкие к .10 – о слабой пригодности модели (J. H.

Steiger, 1995). Четвертый индекс – пригодности (goodness-of-fit index, GFI). Его значения варьируют в диапазоне от 0 (полная непригодность модели) до 1 (полная пригодность модели) (К. G. Jöreskog & D. Sörbom, 1989). Модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексе, превышающем порог .90, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог .95 (Н. W. Marsh & D. Grayson, 1995; К. Schermelleh-Engel, Н. Moosbrugger, & Н. Müller, 2003; R. E. Schumacker & R. G. Lomax, 1996). Пятый индекс – отрегулированной пригодности (adjusted goodness-of-fit index, AGFI). Его значения также варьируют в диапазоне от 0 (полная непригодность модели) до 1 (полная пригодность модели). Модель считается приемлемой в отношении эмпирических данных при индексе, превышающем порог .85, и показывающей хорошую пригодность при индексе, превышающем порог .90 (К. G. Jöreskog & D. Sörbom, 1989; К. Schermelleh-Engel, Н. Moosbrugger, & Н. Müller, 2003).

Наконец, модели попарно сравнивались на предмет определения наиболее пригодной. Использовался χ^2 -тест на различия: $\chi^2 M_1 - \chi^2 M_2 / df M_1 - df M_2$, где M_1 и M_2 – сравниваемые модели, df – их степени свободы. Более вероятной и пригодной считается модель с меньшим значением χ^2 (Р. М. Bentler, 1990).

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СООТНОШЕНИИ С МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ И ПОЛИМОДАЛЬНЫМ Я

В этой главе приводятся результаты исследования эмоциональных предпочтений (имплицитных и эксплицитных), их взаимоотношений с музыкальными произведениями и полимодальным Я. Глава состоит из 4-х параграфов.

В первом параграфе излагаются результаты исследования имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений. Первые исследуются по линии имплицитных коротких и дальних, а также валентности эмоциональных предпочтений. Вторые исследуются по линии валентности, взаимоотношений положительной и отрицательной валентностей. Завершает этот параграф изложение результатов исследований корреляций имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений.

Во втором параграфе излагаются результаты исследования вкладов полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные короткие и дальние эмоциональные предпочтения, полимодального Я и валентности в эксплицитные эмоциональные предпочтения.

Третий параграф посвящен результатам построения интегративной модели эмоциональных предпочтений. Приводятся эмпирические свидетельства в пользу состава измерительной модели. На ее основе создаются 3 варианта структурных моделей эмоциональных предпочтений, которые сравниваются между собой на предмет определения наиболее вероятного варианта. Показываются пути, раскрывающие структуру интегративной модели эмоциональных предпочтений.

В четвертом параграфе обсуждение полученных результатов проводится по линии их сравнения с исследовательскими гипотезами и данными других авторов.

3.1. ИмPLICITные и эксплицитные эмоциональные предпочтения

3.1.1. ИмPLICITные эмоциональные предпочтения: короткие, дальние, их различия и взаимосвязи

Было установлено, что имPLICITные *короткие* эмоциональные предпочтения обнаруживаются по одним оценкам эмоционального исполнения произведений и не обнаруживаются по другим оценкам. ИмPLICITные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх, а также по оценкам, выражающим исполнение гневно, пассивно, напряженно, направление эмоций на себя. То есть, у имPLICITных коротких эмоциональных предпочтений была отрицательная валентность. По другим оценкам эмоционального исполнения (радостно, печально, активно, раскованно, направления эмоций на музыку) имPLICITные короткие эмоциональные предпочтения не возникали.

В табл. 1 приведены средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений (имPLICITные короткие эмоциональные предпочтения). В этой и таблицах 2 – 5 приводятся результаты обработки данных с помощью 1-факторного ANOVA (внутригрупповой план исследования).

Таблица 1. Средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает страх	17.41 ± 17.64	14.62 ± 17.53	12.71 ± 15.16	10.78 ± 12.88	10.75 ± 14.48

Примечание: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Суммарные эффекты внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки страха были значимыми, $F(4,408) = 8.57, p < .001$. При запланированных сравнениях главный эффект внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки страха был значимым, $F(1,102) = 28.23, p < .001$. Специфические эффекты (LSD тест) были значимыми в отношении эмоциональных оценок страха первого и третьего ($p < .05$), первого и пятого ($p < .001$), первого и седьмого ($p < .001$), первого и девятого ($p < .001$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) также были значимыми в отношении эмоциональных оценок страха третьего и седьмого ($p < .01$), третьего и девятого ($p < .01$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) в отношении эмоциональных оценок страха других пар произведений были незначимыми. Тем не менее, общая и значимая тенденция состояла в том, что эмоциональные оценки страха были самыми высокими для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтения музыкального произведения (см. рис. 1).

Вышеизложенные результаты свидетельствуют о том, что имплицитные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений. Об имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях правомерно судить потому, что степень выраженности эмоциональных оценок страха закономерно возрастала по мере роста ранга музыкальных предпочтений.

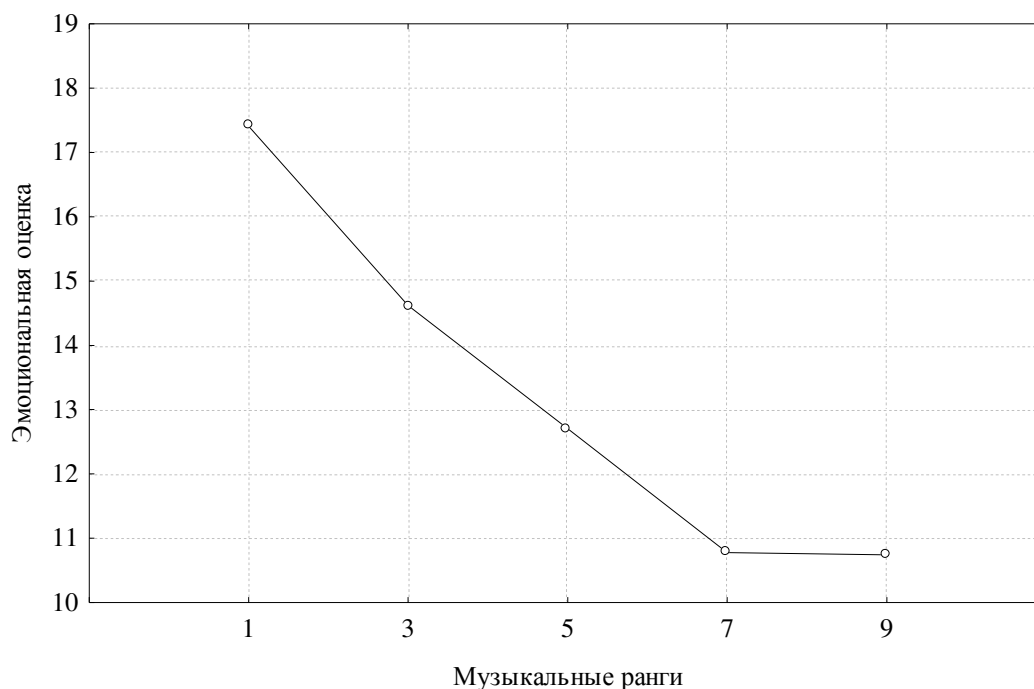

Рис. 1. Изменения оценки страха музыкального произведения в зависимости от ранга его предпочтения
 $F(4,408) = 8.57, p < .001$

В табл. 2 приведены средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего гнев, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений (имплицитные короткие эмоциональные предпочтения).

Таблица 2. Средние (и стандартные отклонения) эмоционального исполнения, выражающего гнев, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает гнев	15.96 ± 18.03	12.21 ± 16.23	12.88 ± 16.07	10.64 ± 15.16	10.11 ± 14.63

Примечание: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Суммарные эффекты внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки гнева были значимыми, $F(4,408) = 4.37, p < .001$. При запланированных сравнениях главный эффект внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки гнева был значимым, $F(1,102) = 13.67, p < .001$. Специфические эффекты (LSD тест) были значимыми в отношении эмоциональных оценок гнева первого и третьего ($p < .01$), первого и пятого ($p < .05$), первого и седьмого ($p < .001$), первого и девятого ($p < .001$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) также были значимыми в отношении эмоциональных оценок гнева пятого и девятого ($p < .08$ в тенденции) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) в отношении эмоциональных оценок гнева других пар произведений были незначимыми. Тем не менее, общая и значимая тенденция состояла в том, что эмоциональные оценки гнева были самыми высокими для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтения музыкального произведения (см. рис. 2).

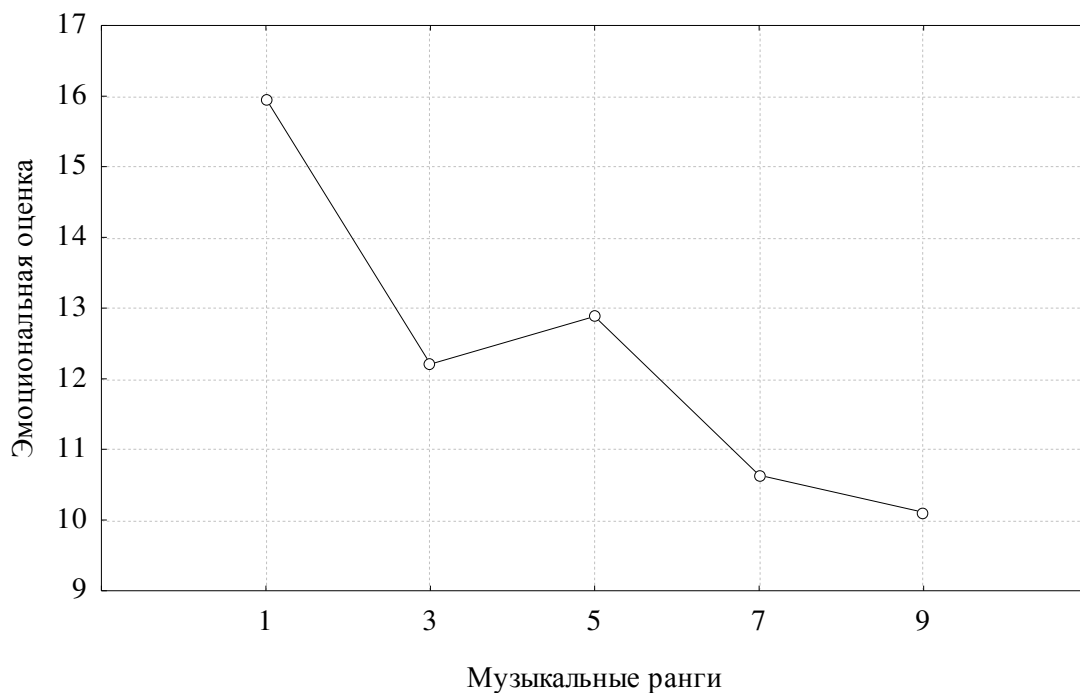

Рис. 2. Изменения оценки гнева музыкального произведения в зависимости от ранга его предпочтения
 $F(4,408) = 4.36, p < .001$

Вышеизложенные результаты свидетельствуют о том, что имплицитные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего гнев, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений. Об имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях правомерно судить потому, что степень выраженности эмоциональных оценок гнева закономерно возрастала по мере роста ранга музыкальных предпочтений.

В табл. 3 приведены средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений (имплицитные короткие эмоциональные предпочтения).

Таблица 3. Средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает пассивность	10.75 ± 12.36	9.45 ± 11.74	6.83 ± 9.61	8.59 ± 12.66	8.01 ± 12.29

Примечание: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Суммарные эффекты внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки пассивности были значимыми, $F(4,408) = 2.58$, $p < .05$. При запланированных сравнениях главный эффект внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки пассивности был значимым, $F(1,102) = 4.17$, $p < .05$. Специфические эффекты (LSD тест) были значимыми в отношении эмоциональных оценок пассивности первого и пятого ($p < .001$), первого и девятого ($p < .05$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) также были значимыми в отношении эмоциональных оценок пассивности третьего и пятого ($p < .05$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) в отношении эмоциональных оценок гнева других пар произведений были незначимыми.

Тем не менее, общая и значимая тенденция состояла в том, что эмоциональные оценки пассивности были самыми высокими для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтения музыкального произведения (см. рис. 3).

Вышеизложенные результаты свидетельствуют о том, что имплицитные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего пассивность, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений. Об имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях правомерно судить потому, что степень выраженности эмоциональных оценок пассивности закономерно возрастала по мере роста ранга музыкальных предпочтений.

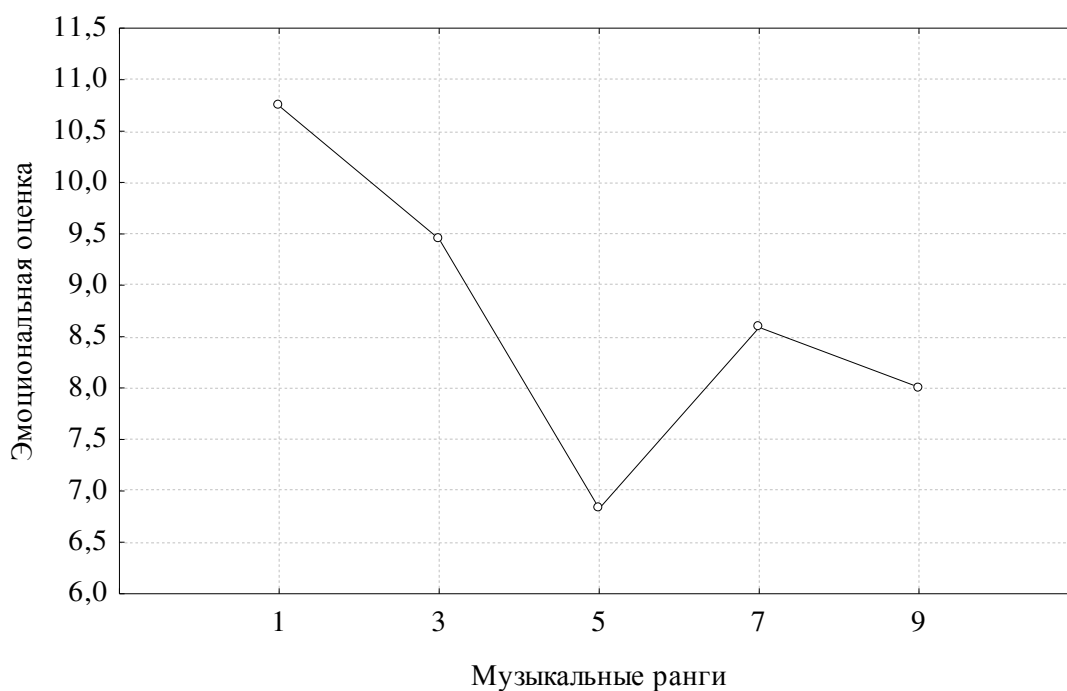

Рис. 3. Изменения оценки пассивности музыкального произведения в зависимости от ранга его предпочтения
 $F(4,408) = 2.58, p < .05$

В табл. 4 приведены средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего напряжение, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений (короткие эмоциональные предпочтения).

Таблица 4. Средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего напряжение, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает напряжение	37.67 ± 18.93	32.31 ± 21.03	33.90 ± 20.65	31.14 ± 19.01	29.33 ± 19.67

Примечание: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Суммарные эффекты внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки напряжения были значимыми, $F(4,408) = 3.90, p <$

.001. При запланированных сравнениях главный эффект внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на эмоциональные оценки напряжения был значимым, $F(1,102) = 12.44$, $p < .001$. Специфические эффекты (LSD тест) были значимыми в отношении эмоциональных оценок напряжения первого и третьего ($p < .01$), первого и седьмого ($p < .001$), первого и девятого ($p < .001$) рангов произведений. Специфические эффекты (LSD тест) также были значимыми в отношении эмоциональных оценок напряжения пятого и девятого ($p < .05$) ранга произведений. Специфические эффекты (LSD тест) в отношении эмоциональных оценок напряжения других пар произведений были незначимыми. Тем не менее, общая и значимая тенденция состояла в том, что эмоциональные оценки напряжения были самыми высокими для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтения музыкального произведения (см. рис. 4).

Вышеизложенные результаты свидетельствуют о том, что имплицитные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего напряжение, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений. Об имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях правомерно судить потому, что степень выраженности эмоциональных оценок напряжения закономерно возрастала по мере роста ранга музыкальных предпочтений.

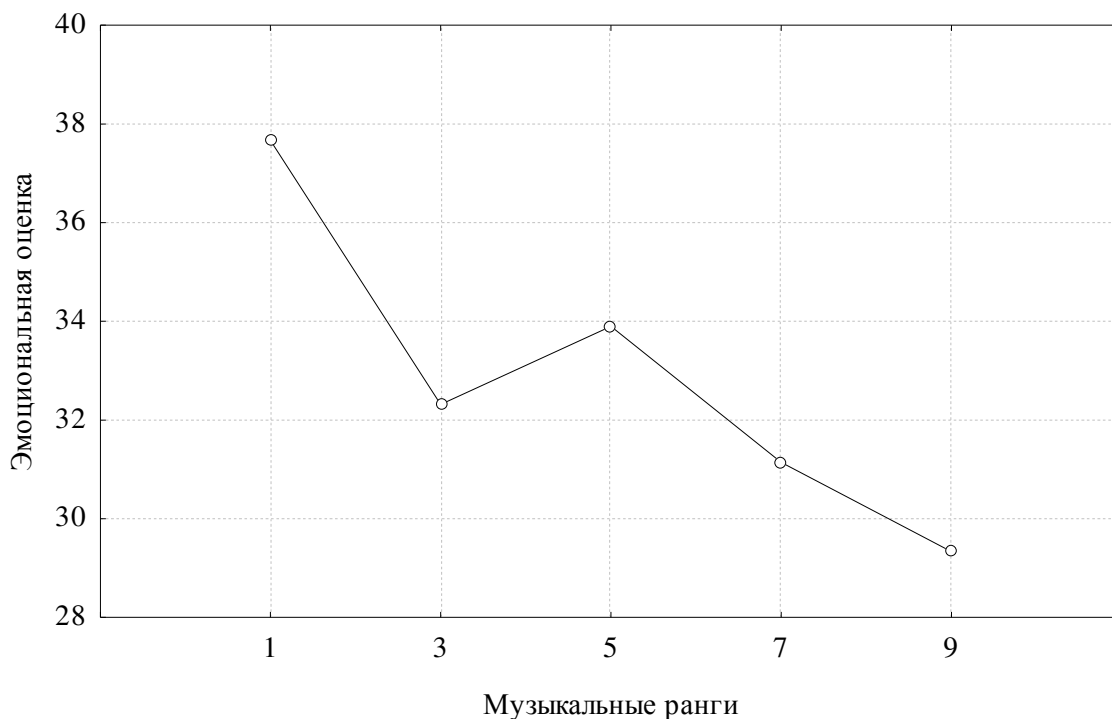

Рис. 4. Изменения оценки напряжения музыкального произведения в зависимости от ранга его предпочтения
 $F(4,408) = 3.90, p < .001$

В табл. 5 приведены средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений (короткие эмоциональные предпочтения).

Суммарные эффекты внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на оценки «Направление эмоций на себя» были значимыми, $F(4,408) = 6.37, p < .001$. При запланированных сравнениях главный эффект внутригруппового фактора «Музыкальные ранги» на оценки «Направление эмоций на себя» был значимым, $F(1,102) = 18.93, p < .001$. Специфические эффекты (LSD тест) были значимыми в отношении оценок направления эмоций на себя первого и третьего ($p < .01$), первого и пятого ($p < .05$), первого и седьмого ($p < .01$), первого и девятого ($p < .001$) рангов произведений. Специфические эффекты (LSD тест) также были значимыми в отношении оценок направления эмоций на себя третьего и девятого ($p < .01$), пятого и девятого ($p < .01$), седьмого и девятого ($p < .01$) рангов произведений. Специфические

эффекты (LSD тест) в отношении оценок направления эмоций на себя других пар произведений были незначимыми. Тем не менее, общая и значимая тенденция состояла в том, что оценки направления эмоций на себя были самыми высокими для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтения музыкального произведения (см. рис. 5).

Таблица 5. Средние (и стандартные отклонения) оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, в зависимости от ранга предпочтений музыкальных произведений

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает направление эмоций на себя	51.77 ± 25.63	44.20 ± 27.40	45.21 ± 28.27	43.83 ± 26.84	36.86 ± 26.19

Примечание: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Значит, имплицитные короткие эмоциональные предпочтения возникали по оценкам эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя. Об имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях правомерно судить потому, что степень выраженности эмоциональных оценок направления эмоций на себя закономерно возрастала по мере роста ранга музыкальных предпочтений.

Таким образом, феномен имплицитных коротких эмоциональных предпочтений был установлен, но он имел место только по оценкам эмоционального исполнения с отрицательным знаком, а именно выражающего страх, гнев, пассивность, напряжение, направление эмоций на себя. По другим оценкам эмоционального исполнения (радостно, печально,

активно, раскованно, направления эмоций на музыку) имплицитные короткие эмоциональные предпочтения не возникали.

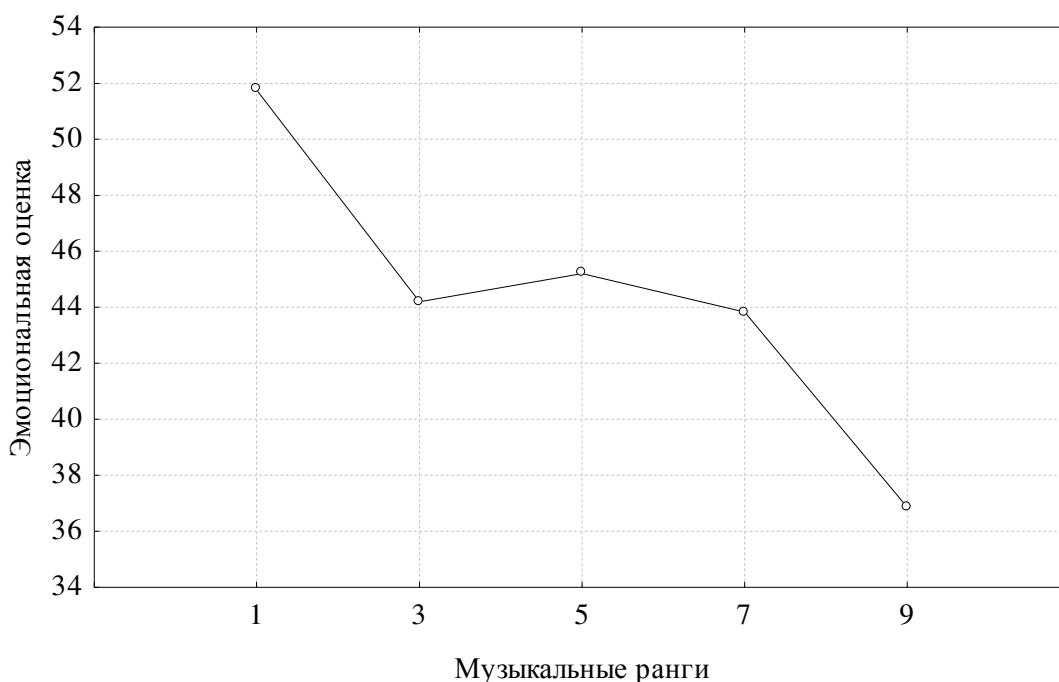

Рис. 5. Изменения оценки направления эмоций на себя музыкального произведения в зависимости от ранга его предпочтения

$$F(4,408) = 6.37, p < .001$$

Феномен *дальних* эмоциональных предпочтений непосредственно не обнаруживался. Вместе с тем дальние эмоциональные предпочтения обнаруживались опосредовано, через короткие эмоциональные предпочтения.

Данные результаты были получены при оценивании взаимодействий (различий) внутригруппового фактора «короткие музыкальные предпочтения – дальние музыкальные предпочтения» с их рангами по оценкам эмоционального исполнения, по которым были установлены короткие эмоциональные предпочтения («Страх», «Гнев», «Пассивность», «Напряжение», «Направление эмоций на себя»). В этой и последующих таблицах в этом параграфе приводятся результаты обработки данных с помощью 2-х факторного ANOVA (внутригрупповой план исследования).

Взаимодействия коротких – дальних музыкальных предпочтений с их рангами были обнаружены по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх, направление эмоций на себя, пассивность, но не наблюдались по оценкам эмоционального исполнения, выражающего гнев и напряжение.

В табл. 6 приводятся результаты взаимодействий коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх (средние и стандартные отклонения).

Таблица 6. Взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх (средние и стандартные отклонения)

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает страх (КЭП)	17.41 ± 17.64	14.62 ± 17.53	12.71 ± 15.16	10.78 ± 12.88	10.75 ± 14.48
Выражает страх (ДЭП)	10.94 ± 15.71	10.49 ± 14.26	9.64 ± 12.90	10.03 ± 13.00	10.26 ± 14.28

Примечания: КЭП – короткие эмоциональные предпочтения, ДЭП – дальние эмоциональные предпочтения; ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Главный эффект фактора «короткие – дальние музыкальные предпочтения» на эмоциональные оценки страха был значимым, $F(1,102) = 5.64$, $p < .01$. Это значит, что короткие и дальние музыкальные предпочтения значимо отличались по эмоциональным оценкам страха. Главный эффект музыкальных рангов на эмоциональные оценки страха был значимым, $F(4,408) = 5.59$, $p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха отличались по музыкальным рангам безотносительно к фактору «короткие – дальние музыкальные предпочтения». Факторы взаимодействовали, $F(4,408) = 3.96$, $p < .01$. Это значит, что короткие – дальние музыкальные

предпочтения и их ранги производили эффекты на эмоциональные оценки страха. При запланированных сравнениях эмоциональные оценки страха также отличались в зависимости от коротких – дальних музыкальных предпочтений и их рангов, $F(1,102) = 12.75, p < .001$.

Post hoc (LSD test) сравнения свидетельствовали о том, что эмоциональные оценки страха первых коротких и дальних предпочитаемых произведений отличались между собой ($p < .001$). Также отличались эмоциональные оценки страха третьих ($p < .001$) и пятых ($p < .001$) коротких и дальних предпочитаемых произведений. Эмоциональные оценки страха седьмых и девярых коротких и дальних предпочитаемых произведений не отличались ($p > .05$). Более того, эмоциональные оценки страха были выражены в большей степени в составе коротких музыкальных предпочтений, чем в составе дальних музыкальных предпочтений (по первым, третьим и пятым произведениям).

Общая же и значимая тенденция состояла в том, что взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами были значимыми по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх. Они были выше для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга предпочтений произведения, причем как по коротким, так и дальним музыкальным предпочтениям. При этом эмоциональные оценки страха были выражены в большей степени в составе коротких музыкальных предпочтений, чем в составе дальних музыкальных предпочтений. Результаты свидетельствуют о феноменах имплицитных коротких и дальних эмоциональных предпочтений, а также о различиях между ними по степени выраженности оценок эмоционального исполнения, выражающего страх. Эти результаты иллюстрирует рис. 6.

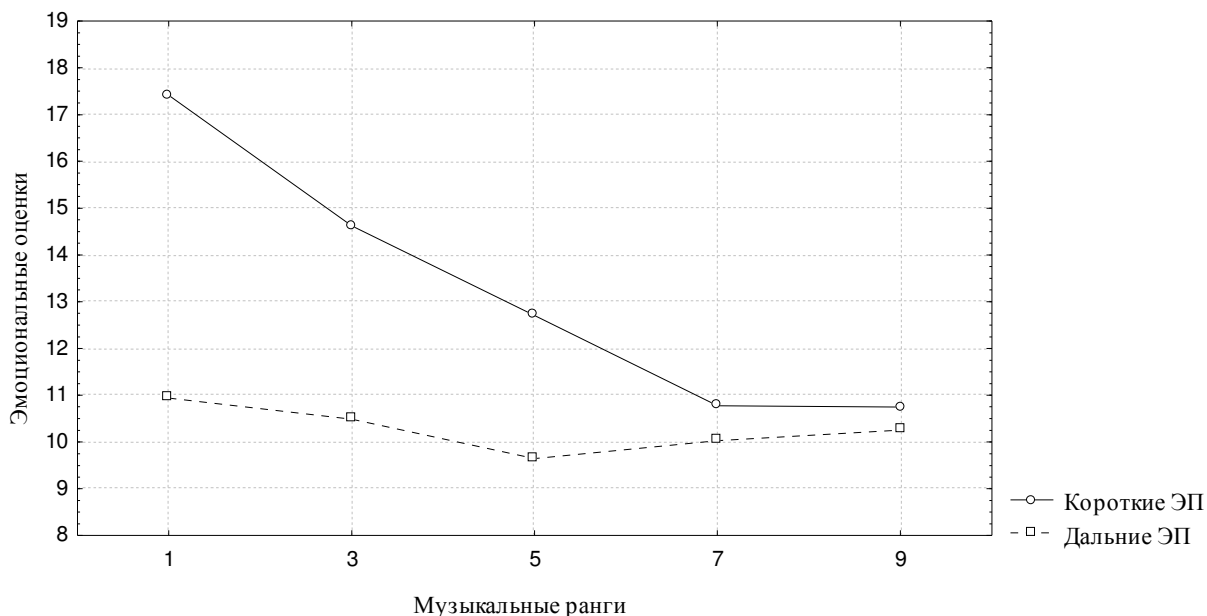

Рис. 6. Взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по оценкам страха
 $F(4,408) = 3.96, p < .01$

Изложенные выше данные можно понимать следующим образом. По эмоциональным оценкам страха феномен имплицитных дальних эмоциональных предпочтений не устанавливается безотносительно к имплицитным коротким эмоциональным предпочтениям. Вместе с тем имплицитные дальние эмоциональные предпочтения устанавливаются, когда учитываются их взаимодействия с имплицитными короткими эмоциональными предпочтениями, т.е. опосредовано.

В табл. 7 приводятся результаты взаимодействий коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по оценкам эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя (средние и стандартные отклонения).

Главный эффект фактора «короткие – дальние музыкальные предпочтения» на оценки направления эмоций на себя был незначимым, $F(1,102) = 2.07, p > .05$. Это значит, что короткие и дальние музыкальные предпочтения значимо не отличались по оценкам направления эмоций на себя. Главный эффект музыкальных рангов на оценки направления эмоций на себя был значимым, $F(4,408) = 4.97, p < .001$. Это значит, что оценки

направления эмоций на себя значимо отличались по музыкальным рангам безотносительно к фактору «короткие – дальние музыкальные предпочтения». Факторы взаимодействовали, $F(4,408) = 2.52$, $p < .05$. Это значит, что короткие – дальние музыкальные предпочтения и их ранги производили эффекты на оценки направления эмоций на себя. При запланированных сравнениях оценки направления эмоций на себя также отличались в зависимости от коротких и дальних музыкальных предпочтений и их рангов, $F(1,102) = 5.75$, $p < .01$.

Таблица 7. Взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по оценкам эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя (средние и стандартные отклонения)

Направление эмоций на себя	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
КЭП	51.77 ± 25.63	44.20 ± 27.40	45.21 ± 28.27	43.83 ± 26.84	36.86 ± 26.19
ДЭП	47.61 ± 29.57	47.86 ± 30.32	49.87 ± 28.49	44.73 ± 31.71	44.82 ± 30.03

Примечания: КЭП – короткие эмоциональные предпочтения, ДЭП – дальние эмоциональные предпочтения; ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Post hoc (LSD test) сравнения свидетельствовали о том, что оценки направления эмоций на себя первых, третьих, пятых, седьмых и девярых коротких и дальних предпочитаемых произведений не отличались по степени выраженности ($p > .05$).

Все же общая значимая тенденция состояла в том, что взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами были значимыми по оценкам эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя. Они были выше для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга

музыкального произведения – как по коротким, так и дальним музыкальным предпочтениям. Результаты свидетельствуют о феноменах имплицитных коротких и дальних эмоциональных предпочтений, а также о различиях между ними по степени выраженности оценок эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя. Эти результаты иллюстрирует рис. 7.

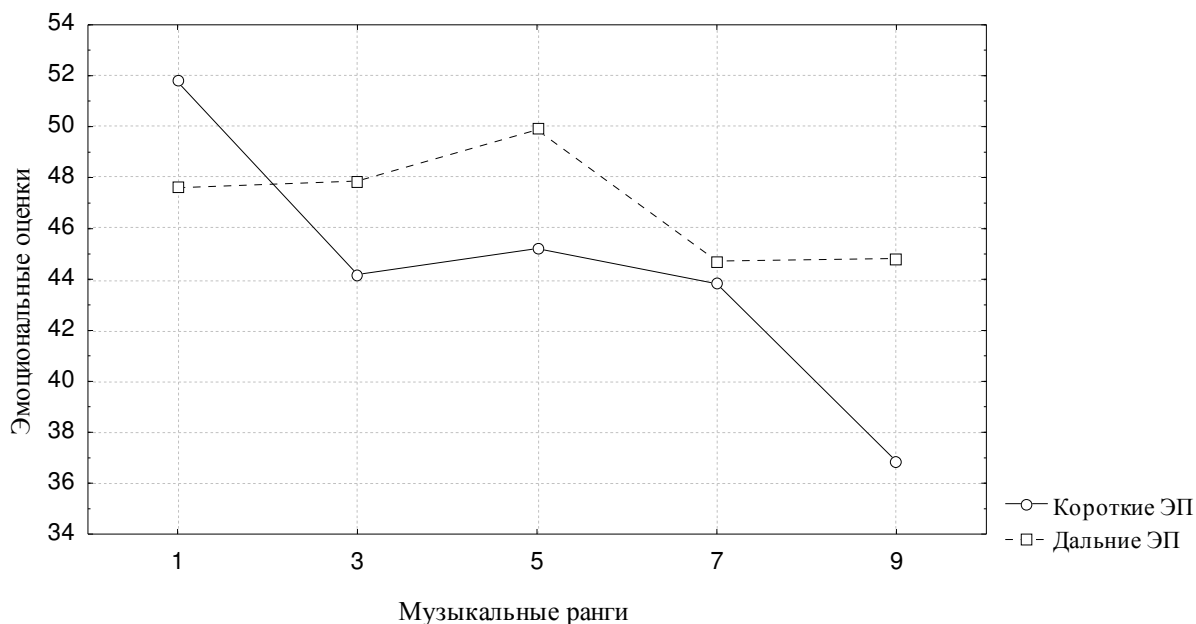

Рис. 7. Взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами по направлению эмоций на себя
 $F(4,408) = 2.52, p < .05$

Опять-таки, изложенные выше данные можно понимать следующим образом. По оценкам направления эмоций на себя феномен дальних эмоциональных предпочтений не устанавливается безотносительно к коротким эмоциональным предпочтениям. Вместе с тем имплицитные дальние эмоциональные предпочтения устанавливаются, когда учитываются их взаимодействия с короткими эмоциональными предпочтениями, т.е. опосредовано.

Кроме того, были установлены взаимодействия внутригрупповых факторов «Короткие музыкальные предпочтения» (по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх) и «Дальние музыкальные

предпочтения» (по оценкам эмоционального исполнения, выражающего пассивность) с их рангами. Соответствующие данные приведены в табл. 8.

Таблица 8. Взаимодействия коротких музыкальных предпочтений (по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх) и дальних музыкальных предпочтений (по оценкам эмоционального исполнения, выражающего пассивность) с их рангами (средние и стандартные отклонения)

Оценка эмоционального исполнения	Музыкальные ранги				
	1	3	5	7	9
Выражает страх (КЭП)	17.41 ± 17.64	14.62 ± 17.52	12.71 ± 15.16	10.78 ± 12.88	10.74 ± 14.48
Выражает пассивность (ДЭП)	7.92 ± 11.06	7.42 ± 10.25	7.65 ± 10.62	7.84 ± 10.47	6.76 ± 9.92

Примечания: КЭП – короткие эмоциональные предпочтения, ДЭП – дальние эмоциональные предпочтения; ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению.

Главный эффект фактора «короткие – дальние музыкальные предпочтения» на эмоциональные оценки страха – пассивности был значимым, $F(1,102) = 24.70$, $p < .001$. Это значит, что короткие и дальние музыкальные предпочтения значимо отличались по эмоциональным оценкам страха – пассивности. Главный эффект музыкальных рангов на эмоциональные оценки страха – пассивности был значимым, $F(4,408) = 6.39$, $p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха – пассивности значимо отличались по музыкальным рангам безотносительно к фактору «короткие – дальние музыкальные предпочтения». Факторы взаимодействовали, $F(4,408) = 4.99$, $p < .001$. Это значит, что короткие – дальние музыкальные предпочтения и их ранги производили эффекты на эмоциональные оценки страха – пассивности. При запланированных сравнениях эмоциональные оценки страха – пассивности также отличались в

зависимости от коротких и дальних музыкальных предпочтений и их рангов, $F(1,102) = 132.48, p < .001$.

Post hoc (LSD test) сравнения свидетельствовали о том, что эмоциональные оценки страха (короткие музыкальные предпочтения) и пассивности (дальние музыкальные предпочтения) первых, третьих, пятых, седьмых и девярых произведений отличались между собой по степени выраженности ($p < .05$). Более того, эти эмоциональные оценки были выражены в большей степени в отношении коротких музыкальных предпочтений, чем дальних музыкальных предпочтений.

Общая же и значимая тенденция состояла в том, что взаимодействия коротких и дальних музыкальных предпочтений с их рангами были значимыми по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх – пассивность. Они были выше для наиболее предпочитаемых музыкальных произведений и снижались по мере падения ранга музыкального произведения, причем как по коротким, так и дальним музыкальным предпочтениям. Результаты свидетельствуют о феноменах имплицитных коротких и дальних эмоциональных предпочтений, а также о различиях между ними по степени выраженности оценок эмоционального исполнения, выражающего страх – пассивность. Эти результаты иллюстрирует рис. 8.

Изложенные выше данные можно понимать следующим образом. По эмоциональным оценкам пассивности феномен имплицитных дальних эмоциональных предпочтений не устанавливается безотносительно к имплицитным коротким эмоциональным предпочтениям. Вместе с тем феномен имплицитных дальних эмоциональных предпочтений с оценками пассивности устанавливался, когда учитывались их взаимодействия с имплицитными короткими эмоциональными предпочтениями с оценками страха, т.е. опосредовано.

Таким образом, имплицитные дальние эмоциональные предпочтения обнаруживались при условии их взаимодействий с имплицитными

короткими эмоциональными предпочтениями. Различия между ними обнаруживались по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх, направление эмоций на себя, пассивность. Однако имплицитные дальние эмоциональные предпочтения не обнаруживались по оценкам эмоционального исполнения, выражающего гнев и напряжение, несмотря на их наличие в составе имплицитных коротких эмоциональных предпочтений.

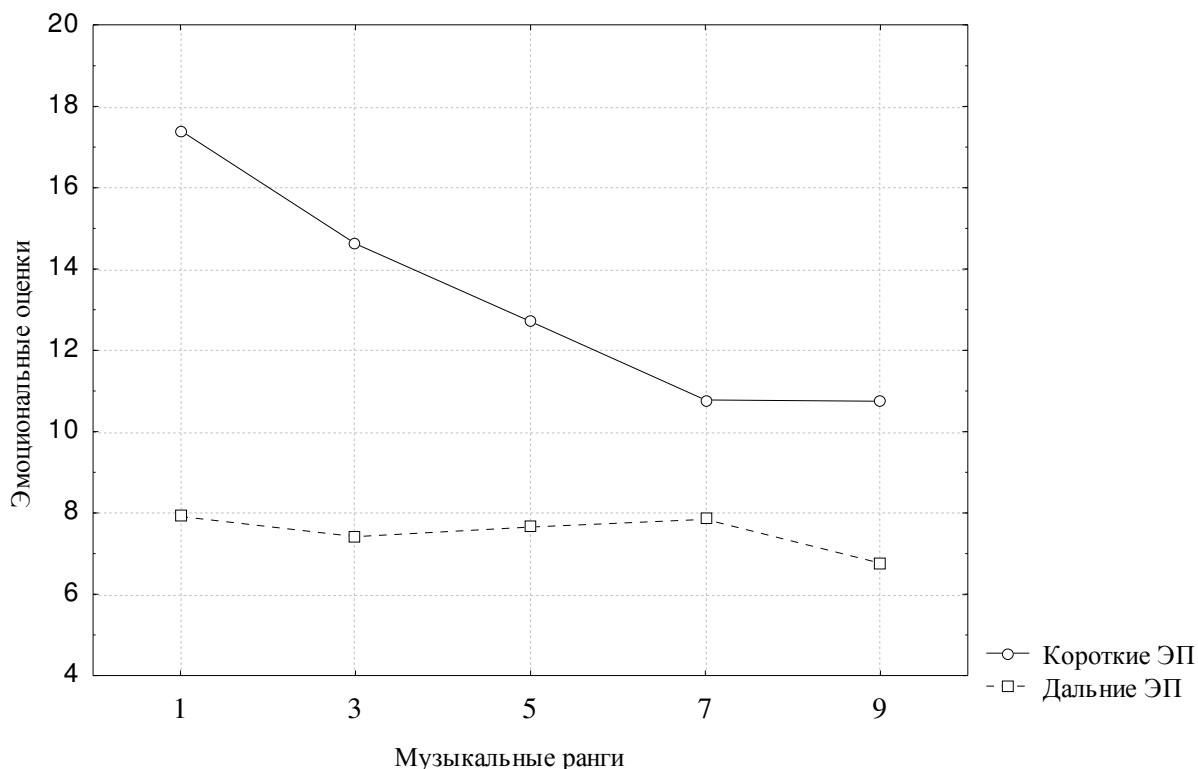

Рис. 8. Взаимодействия коротких музыкальных предпочтений (по оценкам страха) и дальних музыкальных предпочтений (по оценкам пассивности) с их рангами
 $F(4,408) = 4.99, p < .001$

3.1.2. Эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательными и положительными оценками, их различия и взаимосвязи

Рассмотрим теперь структуру эксплицитных эмоциональных предпочтений с оценками эмоционального исполнения положительного и отрицательного знаков в терминах эксплораторного факторного анализа (косоугольное вращение факторов способом Quartimax normalized). Факторное отображение показателей эксплицитных эмоциональных предпочтений приведено в табл. 9.

Таблица 9. Факторное отображение показателей эксплицитных эмоциональных предпочтений

Музыка исполняется	Факторы после косоугольного вращения	
	1	2
Уныло	.65	-.01
Депрессивно	.78	-.03
Подавленно	.76	-.12
Грустно	.73	.20
Разочарованно	.62	-.34
Оживленно	-.31	.68
Весело	-.18	.83
Радостно	-.18	.80
Оптимистично	-.50	.27
Беззаботно	.14	.64
Собственные значения	3.49	1.92
Доля объяснимой дисперсии, %	34.89	19.20

Примечания: значимые факторные нагрузки выделены жирным шрифтом.

Было выделено 2 фактора с общей долей объяснимой дисперсии 54.09%. В фактор 1 (34.89%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели оценки исполнения музыки «Уныло» (.65), «Депрессивно» (.78), «Подавленно» (.76), «Грустно» (.73), «Разочарованно» (.62) и с отрицательным знаком – факторная нагрузка показателя оценки исполнения музыки «Оптимистично» (-.50). Этот фактор можно интерпретировать как «Эксплицитные предпочтения с оценками эмоционального исполнения по преимуществу с отрицательным знаком». В фактор 2 (19.20%) со значимыми и положительными нагрузками вошли показатели оценок исполнения музыки «Оживленно» (.68), «Весело» (.83), «Радостно» (.80) и «Беззаботно» (.64). Этот фактор можно интерпретировать как «Эксплицитные предпочтения с

оценками эмоционального исполнения с положительным знаком». Факторы 1 и 2 коррелировали отрицательно ($r = -.76, p < .01$).

Таким образом, в терминах факторов структура эксплицитных эмоциональных предпочтений складывается из оценок эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков. С одной стороны, они распались на отдельные факторы, с другой, они коррелировали отрицательно. Это значит, что когда оценки эмоционального исполнения отрицательного знака растут, оценки эмоционального исполнения положительного знака падают. И, наоборот, когда оценки эмоционального исполнения положительного знака растут, оценки эмоционального исполнения отрицательного знака снижаются.

3.1.3. Корреляции показателей имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений

В корреляционный анализ включались агрегированные индексы показателей имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений. Агрегированный индекс имплицитных эмоциональных предпочтений вычислялся по z-оценкам тех оценок эмоционального исполнения, по которым обнаруживались имплицитные и короткие, и дальние эмоциональные предпочтения, т.е. по оценкам эмоционального исполнения, выражающего страх, пассивность, направление эмоций на себя. Эксплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались по 2 агрегированным индексам: один агрегированный индекс (z-оценки) вычислялся для оценок эмоционального исполнения с отрицательным знаком, другой агрегированный индекс (z-оценки) – для оценок эмоционального исполнения с положительным знаком (подробнее см. Глава 2, § 2.5.2.).

Корреляции агрегированных индексов имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений приведены в табл. 10.

Таблица 10. Корреляции агрегированных индексов имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений

Эксплицитные предпочтения, включающие знаки эмоционального исполнения	Имплицитные предпочтения, включающие эмоциональное исполнение с отрицательным знаком
Положительные	.26 ^a
Отрицательные	.15

Примечание: $a - p < .01$

Корреляции агрегированных индексов имплицитных предпочтений эмоционального исполнения с отрицательным знаком и эксплицитных предпочтений эмоционального исполнения с отрицательным знаком были незначимыми ($p > .05$). Корреляции агрегированных индексов имплицитных предпочтений эмоционального исполнения с отрицательным знаком и эксплицитных предпочтений эмоционального исполнения с положительным знаком, наоборот, были значимыми и положительными ($p < .01$). То есть, чем более выражены показатели эксплицитных эмоциональных предпочтений с положительными эмоциональными оценками, тем более выражены показатели имплицитных эмоциональных предпочтений с отрицательными эмоциональными оценками. И, наоборот, чем менее выражены показатели имплицитных эмоциональных предпочтений с отрицательными эмоциональными оценками, тем менее выражены показатели эксплицитных эмоциональных предпочтений с положительными эмоциональными оценками. Эти данные свидетельствуют о сопряженности имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений с учетом их разновалентности.

3.2. Вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения

3.2.1. Вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные короткие эмоциональные предпочтения

Устанавливались вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений (музыкальных рангов) в короткой временной перспективе в те оценки эмоционального исполнения, по которым были обнаружены имплицитные короткие эмоциональные предпочтения, т.е. в оценки эмоционального исполнения, выражающего отрицательную валентность, – страх, гнев, пассивность, напряжение, направление эмоций на себя. «Чувствительными» к вкладам субмодальностей Я и музыкальных рангов оказались оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, пассивность, направление эмоций на себя. Что касается полимодального Я, субмодальности Воплощенного Я, а также тенденция к слиянию в полимодальном Я (совместно с музыкальными рангами) производили значимые вклады в эти эмоциональные оценки. Вклады других субмодальностей и тенденции к обособлению в полимодальном Я (совместно с музыкальными рангами) в оценки эмоционального исполнения не наблюдались.

В этом параграфе приводятся результаты обработки данных с помощью 2-х факторного ANOVA, смешанный план исследования.

Эффекты Воплощенного Я и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, приведены в табл. 11.

Главный эффект фактора Воплощенного Я на эмоциональные оценки страха был незначимым, $F(2,100) = 1.61$, $p > .05$. Это значит, что эмоциональные оценки страха – без учета их изменений по музыкальным рангам – значимо не зависели от выраженности Воплощенного Я. Главный

эффект фактора музыкальных рангов на эмоциональные оценки страха был значимым, $F(4,400) = 9.21, p < .001$. Это значит, что различия эмоциональных оценок страха – безотносительно к Воплощенному Я – значимо зависели от музыкальных рангов. Факторы (Воплощенное Я и музыкальные ранги) взаимодействовали, $F(8,400) = 2.27, p < .02$. Это значит, что различия в выраженности эмоциональных оценок страха зависели от уровней Воплощенного Я и музыкальных рангов. При запланированных сравнениях эмоциональные оценки страха также зависели от уровней Воплощенного Я и музыкальных рангов, $F(1,100) = 6.01, p < .02$.

Таблица 11. Оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, в зависимости от уровней выраженности Воплощенного Я и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни Воплощенного Я	n	Музыкальные ранги				
		1	3	5	7	9
Высокий	32	22.46 ±	19.27 ±	12.98 ±	12.29 ±	9.90 ±
		18.61	21.37	16.16	12.96	13.79
Средний	39	17.83 ±	13.71 ±	13.11 ±	12.14 ±	14.36 ±
		18.03	16.74	15.58	14.90	17.34
Низкий	32	11.85 ±	11.08 ±	11.94 ±	7.60 ±	7.19 ±
		14.86	13.20	14.03	9.51	10.02

Примечания: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

Эти данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, являются результатом взаимодействий Воплощенного Я и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. Эти результаты иллюстрирует рис. 9

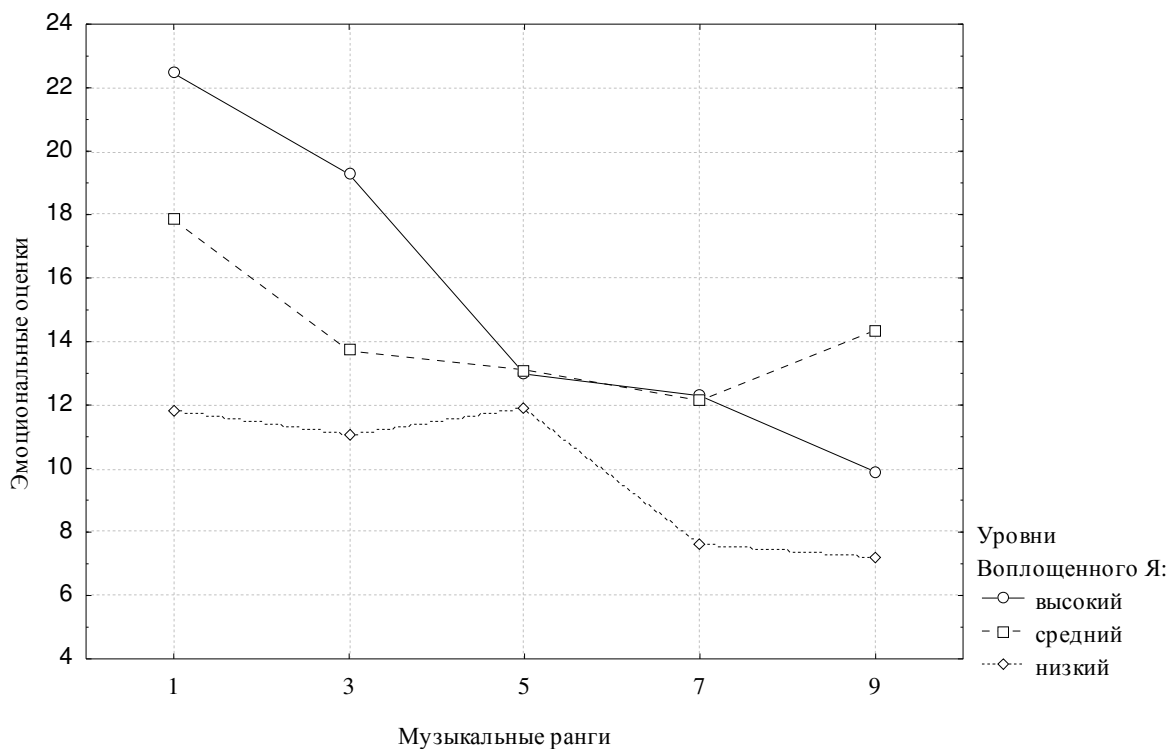

Рис. 9. Изменения оценок страха в зависимости от уровней выраженности Воплощенного Я и музыкальных рангов
 $F(8,400) = 2.27, p < .02$

Эффекты тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, приведены в табл. 12.

Главный эффект тенденции к слиянию в полимодальном Я на эмоциональные оценки пассивности был незначимым, $F(2,100) = .69, p > .05$. Это значит, что эмоциональные оценки пассивности – без учета их изменений по музыкальным рангам – не зависели от выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я. Главный эффект фактора музыкальных рангов на эмоциональные оценки пассивности был значимым, $F(4,400) = 2.67, p < .03$. Это значит, что эмоциональные оценки пассивности – безотносительно к тенденции к слиянию в полимодальном Я – значимо отличались в зависимости от музыкальных рангов. Факторы (тенденция к слиянию в полимодальном Я и музыкальные ранги) взаимодействовали, $F(8,400) = 2.32, p < .02$. Это значит, что различия эмоциональных оценок пассивности значимо не зависели от выраженности

тенденции к слиянию и музыкальных рангов. При запланированных сравнениях различия эмоциональных оценок пассивности в зависимости от выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов были незначимы, $F(1,100) = .10$, $p > .05$ (ANOVA), но с учетом всех зависимых переменных по отдельности (MANOVA) эти различия были значимы, $Rao R(8,194) = 2.04$, $p < .04$.

Таблица 12. Оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, в зависимости от выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни тенденции к слиянию	n	Музыкальные ранги				
		1	3	5	7	9
Высокий	35	11.14 ± 13.26	9.24 ± 10.88	8.84 ± 12.10	12.69 ± 16.49	6.85 ± 10.72
Средний	34	10.39 ± 12.05	6.57 ± 7.08	6.08 ± 8.06	7.26 ± 9.30	6.85 ± 10.73
Низкий	34	10.69 ± 12.05	12.55 ± 15.33	5.51 ± 7.94	5.69 ± 10.03	10.35 ± 14.99

Примечания: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

Эти данные свидетельствуют о том, во-первых, что оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, являются результатом взаимодействий тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего пассивность, растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. Эти результаты иллюстрирует рис. 10.

Эффекты Воплощенного Я и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, приведены в табл. 13.

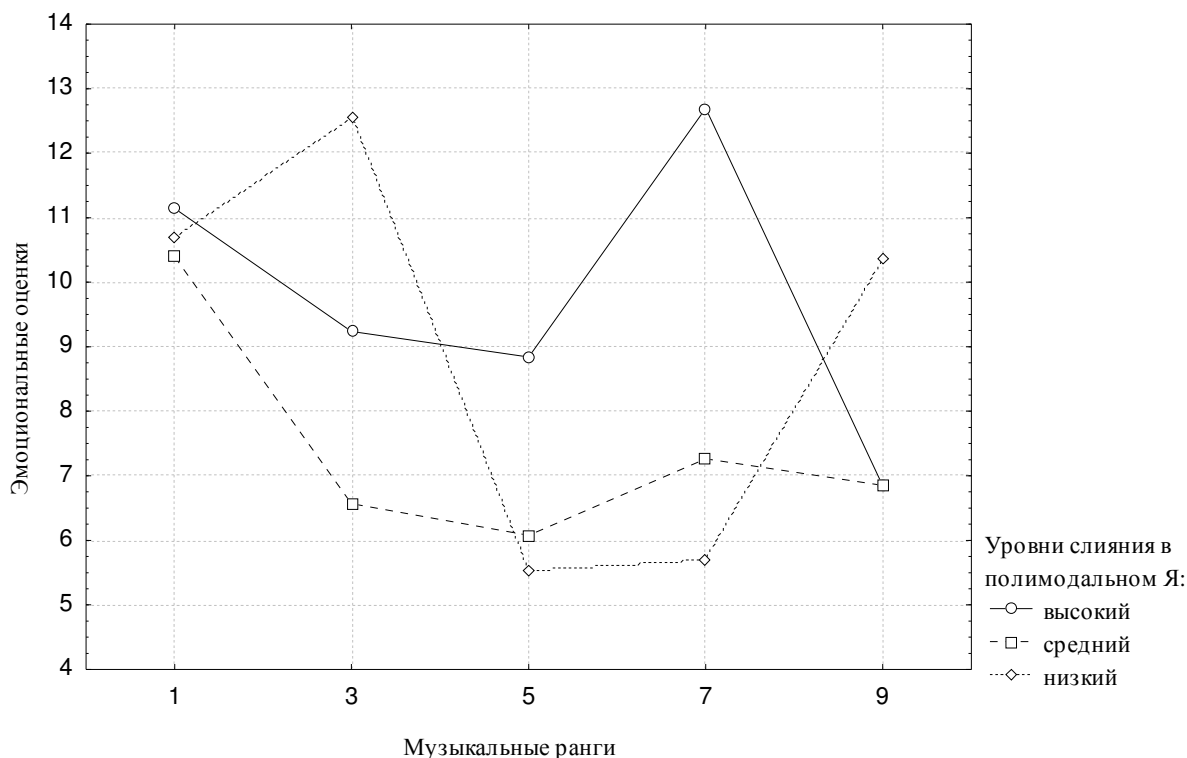

Рис. 10. Изменения оценок пассивности в зависимости от уровней выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов
 $F(8,400) = 2.32, p < .02$

Главный эффект фактора Воплощенного Я на оценки направления эмоций на себя был незначимым, $F(2,100) = 2.05, p > .08$. Это значит, что оценки направления эмоций на себя – без учета их изменений по музыкальным рангам – значимо не зависели от выраженности Воплощенного Я. Главный эффект фактора музыкальных рангов на оценки направления эмоций на себя был значимым, $F(4,400) = 6.50, p < .001$. Это значит, что различия оценок направления эмоций на себя – безотносительно к Воплощенному Я – зависели от музыкальных рангов. Факторы Воплощенное Я и музыкальные ранги взаимодействовали, $F(8,400) = 1.89, p < .05$. Это значит, что оценки направления эмоций на себя значимо отличались в зависимости от уровней Воплощенного Я и музыкальных рангов. При запланированных сравнениях оценки направления эмоций на себя также отличались в зависимости от уровней Воплощенного Я и музыкальных рангов, $F(1,100) = 3.76, p < .05$.

Таблица 13. Оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, в зависимости от выраженности Воплощенного Я и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни Воплощенного Я	n	Музыкальные ранги				
		1	3	5	7	9
Высокий	32	52.92 ± 20.80	48.23 ± 27.37	50.52 ± 27.51	53.33 ± 26.25	42.19 ± 27.32
Средний	39	48.26 ± 26.70	42.48 ± 25.58	49.40 ± 25.95	44.10 ± 22.26	34.87 ± 22.36
Низкий	32	54.90 ± 28.77	42.27 ± 29.92	34.79 ± 29.72	34.00 ± 29.67	33.96 ± 29.22

Примечания: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

Эти данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, являются результатом взаимодействий Воплощенного Я и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего направление эмоций на себя, растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. Эти результаты иллюстрирует рис. 11.

Эффекты тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, приведены в табл. 14.

Главный эффект фактора слияния в полимодальном Я на эмоциональные оценки страха был незначимым, $F(2,100) = 1.59$, $p > .05$. Это значит, что эмоциональные оценки страха – без учета их изменений по музыкальным рангам – не зависели от выраженности слияния в полимодальном Я. Главный эффект фактора музыкальных рангов на эмоциональные оценки страха был значимым, $F(4,400) = 8.73$, $p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха – безотносительно к слиянию в полимодальном Я – значимо отличались в зависимости от музыкальных

рангов. Факторы (слияние в полимодальном Я и музыкальные ранги) взаимодействовали, $F(8,400) = 2.76, p < .01$. Это значит, что эмоциональные оценки страха значимо отличались в зависимости от выраженности слияния в полимодальном Я и музыкальных рангов. При запланированных сравнениях эмоциональные оценки страха также зависели от выраженности слияния в полимодальном Я и музыкальных рангов, $F(1,100) = 8.21, p < .01$.

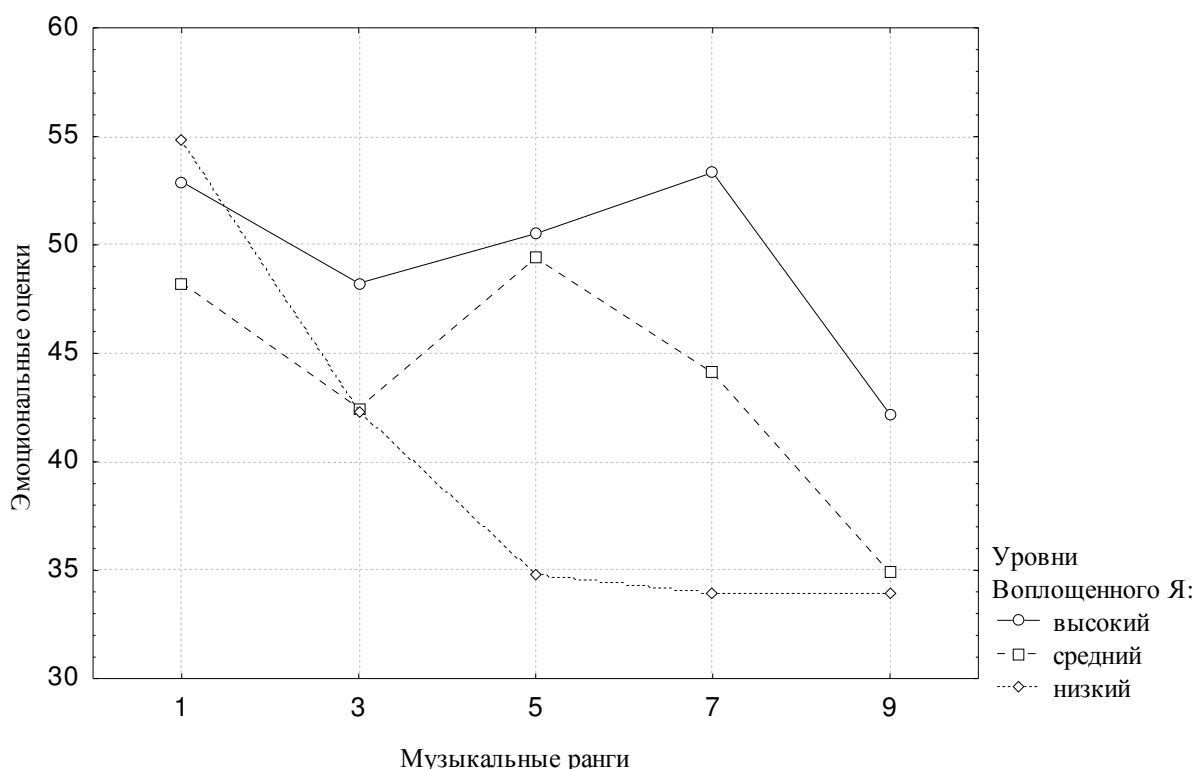

Рис. 11. Изменения оценки направления эмоций на себя в зависимости от уровней выраженности Воплощенного Я и музыкальных рангов
 $F(8,400) = 1.89, p < .06$

Эти данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, являются результатом взаимодействий слияния в полимодальном Я и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. Эти результаты иллюстрирует рис. 12

Таблица 14. Оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, в зависимости от выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни тенденции к слиянию	n	Музыкальные ранги				
		1	3	5	7	9
Высокий	35	22.72 ± 18.96	19.75 ± 21.73	14.13 ± 16.60	12.19 ± 13.65	10.38 ± 15.16
Средний	34	17.02 ± 16.66	13.33 ± 14.93	10.98 ± 11.94	13.33 ± 13.53	12.94 ± 13.58
Низкий	34	12.33 ± 16.12	10.63 ± 13.93	12.96 ± 16.70	6.77 ± 10.58	8.92 ± 14.77

Примечания: ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

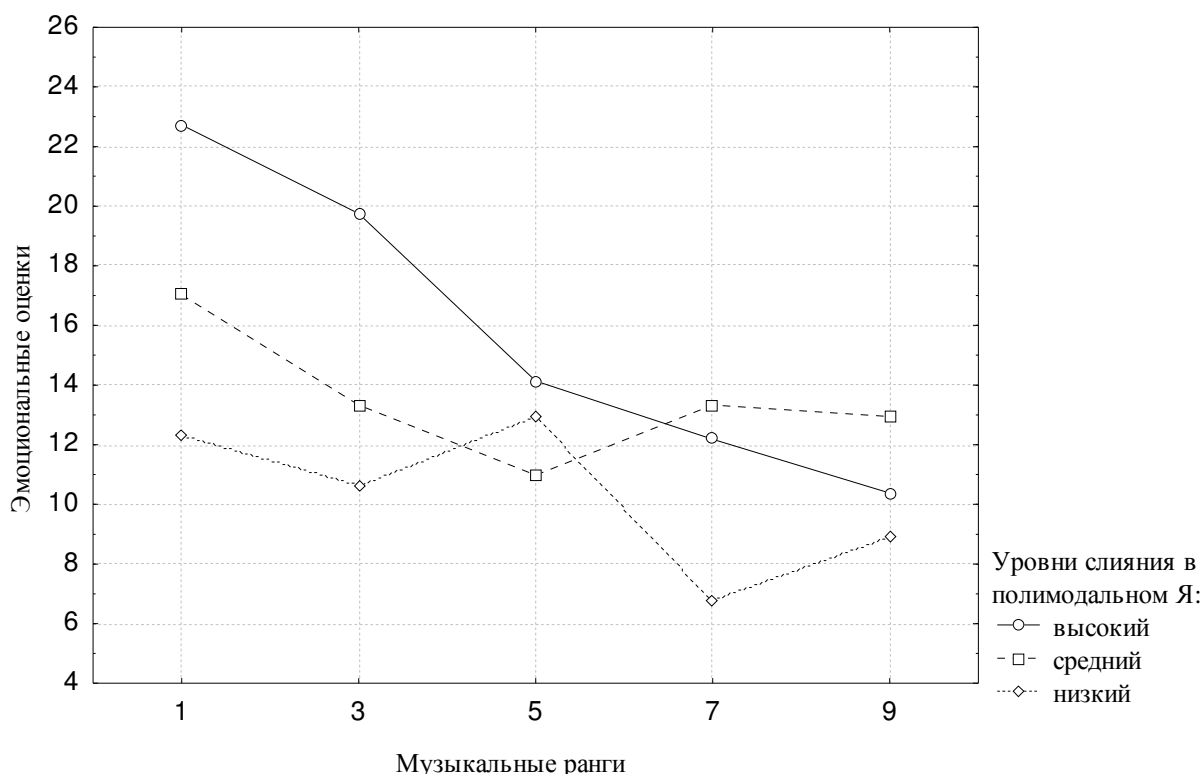

Рис. 12. Изменения оценки страха в зависимости от уровней выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я и музыкальных рангов

$$F(8,400) = 2.76, p < .01$$

Таким образом, совместно с короткими музыкальными предпочтениями субмодальность Воплощенного Я может производить эффекты на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, тенденция к слиянию в

полимодалном Я – на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, пассивность и направление эмоций на себя. Выраженность всех этих эмоциональных оценок растет от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. Это свидетельствует о феномене коротких эмоциональных предпочтений по соответствующим оценкам эмоционального исполнения.

3.2.2. Вклады полимодалного Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные короткие и дальние эмоциональные предпочтения

Напомним, что имплицитные дальние эмоциональные предпочтения не обнаруживались безотносительно к имплицитным коротким эмоциональным предпочтениям, но обнаруживались опосредовано, через имплицитные короткие эмоциональные предпочтения (см. § 3.1.1.). Поэтому мы устанавливали вклады полимодалного Я, музыкальных предпочтений в короткой и дальней временной перспективе и музыкальных рангов в те оценки эмоционального исполнения, по которым были обнаружены имплицитные короткие и дальние эмоциональные предпочтения, т.е. в оценки эмоционального исполнения, выражающего страх, пассивность, направление эмоций на себя. «Чувствительными» к вкладам субмодалностей Я, музыкальных предпочтений в короткой и дальней временной перспективе и музыкальных рангов оказались оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие музыкальные предпочтения) и пассивность (дальние музыкальные предпочтения). Что касается полимодалного Я, только субмодалность Превращенного Я и тенденция к слиянию в полимодалном Я (совместно с музыкальными предпочтениями в короткой и дальней временной перспективе и музыкальными рангами) производили вклады в эти оценки эмоционального исполнения. Вклады других субмодалностей Я, тенденции к обособлению в полимодалном Я (совместно с музыкальными предпочтениями в короткой и

дальней временной перспективе и музыкальными рангами) в эти оценки не наблюдались.

Данные обрабатывались с помощью 3-х факторного ANOVA, смешанный план исследования. Эффекты Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) приведены в табл. 15.

Таблица 15. Оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) в зависимости от выраженности Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни Превращенного Я	n	Музыкальные ранги									
		КЭП по параметру «Страх»					ДЭП по параметру «Пассивность»				
		1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Высокий	35	13.91	13.12	11.39	7.05	6.48	4.65	5.43	5.14	7.31	5.24
		± 16.26	± 16.88	± 14.55	± 9.76	± 11.95	± 8.68	± 7.63	± 9.43	± 10.92	± 9.01
Средний	36	15.26	13.87	11.07	12.13	11.11	10.69	7.07	8.43	6.65	7.32
		± 15.12	± 16.19	± 14.02	± 13.87	± 13.78	± 11.97	± 10.78	± 11.63	± 9.87	± 10.98
Низкий	32	23.67	17.10	16.00	13.33	15.00	8.38	5.79	9.53	4.39	7.81
		± 20.41	± 19.82	± 16.91	± 14.12	± 16.72	± 11.70	± 11.80	± 10.47	± 10.68	± 9.70

Примечания: КЭП – короткие эмоциональные предпочтения, ДЭП – дальние эмоциональные предпочтения; ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

Главный эффект фактора Превращенного Я на эмоциональные оценки страха и пассивности был значимым в тенденции, $F(2,100) = 2.66, p < .07$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности – без учета их изменений по музыкальным предпочтениям во временной перспективе и музыкальным рангам – зависели от выраженности Превращенного Я в тенденции. Главный эффект фактора короткие – дальние музыкальные

предпочтения был значимым, $F(1,100) = 25.17, p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности – безотносительно к Превращенному Я и музыкальным рангам – значимо отличались в зависимости от музыкальных предпочтений во временной перспективе. Главный эффект фактора музыкальных рангов был значимым, $F(4,400) = 6.37, p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха – безотносительно к Превращенному Я и музыкальным предпочтениям во временной перспективе – значимо отличались.

Факторы «короткие – дальние музыкальные предпочтения» и музыкальные ранги взаимодействовали, $F(4,400) = 5.32, p < .001$. Это значит, что различия эмоциональных оценок страха и пассивности зависели от музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов. Факторы «Превращенное Я», «короткие – дальние музыкальные предпочтения» и музыкальные ранги взаимодействовали, $F(8,400) = 2.12, p < .03$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности значимо отличались в зависимости от уровней Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов. При запланированных сравнениях изменения эмоциональных оценок страха и пассивности в зависимости от уровней Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов были незначимы, $F(1,100) = .20, p > .02$ (ANOVA), но с учетом всех зависимых переменных по отдельности (MANOVA) эти различия были значимы, $Rao R (8,194) = 2.23, p < .03$.

Эти данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) являются результатом взаимодействий Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх и пассивность,

растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. В-третьих, оценки страха и пассивности выражают различия между короткими и дальними эмоциональными предпочтениями. Эти результаты иллюстрирует рис. 13.

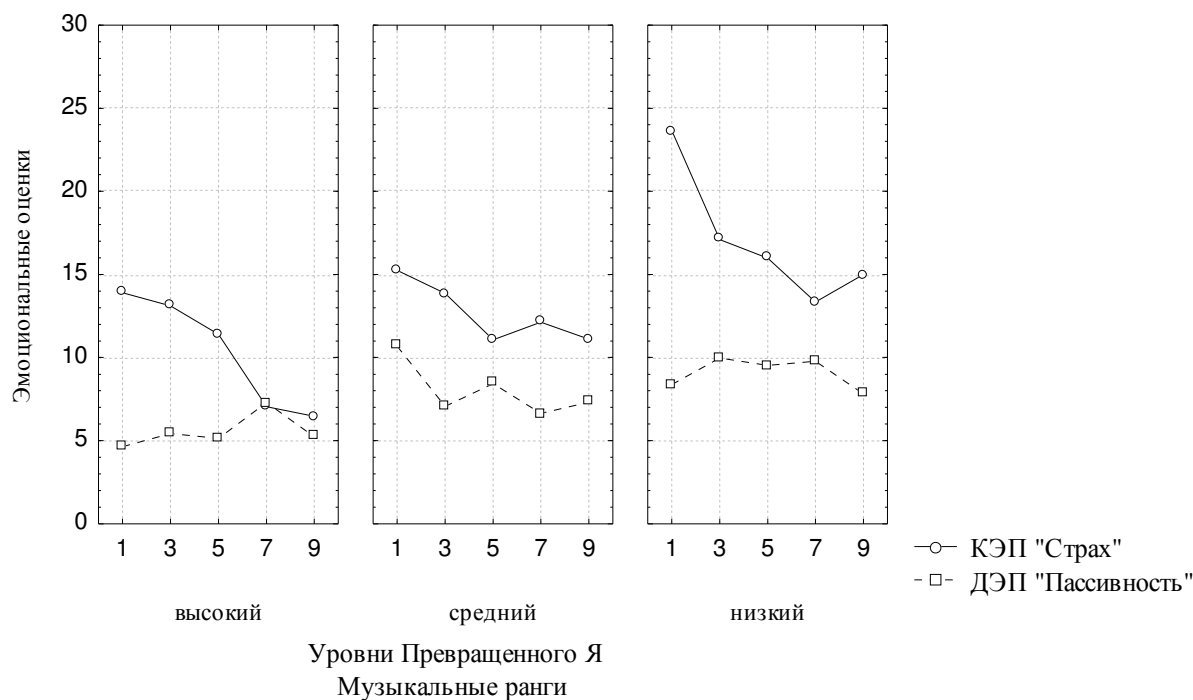

Рис. 13. Изменения оценки страха (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивности (дальние эмоциональные предпочтения) в зависимости от уровней выраженности Превращенного Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов
 $F(8,400) = 2.11, p < .03$

Эффекты тенденции к слиянию в полимодальном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов на оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) приведены в табл. 16.

Главный эффект фактора слияния в полимодальном Я на эмоциональные оценки страха и пассивности был незначимым, $F(2,100) = 0.18, p > .05$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности – без учета их изменений по музыкальным предпочтениям во временной перспективе и музыкальным рангам – не зависели от выраженности слияния в

полимодалном Я. Главный эффект фактора короткие – дальние музыкальные предпочтения был значимым, $F(1,100) = 26.17$, $p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности – безотносительно к слиянию в полимодалном Я и музыкальным рангам – значимо отличались в зависимости от музыкальных предпочтений во временной перспективе. Главный эффект фактора музыкальных рангов был значимым, $F(4,400) = 6.37$, $p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности – безотносительно к слиянию в полимодалном Я и музыкальным предпочтениям во временной перспективе – значимо отличались.

Таблица 16. Оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) в зависимости от выраженности тенденции к слиянию в полимодалном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов (средние и стандартные отклонения)

Уровни тенденции к слиянию	n	Музыкальные ранги									
		КЭП («Страх»)					ДЭП («Пассивность»)				
		1	3	5	7	9	1	3	5	7	9
Высокий	35	22.72	19.75	14.13	12.19	10.38	8.53	6.40	6.05	5.89	4.29
		± 18.90	± 21.73	± 16.60	± 13.65	± 15.16	± 11.08	± 9.67	± 10.44	± 10.08	± 6.08
Средний	34	17.02	13.33	10.98	13.33	12.94	6.35	7.39	9.12	7.06	6.52
		± 16.66	± 14.93	± 11.93	± 13.53	± 13.58	± 8.82	± 10.15	± 11.19	± 9.49	± 8.99
Низкий	34	12.33	10.63	12.96	6.76	8.92	8.84	8.49	7.84	10.65	9.56
		± 16.12	± 13.93	± 16.70	± 10.59	± 14.76	± 13.03	± 11.09	± 10.30	± 11.46	± 13.06

Примечания: КЭП – короткие эмоциональные предпочтения, ДЭП – дальние эмоциональные предпочтения; ранг предпочтения от 1 к 9 – от наиболее предпочитаемого произведения к наименее предпочитаемому произведению; n – количество участников в подгруппах.

Факторы «Слияние в полимодалном Я» и «короткие – дальние музыкальные предпочтения» взаимодействовали, $F(2,100) = 4.77$, $p < .01$.

Это значит, что различия эмоциональных оценок страха и пассивности зависели от слияния в полимодальном Я и музыкальных предпочтений во временной перспективе. Факторы «Слияние в полимодальном Я» и «музыкальные ранги» взаимодействовали, $F(8,400) = 2.44$, $p < .01$. Факторы «короткие – дальние музыкальные предпочтения» и музыкальные ранги взаимодействовали, $F(4,400) = 5.05$, $p < .001$. Это значит, что различия эмоциональных оценок страха и пассивности зависели от музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов. Факторы «Слияние в полимодальном Я», «короткие – дальние музыкальные предпочтения» и музыкальные ранги взаимодействовали, $F(8,400) = 2.07$, $p < .04$. Это значит, что эмоциональные оценки страха и пассивности значимо отличались в зависимости от уровней слияния в полимодальном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов.

При запланированных сравнениях изменения эмоциональных оценок страха и пассивности в зависимости от уровней слияния в полимодальном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов были незначимы, $F(1,100) = .91$, $p > .05$ (ANOVA), но с учетом всех зависимых переменных по отдельности (MANOVA) эти различия были значимы, $Rao R (8,194) = 2.43$, $p < .02$.

Эти данные свидетельствуют о следующем. Во-первых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) являются результатом взаимодействий слияния в полимодальном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов. Во-вторых, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх и пассивность, растут от наименее предпочитаемого музыкального произведения к наиболее предпочитаемому. В-третьих, оценки страха и пассивности выражают различия между короткими и

дальними эмоциональными предпочтениями. Эти результаты иллюстрирует рис. 14

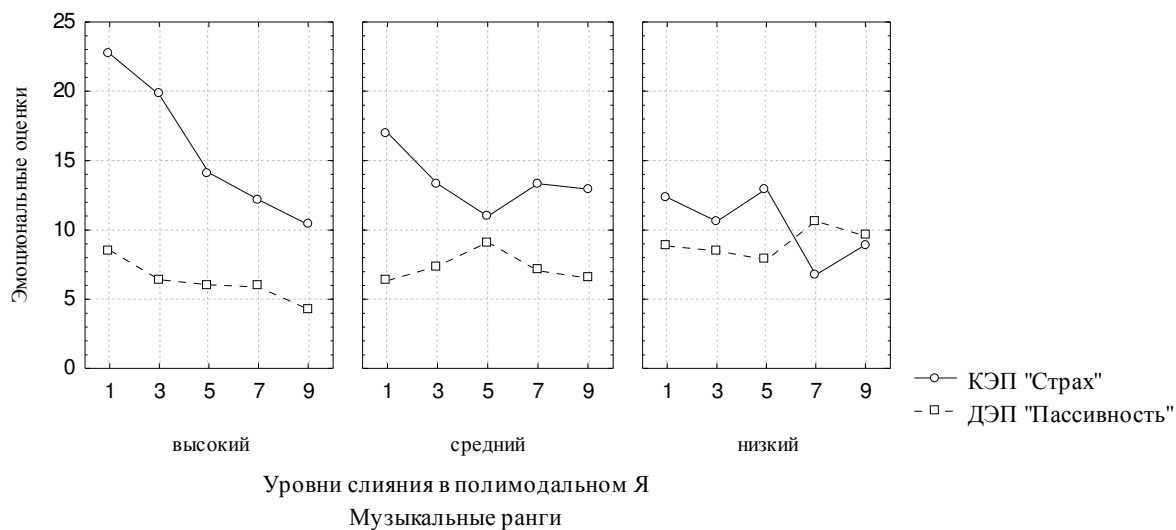

Рис. 14. Изменения оценки страха (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивности (дальние эмоциональные предпочтения) в зависимости от уровней выраженности тенденции к слиянию в полимодальном Я, музыкальных предпочтений во временной перспективе и музыкальных рангов
 $F(8,400) = 2.06, p < .04$

Таким образом, оценки эмоционального исполнения, выражающего страх (короткие эмоциональные предпочтения) и пассивность (дальние эмоциональные предпочтения) являются результатом взаимодействий музыкальных предпочтений во временной перспективе и их музыкальных рангов с субмодальностью Превращенного Я и тенденцией к слиянию в полимодальном Я.

3.2.3. Вклады полимодального Я и валентности в эксплицитные эмоциональные предпочтения

Результаты эксплораторного факторного анализа (§ 3.1.2.) свидетельствовали о том, что оценки эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков не смешиваются, а распадаются на отдельные факторы. Эти данные явились основанием для того, чтобы ввести еще одно понятие – валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений. В этом контексте вклады полимодального Я и валентности в эксплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались по

следующей схеме: полимодальное Я (его субмодальности, тенденции к слиянию и обособлению по отдельности) – межгрупповой фактор, отрицательная и положительная валентности эксплицитных эмоциональных предпочтений – внутригрупповые факторы, оценки эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков – зависимые переменные.

Были установлены значимые эффекты Вторящего Я и отрицательной валентности на оценки эмоционального исполнения (2-х факторный ANOVA, смешанный план исследования). Соответствующие эффекты других субмодальностей Я, а также процессов слияния и обособления в полимодальном Я (совместно с отрицательной валентностью) были незначимы. Эффекты полимодального Я и положительной валентности на различия в оценках эмоционального исполнения также были незначимы.

Эффекты Вторящего Я и отрицательной валентности на оценки эмоционального исполнения отрицательного знака приведены в табл. 17.

Таблица 17. Оценки эмоционального исполнения отрицательного знака в зависимости от выраженности Вторящего Я и отрицательной валентности (средние и стандартные отклонения)

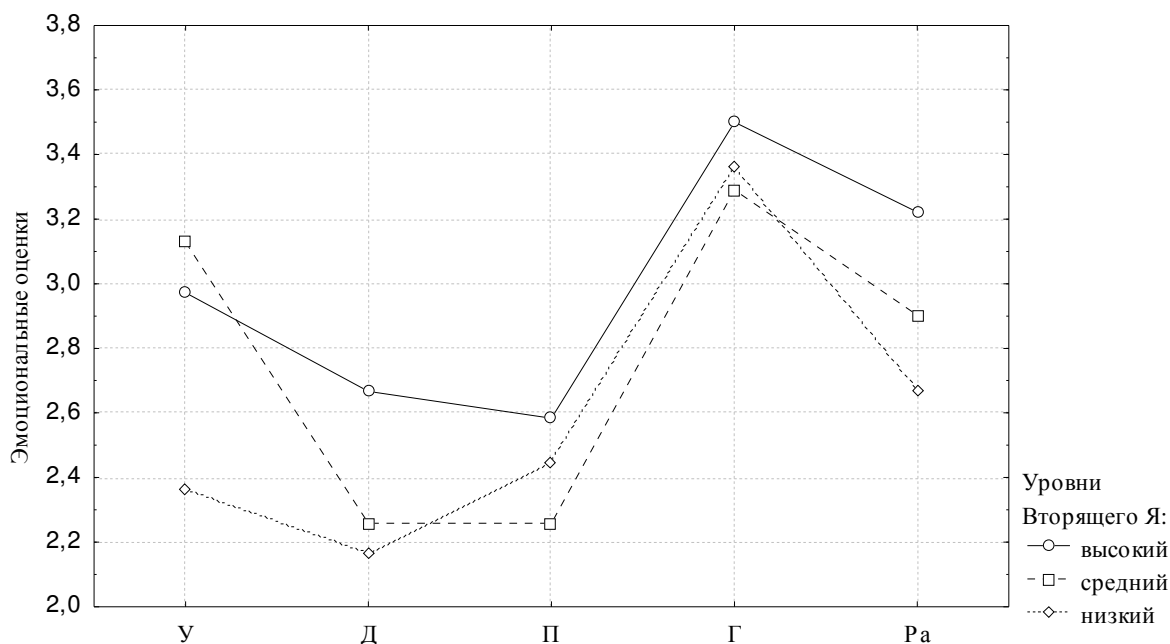
Уровни Вторящего Я	n	Оценки эмоционального исполнения с отрицательным знаком				
		У	Д	П	Г	Ра
Высокий	36	2.97 ± 1.16	2.67 ± 0.99	2.58 ± 1.13	3.50 ± 1.08	3.22 ± 1.12
Средний	31	3.13 ± 1.23	2.26 ± 1.18	2.26 ± 1.09	3.29 ± 1.13	2.90 ± 1.14
Низкий	36	2.36 ± 1.12	2.17 ± 1.03	2.44 ± 1.23	3.36 ± 0.93	2.67 ± 1.22

Примечания: Музыка исполняется: У – уныло, Д – депрессивно, П – подавленно, Г – грустно, Ра – разочарованно; n – количество участников в подгруппах.

Главный эффект фактора Вторящего Я на эмоциональные оценки был незначимым, $F(1,100) = 2.09, p > .05$. Это значит, что эмоциональные оценки – без учета фактора их валентности – значимо не отличались между собой в зависимости от уровней Вторящего Я. Главный эффект фактора

отрицательной валентности был значимым, $F(4,400) = 23.33, p < .001$. Это значит, что эмоциональные оценки – безотносительно к Вторящему Я – значимо отличались между собой. Факторы (Вторящее Я и фактор отрицательной валентности) взаимодействовали по эмоциональным оценкам, в тенденции, $F(8,400) = 1.80, p < .07$. Это значит, что эмоциональные оценки отличались между собой в зависимости от Вторящего Я и фактора отрицательной валентности, в тенденции. При запланированных сравнениях эмоциональные оценки отличались между собой в зависимости от уровней Вторящего Я и фактора отрицательной валентности значимо, $F(1,100) = 4.16, p < .05$.

В этих данных оценки эмоционального исполнения отрицательного знака выражают эксплицитные эмоциональные предпочтения и возникают в результате взаимодействий факторов Вторящего Я и отрицательной валентности. Эти результаты иллюстрирует рис. 15.

Эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательной валентностью

Музыка исполняется: У - уныло, Д - депрессивно, П - подавлено,

Г - грустно, Ра - разочарованно

Рис. 15. Изменения оценок в зависимости от уровней выраженности Вторящего Я и отрицательной валентности

$$F(8,400) = 1.80, p < .07$$

Субмодальности Я (а также тенденции к слиянию и обособлению в полимодальном Я) и положительная валентность не производили значимые эффекты на оценки эмоционального исполнения с положительным знаком. Тогда мы предприняли попытку установить такие эффекты с учетом как отрицательной, так и положительной валентностей (3-х факторный ANOVA, смешанный план исследования).

Субмодальность Превращенного Я и тенденция к обособлению в полимодальном Я совместно с отрицательной и положительной валентностями производили вклады в оценки эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками. Однако в них не производили значимые вклады другие субмодальности Я и тенденция к слиянию в полимодальном Я.

Средние (и стандартные отклонения) оценок эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками в зависимости от уровней Превращенного Я и валентности приведены в табл. 18.

Главный эффект фактора Превращенного Я на эмоциональные оценки был значимым, $F(2,100) = 5.16$, $p < .01$. Это значит, что эмоциональные оценки – без учета валентности – значимо отличались между собой в зависимости от выраженности Превращенного Я. Главный эффект фактора валентности на эмоциональные оценки был значимым, $F(1,100) = 52.63$, $p < .001$. Это значит, что различия между отрицательными и положительными эмоциональными оценками – безотносительно к Превращенному Я – были значимыми. Факторы (Превращенное Я и валентность) взаимодействовали по эмоциональным оценкам, $F(8,400) = 2.21$, $p < .03$. Это значит, что эмоциональные оценки отрицательного и положительного знаков отличались в зависимости от факторов Превращенного Я и валентности. При запланированных сравнениях отрицательные и положительные эмоциональные оценки также отличались в зависимости от факторов Превращенного Я и валентности, $F(1,100) = 7.70$, $p < .01$.

Таблица 18. Оценки эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками в зависимости от уровней Превращенного Я и валентности (средние и стандартные отклонения)

Уровни Превращенного Я	n	Оценки эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками									
		С положительным знаком					С отрицательным знаком				
		О	В	Р	Оп	Б	У	Д	П	Г	Ра
Высокий	35	4.26	3.74	3.74	4.71	2.14	2.40	1.86	2.00	2.91	2.77
		± 0.89	± 1.04	± 1.07	± 1.36	± 1.33	± 1.33	± 1.06	± 1.16	± 1.12	± 1.26
Средний	36	4.22	3.75	3.81	4.17	2.61	3.03	2.56	2.53	3.64	3.11
		± 1.07	± 1.10	± 1.09	± 1.21	± 1.20	± 1.00	± 0.88	± 1.05	± 0.96	± 1.06
Низкий	32	3.94	3.78	3.66	4.50	2.56	3.00	2.72	2.81	3.62	2.91
		± 1.01	± 1.16	± 0.97	± 1.16	± 1.13	± 1.19	± 1.11	± 1.12	± 0.87	± 1.20

Примечания: Музыка исполняется: О – оживленно, В – весело, Р – радостно, Оп – оптимистично, Б – беззаботно; У – уныло, Д – депрессивно, П – подавленно, Г – грустно, Ра – разочарованно; n – количество участников в подгруппах.

В этих данных оценки эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков выражают эксплицитные эмоциональные предпочтения и возникают в результате взаимодействий факторов Превращенного Я, отрицательной и положительной валентностей.

Средние (и стандартные отклонения) оценок эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками в зависимости от выраженности тенденции к обособлению в полимодальном Я и валентности приведены в табл. 19.

Главный эффект фактора тенденции к обособлению в полимодальном Я на эмоциональные оценки был значимым, $F(2,100) = 3.14$, $p < .05$. Это значит, что эмоциональные оценки – без учета валентности – значимо отличались между собой в зависимости от выраженности тенденции к обособлению в полимодальном Я. Главный эффект фактора валентности на эмоциональные оценки был значимым, $F(1,100) = 53.13$, $p < .001$. Это

значит, что различия между отрицательными и положительными эмоциональными оценками – безотносительно к тенденции к обособлению в полимодальном Я – были значимыми. Факторы (тенденция к обособлению в полимодальном Я и валентность) взаимодействовали по эмоциональным оценкам, $F(8,400) = 1.97$, $p < .05$. Это значит, что эмоциональные оценки отрицательного и положительного знаков отличались в зависимости от выраженности тенденции к обособлению в полимодальном Я и валентности. При запланированных сравнениях отрицательные и положительные эмоциональные оценки также отличались в зависимости от выраженности тенденции к обособлению в полимодальном Я и валентности, $F(1,100) = 6.18$, $p < .01$.

Таблица 19. Оценки эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками в зависимости от выраженности тенденции к обособлению в полимодальном Я и валентности (средние и стандартные отклонения)

Уровни обособления в полимодальном Я	n	Эмоциональные оценки									
		С положительным знаком					С отрицательным знаком				
		О	В	Р	Оп	Б	У	Д	П	Г	Ра
Высокий	34	4.29	3.79	3.73	4.56	2.23	2.35	1.88	2.21	3.03	2.94
		± 1.03	± 1.07	± 1.05	± 1.40	± 1.28	± 1.30	± 1.01	± 1.25	± 1.11	± 1.07
Средний	35	4.17	3.71	3.86	4.57	2.46	3.03	2.43	2.31	3.40	2.71
		± 0.98	± 1.02	± 1.00	± 1.22	± 1.31	± 1.07	± 0.88	± 0.93	± 1.03	± 1.25
Низкий	34	3.97	3.76	3.62	4.23	2.62	3.03	2.79	2.79	3.73	3.15
		± 0.97	± 1.21	± 1.07	± 1.16	± 1.10	± 1.14	± 1.15	± 1.20	± 0.86	± 1.18

Примечания: Музыка исполняется: О – оживленно, В – весело, Р – радостно, Оп – оптимистично, Б – беззаботно; У – уныло, Д – депрессивно, П – подавленно, Г – грустно, Ра – разочарованно; n – количество участников в подгруппах.

В этих данных оценки эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков выражают эксплицитные эмоциональные

предпочтения и возникают в результате взаимодействий факторов тенденции к обособлению в полимодальном Я, отрицательной и положительной валентностей.

Таким образом, оценки эмоционального исполнения отрицательного знака выражают эксплицитные эмоциональные предпочтения и возникают в результате взаимодействий факторов отрицательной валентности и Вторящего Я. Оценки эмоционального исполнения отрицательного и положительного знаков возникают в результате взаимодействий отрицательной и положительной валентностей с факторами Превращенного Я или тенденции к обособлению в полимодальном Я.

3.3. Интегративная модель эмоциональных предпочтений

Состав интегративных моделей эмоциональных предпочтений устанавливался на основании результатов ANOVA (см. выше). В измерительную модель (конфирматорный факторный анализ) включались следующие латентные факторы: полимодальное Я, имплицитные короткие эмоциональные предпочтения, имплицитные дальние эмоциональные предпочтения, эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательной валентностью, эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью.

К латентным факторам полимодального Я были отнесены субмодальности Воплощенного Я, Превращенного Я и Вторящего Я. В латентный фактор имплицитных коротких эмоциональных предпочтений включались предпочтения по параметру страха. В латентный фактор имплицитных дальних эмоциональных предпочтений включались предпочтения по параметру пассивности. В один латентный фактор эксплицитных эмоциональных предпочтений включались положительные эмоциональные оценки, в другой латентный фактор – отрицательные эмоциональные оценки. В целом, измерительная модель включала 8 латентных некоррелирующих

факторов, причем в каждый латентный фактор включались по 3 манифестных переменных.

3.3.1. Измерительная и структурные модели

По степени пригодности измерительная модель была близка к уровню статистической значимости ($\chi^2(189) = 243.68, p < .01, RMSEA = .05, GFI = .77, AGFI = .72$). В нее вошли все исходно полагаемые латентные факторы. В свою очередь в каждый латентный фактор вошли по 3 манифестных переменных на значимом уровне ($p < .001$).

Итоги измерительной модели (M_0) были учтены при построении структурных моделей с помощью линейных структурных уравнений.

Строились 3 структурные модели. В структурную модель M_1 включались Воплощенное Я, Превращенное Я и Вторящее Я в качестве латентных коррелирующих экзогенных переменных. Короткие имплицитные эмоциональные предпочтения (по параметру страха) выступали в качестве медиатора, дальние имплицитные эмоциональные предпочтения по параметру пассивности – латентной эндогенной переменной. Латентными эндогенными переменными были также эксплицитные положительные и отрицательные эмоциональные оценки, но между ними и экзогенными латентными переменными не включались медиаторы. Каждая латентная переменная включала по 3 манифестных переменных. Структура модели M_2 отличалась от структуры модели M_1 только тем, что в нее не включалась экзогенная переменная Воплощенного Я. Структура модели M_3 отличалась от структуры модели M_2 только тем, что в нее не включалась латентная эндогенная переменная эксплицитных положительных эмоциональных оценок.

Индексы пригодности описанных выше моделей приведены в табл. 20. От модели M_0 к модели M_3 значимость индекса $RMSEA$ становилась несколько выше (от .05 до .04). Величина индекса GFI возрастала (от .77 до .87). Вместе с тем она слегка не дотягивала до приемлемого уровня значимости. Величина

индекса *AGFI* возростала от .72 до .82. Опять-таки, она слегка не дотягивала до приемлемого уровня значимости. Хи-квадрат последовательно снижался от 243.68 до 98.64. Причем этот индекс становился незначимым. Напомним, что незначимая χ^2 статистика свидетельствует в пользу пригодности модели (F. V. Bryant & P. R. Yarnold, 1998). У всех моделей отношение хи-квадрата к числу степеней свободы было меньше 2 (см.: В. Вурне, 1989). Этот индекс также свидетельствует о пригодности моделей. Степени свободы последовательно снижались от 189 (модель M_0) до 85 (модель M_3). Этот тренд свидетельствует в пользу роста экономичности модели M_3 в сравнении с предыдущими моделями.

Таблица 20. Индексы пригодности моделей эмоциональных предпочтений

Модели	<i>RMSEA</i>	<i>GFI</i>	<i>AGFI</i>	χ^2	χ^2/df	<i>df</i>
M_0	.05	.77	.72	243.68 ^a	1.29	189
M_1	.03	.79	.74	261.19	1.08	242
M_2	.05	.82	.75	168.80 ^a	1.11	128
M_3	.04	.87	.82	98.64	1.17	85

Примечания: *RMSEA* – ошибка аппроксимации по Стейгеру-Линду; *GFI* – индекс пригодности; *AGFI* – отрегулированный индекс пригодности; χ^2 – хи-квадрат статистика; *df* – количество степеней свободы; χ^2/df – отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы;

M_0 – измерительная модель, M_1 – первая структурная модель, M_2 – вторая структурная модель, M_3 – третья структурная модель (описания состава моделей в тексте).

^a $p < .01$

Можно заключить, что по индексам пригодности модель M_3 была приемлемее других моделей.

3.3.2. Сравнения структурных моделей эмоциональных предпочтений

Сравним пригодность измерительной (M_0) и структурных (M_1 – M_3) моделей эмоциональных предпочтений по тесту хи-квадрат на различия. Соответствующие данные приведены в табл. 21.

Структурная модель M_1 не была пригоднее измерительной модели M_0 ($\Delta\chi^2$ (53, $N = 103$) = 17.51, $p > .05$). Структурные модели M_2 и M_1 также не отличались по степени пригодности ($\Delta\chi^2$ (114, $N = 103$) = 92.39, $p > .05$).

Структурная модель M_3 была пригоднее структурной модели M_2 ($\Delta\chi^2$ (43, $N = 103$) = 70.16, $p < .01$) и, следовательно, пригоднее предыдущих моделей.

Таблица 21. Сравнение моделей эмоциональных предпочтений с коррелирующими экзогенными переменными

Модели	χ^2	df	Сравнение моделей	$\Delta\chi^2$
M_0	243.68	189	-	
M_1	261.19	242	χ^2_2 vs χ^2_0	17.51
M_2	168.80	128	χ^2_4 vs χ^2_2	92.39
M_3	98.64	85	χ^2_6 vs χ^2_4	70.16 ^a

Примечания: χ^2 – хи-квадрат статистика; df – количество степеней свободы; $\Delta\chi^2$ – разность смежных моделей по хи-квадрат статистике; M_0 – измерительная модель, M_1 – первая структурная модель, M_2 – вторая структурная модель, M_3 – третья структурная модель.

^a $p < .01$

3.3.3. Структурные пути

Рассмотрим пути в структурной модели M_3 как наиболее пригодной. В латентную экзогенную переменную Превращенного Я вошли 2 манифестные переменные ($p < .001$) из трех. В остальные латентные переменные вошли по 3 манифестные переменные ($p < .001$) из трех.

Напомним, что в эту модель вошли коррелирующие экзогенные переменные Превращенного Я и Вторящего Я, короткие имплицитные эмоциональные предпочтения по параметру страха (медиатор), дальние имплицитные эмоциональные предпочтения по параметру пассивности (эндогенная переменная), эксплицитные негативные эмоциональные предпочтения (эндогенная переменная).

Диаграмму путей иллюстрирует рис. 16. Пути со значимыми коэффициентами имели место от Превращенного Я к имплицитным коротким эмоциональным предпочтениям по параметру страха ($-.37$, $p < .001$) и от них к имплицитным дальним эмоциональным предпочтениям по параметру пассивности ($.59$, $p < .001$). Также наблюдался путь со значимым коэффициентом от Превращенного Я к эксплицитным эмоциональным

предпочтениям с отрицательными эмоциональными оценками ($-.34, p < .001$). Наблюдался путь со значимым коэффициентом к эксплицитным эмоциональным предпочтениям с отрицательными эмоциональными оценками и от Вторящего Я ($.25, p < .05$). При этом экзогенные переменные Превращенного Я и Вторящего Я коррелировали отрицательно ($-.27, p < .05$).

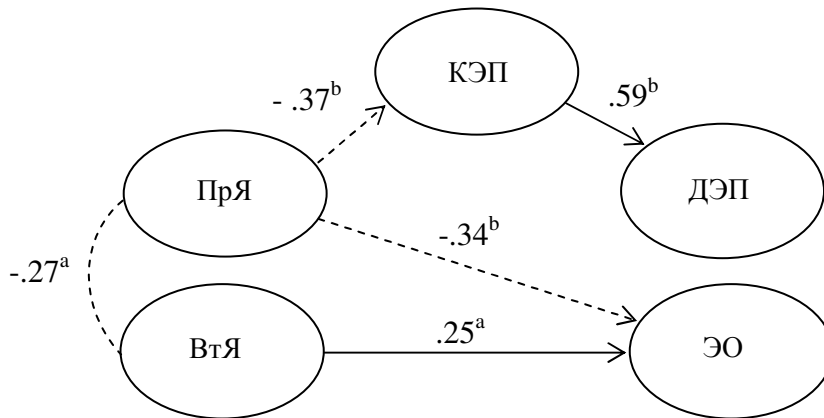

Рис. 16. Диаграмма путей, иллюстрирующих структуру интегративной модели эмоциональных предпочтений

Примечания: ПрЯ – экзогенная переменная «Превращенное Я», Втя – экзогенная переменная «Вторящее Я», КЭП – переменная-медиатор «Короткие эмоциональные предпочтения по параметру страха», ДЭП – эндогенная переменная «Дальние эмоциональные предпочтения по параметру пассивности», ЭО – эндогенная переменная «Эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательными эмоциональными оценками». Манифестные переменные латентных переменных опущены.

^a - $p < .05$, ^b - $p < .001$

3.4. Обсуждение полученных результатов

Перейдем к обсуждению полученных результатов. Для этого сравним их (глава 3) с исследовательскими гипотезами, выдвинутыми и описанными в главе 1 (§ 1.4.2.), а также с данными других авторов.

Результаты, представленные в разделе 1 главы 3 (§ 3.1.), иллюстрировали решение первой задачи исследования – устанавливались феномены имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений.

Согласно гипотезе 1, эмоциональные предпочтения актуализируются при выборе музыкантами-исполнителями предпочитаемых музыкальных произведений. Полученные нами результаты поддержали эту гипотезу. Эти результаты согласуются с данными других авторов (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; Л. Я. Дорфман, 2011; Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; В. Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996; Р. Ф. Сулейманов, 2010). Вместе с тем следует подчеркнуть, что наши данные касаются эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений. Поэтому имплицитные эмоциональные предпочтения имеют стилевой (инструментальный) характер.

Гипотеза 2а содержит в себе предположение о том, что эмоциональные предпочтения могут носить имплицитный и эксплицитный характер. Эта гипотеза тоже получила эмпирическую поддержку в нашем исследовании. Эти результаты согласуются с данными зарубежных исследователей (К. С. Berridge, 1999; X. Dai, С. М. Brendl, & D. Ariely, 2010; P. W. Eastwick et al., 2011; P. Walla et al., 2013; P. Winkielman & K. Berridge, 2003). Хотя в отечественных работах имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались по отдельности и не осмысливались в терминах имплицитности – эксплицитности, тем не менее результаты наших исследований сопоставимы с соответствующими данными отечественных исследователей – имплицитных эмоциональных

предпочтений (Л. Я. Дорфман, 1997б, 2011) и эксплицитных эмоциональных предпочтений (Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; Р. Ф. Сулейманов, 2010). Опять-таки следует подчеркнуть, что наши данные касаются эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений. Не только имплицитные, но и эксплицитные эмоциональные предпочтения имеют стилевой (инструментальный) характер.

Гипотеза 2б о том, что имплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются временной перспективой, получили эмпирическую поддержку в нашей работе. Мы установили феномены коротких и дальних эмоциональных предпочтений, которые отличались между собой по степени выраженности эмоциональных оценок. В дополнение к предсказаниям, обозначенным гипотезой 2б, было установлено, что дальние эмоциональные предпочтения обнаруживаются не прямо, как имплицитные короткие эмоциональные предпочтения, а опосредовано, через имплицитные короткие эмоциональные предпочтения. Наши результаты соотносятся с данными, которые приводит Л. Я. Дорфман (1994, 1997б, 2011). Эти результаты можно понимать так, что ближняя временная перспектива служит отправным пунктом для дальней временной перспективы имплицитных эмоциональных предпочтений.

Гипотеза 2в заключалась в том, что имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения имеют валентность, включают положительные и отрицательные эмоциональные оценки. Эмпирические данные, полученные нами, поддержали эту гипотезу в части эксплицитных эмоциональных предпочтений. Они включали как положительные, так и отрицательные эмоциональные оценки. Эксплицитные эмоциональные предпочтения валентно не смешивались. Они распадались на отдельные факторы. В первый фактор вошли со значимыми факторными нагрузками все 5 показателей отрицательных эмоциональных оценок из 5, и только

одна нагрузка падала на показатель положительной эмоциональной оценки, причем с противоположным, чем у показателей отрицательных эмоциональных оценок, знаком. Во второй фактор вошли со значимыми факторными нагрузками 4 показателя положительных эмоциональных оценок из 5, и ни один из показателей отрицательных эмоциональных оценок со значимой факторной нагрузкой не вошел в этот фактор. Хотя факторы коррелировали (отрицательно), существенно, что они различались по валентности. То есть эксплицитные эмоциональные предпочтения правомерно дифференцировать по валентному основанию – с отрицательными и положительными эмоциональными знаками. Значит, правомерно утверждать, что эксплицитные эмоциональные предпочтения обладают свойством бивалентности.

Наши результаты о бивалентности эксплицитных эмоциональных предпочтений соотносятся с данными других исследователей (Е. П. Ильин, 2008а; Е. П. Ильин, Р. Ф. Сулейманов, 2006; Р. Ф. Сулейманов, 2010; Т. Chamorro-Premuzic, Р. Fagan, and А. Furnham, 2010; Т. Chamorro-Premuzic and А. Furnham, 2007; М. Tamir, С. Mitchell, & J. J. Gross, 2008).

Имплицитные эмоциональные предпочтения (короткие и дальние), наоборот, включали только отрицательные эмоциональные оценки. Были установлены имплицитные короткие эмоциональные предпочтения с оценками страха, гнева, пассивности, напряжения, направления эмоций на себя. Имплицитные дальние эмоциональные предпочтения тоже имели отрицательную валентность, но в более узком составе в сравнении с имплицитными короткими эмоциональными предпочтениями. Были установлены имплицитные дальние эмоциональные предпочтения с оценками страха, направления эмоций на себя, пассивности. Эти результаты можно понимать так, что по валентности дальние имплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются меньшей степенью

дифференциации, чем короткие имплицитные эмоциональные предпочтения.

Наши данные об отрицательной валентности имплицитных эмоциональных предпочтений воспроизводят результаты других авторов (И. Г. Абзалова, С. Р. Колос, И. В. Соловьева, 1991; М. А. Григорьев, Л. Я. Dorfman, 1985; L. Dorfman, E. Varashkova, & T. Chebykina, 1997). Эти же авторы приводили эмпирические свидетельства о том, что имплицитные эмоциональные предпочтения могут иметь также положительную валентность. В нашем исследовании имплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью не обнаруживались. Не обнаруживались имплицитные эмоциональные предпочтения также по некоторым оценкам отрицательной валентности. Так, имплицитные короткие эмоциональные предпочтения не возникали по эмоциональным оценкам радости, активности, раскованности, направления эмоций на музыку, а также печали; дальние эмоциональные предпочтения не возникали по тем же оценкам, а также по оценкам гнева и напряжения. Мы полагаем, что различия в наших результатах и данных других авторов о валентности имплицитных эмоциональных предпочтений могли быть вызваны несколькими факторами или одним из них.

Во-первых, в работах указанных выше авторов имплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались совместно с индивидуальными свойствами музыкальных исполнителей, например, с экстраверсией и интроверсией. Более того, имплицитные эмоциональные предпочтения устанавливались у экстравертов и интровертов по отдельности, т.е. выборка делилась на две подгруппы. В нашем исследовании имплицитные эмоциональные предпочтения оценивались, так сказать, в «чистом» виде, безотносительно к индивидуальным свойствам исполнителей-музыкантов, и выборка не делилась на части. Во-вторых, в работах указанных авторов имплицитные эмоциональные

предпочтения устанавливались с помощью эксплораторного факторного анализа. Наши данные получены с использованием ANOVA. Понятно, что результаты эксплораторного факторного анализа и ANOVA могут быть как сходными, так и расходиться. В-третьих, мы полагаем, что наши результаты об отрицательной валентности имплицитных эмоциональных предпочтений устанавливались в условиях отсутствия действия других факторов (в том числе свойств индивидуальности). Возможно, отрицательная валентность имманентно присуща имплицитным эмоциональным предпочтениям, о чем свидетельствуют наши данные.

В свете этих обстоятельств, можно предположить, что наши данные об отрицательной валентности имплицитных эмоциональных предпочтений и данные указанных выше авторов об отрицательной и положительной валентности имплицитных эмоциональных предпочтений являются скорее дополнительными, чем противоречащими друг другу.

Кроме того, можно предположить, что отрицательная валентность имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений свидетельствует о поисках смысла и в связи с этим экзистенциальной тревоге музыкантов-исполнителей за свое ближайшее и отдаленное будущее. Тему временной перспективы в связи со смыслом изучал Г. А. Келли (G. A. Kelly, 1955). Обретение человеком смыслов зависит от того, насколько он способен видеть настоящее в прошлом и будущее в настоящем. Согласно С. Мадди (2002), будущее связано с неизвестностью, а прошлое – с неизменностью. Выбирая будущее или прошлое, перед человеком открываются два разных пути развития. При выборе будущего на человека ложится ответственность за последствия своего выбора. Она сопровождается экзистенциальной тревогой. Выбирая прошлое, человек переживает чувство вины за нереализованное будущее (Д. А. Леонтьев, 2003; J. F. T. Bugental, 1981, 1987).

Гипотеза 2г предсказывала взаимосвязь имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений. Эта гипотеза получила эмпирическую

поддержку частично. Как и предсказывалось, корреляции агрегированных индексов имплицитных эмоциональных предпочтений (с отрицательной валентностью) и эксплицитных эмоциональных предпочтений (с положительной валентностью) были значимыми и положительными. Эти результаты поддержали гипотезу 2г. Однако корреляции агрегированных индексов имплицитных эмоциональных предпочтений (с отрицательной валентностью) и эксплицитных эмоциональных предпочтений (с отрицательной валентностью) были незначимыми. Эти результаты не предусматривались гипотезой 2г и вступали с ней в противоречие.

Тот факт, что имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательными валентностями не коррелируют, позволяет предположить, что отрицательная валентность имплицитных и эксплицитных эмоциональных предпочтений находится под влиянием разных процессов. Данная интерпретация сопоставима с представлениями о независимом функционировании имплицитных и эксплицитных аттитудов (T. D. Wilson, S. Lindsey, & T. Y. Schooler, 2000). Тот факт, что имплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательной валентностью и эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью положительно коррелируют, позволяет предположить следующее. Их можно уподобить отношениям самоуважения с негативными эмоциями (ситуация угрозы). Считается, что самоуважение выполняет компенсаторную и защитную функции, когда в его адрес поступают угрозы (негативные эмоции) (M. R. Leary & R. F. Baumeister, 2000; T. Pyszczynski et al., 2004; C. M. Steele, 1988; A. Tesser, 2000). По аналогии, мы предполагаем, что имплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательной валентностью служат угрозой самоуважению музыкантов-исполнителей. Эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью могут выполнять функции компенсации и защиты от угроз имплицитных

эмоциональных предпочтений с отрицательной валентностью в адрес самоуважения.

Результаты, представленные в разделе 2 главы 3 (§ 3.2.), иллюстрировали решение второй задачи исследования – устанавливались вклады полимодального Я и репрезентации музыкальных произведений в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения.

Согласно гипотезе 3а, репрезентация музыкальных произведений (музыкальные предпочтения) и полимодальное Я производят совместные вклады в имплицитные эмоциональные предпочтения. Мы установили, что короткие музыкальные предпочтения совместно с субмодальностью Воплощенного Я и тенденцией к слиянию в полимодальном Я могут производить эффекты на имплицитные короткие эмоциональные предпочтения по оценкам страха, пассивности и направления эмоций на себя. Вспомним, что субмодальность Воплощенного Я характеризует стремление обладать «Другим» (включая предметы) и воплощаться в нем. Это выражается в связях Воплощенного Я с доминантностью и экспансивностью. Функцию слияния в полимодальном Я выполняют субмодальности Воплощенного Я и Вторящего Я. Воплощенное Я – в силу его доминантности и экспансивности, – стремится ассимилировать предметы и обладать ими. Вторящее Я – в силу внешнего локуса контроля, зависимости, страха отвержения, – стремится встроиться в предмет, соответствовать ему (см. § 1.4.2.).

С этих позиций можно предположить, что субмодальность Воплощенного Я и тенденция к слиянию в полимодальном Я, с одной стороны, короткие музыкальные предпочтения, с другой, служат соответственно внутренними (субъектными) и внешними (предметными) источниками имплицитных коротких эмоциональных предпочтений. Видимо, в имплицитных коротких эмоциональных предпочтениях в какой-то степени пересекаются вклады субмодальности Воплощенного Я и тенденции к слиянию в полимодальном

Я и когнитивная репрезентация предпочитаемых музыкальных произведений.

Дальние музыкальные предпочтения совместно с субмодальностью Превращенного Я и тенденцией к слиянию в полимодальном Я производили эффект на имплицитные дальние эмоциональные предпочтения. Данный эффект устанавливался по оценкам пассивности (имплицитные дальние эмоциональные предпочтения) и страха (имплицитные короткие эмоциональные предпочтения).

Здесь также можно предположить, что тенденция к слиянию в полимодальном Я, с одной стороны, дальние музыкальные предпочтения, с другой, служат соответственно внутренними (субъектными) и внешними (предметными) источниками имплицитных дальних эмоциональных предпочтений. В Превращенном Я выражается стремление понимать и принимать «Другого» (см. § 1.4.2.). Скорее всего, эта склонность распространяется и на дальние музыкальные предпочтения. С учетом этого, можно полагать, что оценка пассивности свидетельствует об известном пессимизме музыкантов-исполнителей в части их отдаленного будущего. Так, стремление к обладанию (исходит из субмодальности Воплощенного Я в составе тенденции к слиянию в полимодальном Я) и понимание (субмодальность Превращенного Я) ограниченных ресурсов может вызывать у исполнителей некоторый пессимизм в части широты их репертуара.

Согласно гипотезе 3б, репрезентация музыкальных произведений и полимодальное Я производят вклады в эксплицитные эмоциональные предпочтения. Мы установили, что изменения отрицательных эмоциональных оценок возникали в результате взаимодействий факторов Вторящего Я и отрицательной валентности. Репрезентация музыкальных произведений и полимодальное Я не производили вклады в эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительными оценками. Вместе с тем отрицательные и положительные эмоциональные оценки изменялись в

результате взаимодействий Превращенного Я и тенденции к обособлению в полимодальном Я с отрицательной и положительной валентностями. Полученные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы Зб при определенных условиях: подразумеваются взаимодействия субмодальности Превращенного Я и тенденции к обособлению в полимодальном Я с отрицательной и положительной валентностями.

Можно предположить, что отрицательная валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений и Вторящее Я, которое сопрягается со страхом отвержения (см. § 1.4.2.), подобны по линии отрицательных эмоциональных оценок. На этой основе отрицательная валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений и Вторящее Я, по всей видимости, взаимодействуют.

Субмодальность Превращенного Я сопрягается с повышенной силой Я и доминантностью, а субмодальность Авторского Я – с экстраверсией, пониженными уровнями нейротизма, тревожности, страха отвержения. В полимодальном Я пара субмодальностей «Авторское Я – Превращенное Я» выполняет функцию обособления (см. § 1.4.2.). Тогда можно предположить, что субмодальность Превращенного Я и тенденция к обособлению в полимодальном Я способствуют появлению у эксплицитных предпочтений положительных эмоциональных оценок. Отрицательная валентность также могла способствовать появлению положительной валентности у эксплицитных предпочтений, но по другому основанию – их бивалентности. По результатам эксплораторного факторного анализа, как отмечалось выше, выделялись факторы с отрицательными и положительными эмоциональными оценками, которые отрицательно коррелировали. Значит, положительная валентность эксплицитных предпочтений могла возникать благодаря ее корреляциям с отрицательной валентностью.

До сих пор мы обсуждали полученные результаты врозь, безотносительно друг к другу. Но в какой степени эмоциональные предпочтения могут

интегрировать репрезентацию музыкальных произведений и полимодальное Я и какова роль в этом структурных компонентов эмоциональных предпочтений? Гипотеза 4 заключалась как раз в том, что эмоциональные предпочтения могут интегрировать репрезентацию музыкальных произведений и полимодальное Я в единое целое. Полагалось, что внутренними звеньями интеграции являются структурные компоненты эмоциональных предпочтений – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива, валентность.

Используя структурные линейные уравнения, мы установили, что наиболее пригодной является интегративная модель в составе субмодальностей Превращенного Я и Вторящего Я (латентные экзогенные переменные). Имплицитные короткие эмоциональные предпочтения (по оценке страха) выступали в качестве медиатора, имплицитные дальние эмоциональные предпочтения (по оценке пассивности) – латентной эндогенной переменной. Латентной эндогенной переменной были также эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательными оценками. Было обнаружено, что субмодальности Превращенного Я и Вторящего Я коррелируют отрицательно. Значимыми были структурные пути от Превращенного Я к имплицитным коротким и затем дальним эмоциональным предпочтениям. Также имели место пути от Превращенного Я и Вторящего Я к эксплицитным эмоциональным предпочтениям с отрицательными эмоциональными оценками.

Эти результаты свидетельствуют о том, что эмоциональные предпочтения могут интегрировать репрезентацию музыкальных произведений (их выборы) с полимодальным Я в единое целое. Интеграцию обеспечивали все (из изученных) структурные компоненты эмоциональных предпочтений – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива, валентность. И эти результаты поддержали гипотезу 4.

Но интеграция имела некоторые ограничения. Во-первых, в интеграцию вовлекались не все, а только две субмодальности – Превращенного Я и Вторящего Я. Во-вторых, мы устанавливали временную перспективу только у имплицитных эмоциональных предпочтений. В-третьих, интеграция репрезентации музыкальных произведений и полимодального Я в единое целое обнаруживалась по линии отрицательной валентности и не обнаруживалась по линии положительной валентности.

К этому следует добавить, что интегративная модель эмоциональных предпочтений, установленная посредством структурных линейных уравнений, и отдельные результаты, полученные с помощью ANOVA, частично совпадали, а частично не совпадали. По данным ANOVA, Воплощенное Я производило вклад в имплицитные короткие эмоциональные предпочтения, а Превращенное Я – вклад в эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью. Однако эти результаты не вошли в интегративную модель эмоциональных предпочтений. Значит, Воплощенное Я и положительная валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений выпадают из интегративного ресурса эмоциональных предпочтений. Возможно, это обусловлено основанием, которое обеспечивает процесс интеграции эмоциональными предпочтениями. Ниже мы возвратимся к этому вопросу и выдвинем предположение о том, что таким общим основанием может быть отрицательная эмоциональная валентность. Сейчас же нужно отметить, что Воплощенное Я и положительная валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений скорее всего дополняют интегративный ресурс эмоциональных предпочтений, чем вступают в противоречие с ним.

Возвращаясь собственно к интегративной модели эмоциональных предпочтений, обратим внимание на тот факт, что субмодальности Превращенного Я и Вторящего Я отрицательно коррелировали. Это может означать, что Вторящее Я производит вклады в имплицитные эмоциональные

предпочтения опосредованно, через Превращенное Я. Кроме того, Вторящее Я может производить вклады в эксплицитные эмоциональные предпочтения с отрицательной валентностью не только прямо, а также через Превращенное Я. В свою очередь, Превращенное Я может производить не только прямые вклады в имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения, а также опосредованные вклады в эксплицитные эмоциональные предпочтения через Вторящее Я.

Теперь примем во внимание опосредование друг через друга вкладов Превращенного Я и Вторящего Я в эмоциональные предпочтения в интегративной модели эмоциональных предпочтений. Учтем, что Воплощенное Я также производит вклад в эмоциональные предпочтения, а положительная валентность эксплицитных эмоциональных предпочтений расширяет состав эмоциональных предпочтений (результаты ANOVA). Тогда правомерно допустить, что отношения эмоциональных предпочтений с полимодальным Я и репрезентацией музыкальных произведений в известной степени характеризуются вариативностью.

Возвратимся к вопросу об отрицательной эмоциональной валентности. В интегративной модели она характеризует имплицитные и эксплицитные эмоциональные предпочтения, положительная же эмоциональная валентность не вошла в интегративную модель по статистическим критериям. Можно отметить, что субмодальности Вторящего Я и Превращенного Я также сопрягаются с некоторыми отрицательными эмоциями. К примеру, Вторящее Я сопрягается со страхом отвержения, а Превращенное Я в отдельных случаях связывается с неуверенностью (см. § 1.4.2.), что тоже может иметь отрицательный эмоциональный контекст. Тогда возникают, по меньшей мере, два вопроса: об интегративном ресурсе и происхождении отрицательной эмоциональной валентности.

Обратимся к принципу самоподобия, который выдвинул В. А. Толочек (2013). Данный принцип позволяет предположить, что интегративный ресурс

отрицательной эмоциональной валентности возникает благодаря подобию отдельных субмодальностей Я, эмоциональных предпочтений и репрезентации эмоциогенных качеств музыкальных произведений. Идея о репрезентации эмоциогенных качеств музыкальных произведений не является очевидной. В будущих исследованиях мы намерены данное предположение подвергнуть эмпирической проверке. Но уже сейчас полученные эмпирические данные позволяют предполагать, что в обозначенных выше отношениях находит выражение принцип самоподобия, который утверждает В. А. Толочек (2013).

Бликие принципу самоподобия представления развивают зарубежные исследователи. P. J. Rentfrow and S. D. Gosling (2003) полагают, что люди выбирают музыку, которая подкрепляет их личностные диспозиции. T. Chamorro-Premuzic, P. Fagan, and A. Furnham (2010) предложили концепцию, согласно которой слушатели ориентируются на особенности своей личности, совершая эмоциональные выборы музыки.

Что касается отрицательной эмоциональной валентности, можно предположить, что один из ее источников коренится в отрицательной эмоциональности и ее связях с операциями анализа как обобщенным параметром когнитивного стиля (А. И. Палей, 1982, 1983). Другой источник коренится в межполушарной асимметрии мозга и преобладании левого полушария, которое опять-таки способствует аналитическим процессам (Г. А. Голицын, О. Н. Данилова, В. М. Петров, 1988; В. Петров, 2008; В. М. Петров, Л. Г. Бояджиева, 1996). Возможно, в выборке, на материале которой мы проводили данное исследование, преобладали музыканты-исполнители с соответствующим индивидуально-психологическим профилем.

Обобщая все полученные результаты и их обсуждение, можно предложить *системную* модель эмоциональных предпочтений. Ее краткое описание сводится к следующему. Эмоциональные предпочтения

представляют собой внутреннюю сторону музыкально-исполнительной (предметной) деятельности. Они способствуют интеграции выборов музыкальных произведений с полимодальным Я в единое целое. В согласии с системным подходом (В. А. Барабанщиков, 2007, 2008; Л. Я. Дорфман, 2006; В. П. Кузьмин, 1982; Б. Ф. Ломов, 1986, 1996), эмоциональные предпочтения рассматриваются в нескольких системах координат и в разных отношениях. Так появляется его многоаспектное видение, позволяющее подойти к нему как к многомерному явлению. С этих позиций в эмоциональных предпочтениях выделяются три измерения – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива и валентность. Они служат звеньями, через которые проходит интеграция репрезентации (выборов) музыкальных произведений с полимодальным Я. Данные положения иллюстрирует рис. 17.

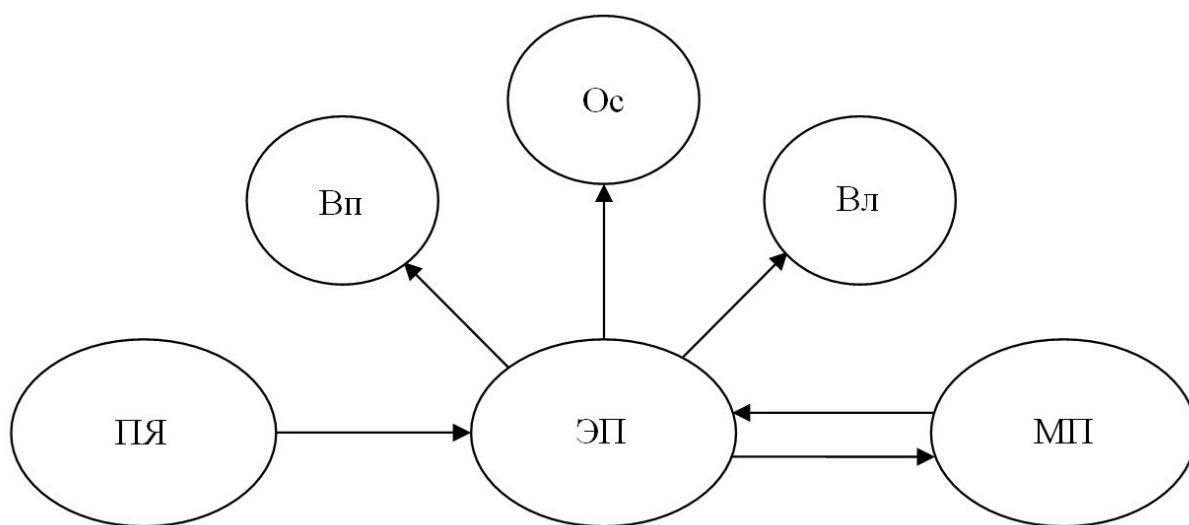

Рис. 17. Системная модель эмоциональных предпочтений

Примечания: ПЯ – полимодальное Я, ЭП – эмоциональные предпочтения, Вп – временная перспектива, Ос – степень осознанности, Вл – валентность; МП – музыкальные предпочтения.

Стрелки по горизонтали в сторону эмоциональных предпочтений обозначают, что они находятся под двойными влияниями полимодального Я

и музыкальных предпочтений. Две стрелки в оба направления между эмоциональными и музыкальными предпочтениями обозначают влияния как музыкальных предпочтений на эмоциональные предпочтения, так и влияния эмоциональных предпочтений на музыкальные предпочтения. Стрелки вверх от эмоциональных предпочтений раскрывают их измерения. Первым измерением является осознанность (имплицитность – эксплицитность). Вторым измерением служит временная перспектива имплицитных эмоциональных предпочтений (короткая – дальняя). Третьим измерением выступает валентность. Имплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются валентностью с отрицательным знаком. Эксплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются валентностью с отрицательным и положительным знаками.

Выводы

Проведенное исследование эмоциональных предпочтений в музыкально-исполнительской деятельности в соотношении с полимодальным Я в основном подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы:

1. Теоретически и эмпирически показано, что эмоциональные предпочтения имеют субъектно-деятельностную стилевую основу и служат внутренней стороной музыкально-исполнительской (предметной) деятельности. Они выражаются в выборах музыкальных произведений и способах их эмоционального исполнения.

2. В эмоциональных предпочтениях сочетаются обобщенность, устойчивость и стабильность на латентном уровне с их изменчивыми и вариативными проявлениями способов эмоционального исполнения отдельных музыкальных произведений.

3. Операционально определено, что имплицитные эмоциональные предпочтения не осознаются и не вербализуются субъектом в части изменений (роста) оценок эмоциональных способов исполнения по мере возрастания ранга предпочтения музыкальных произведений. Эксплицитные эмоциональные предпочтения презентуются сознанию и вербализуются в виде предпочитаемых субъектом эмоциональных способов исполнения музыкальных произведений.

4. Эмпирически установлен феномен имплицитных эмоциональных предпочтений. Они актуализируются в условиях выбора музыкантами-исполнителями предпочитаемых музыкальных произведений. Имплицитные эмоциональные предпочтения возникают в ближней и отдаленной временной перспективе. По степени выраженности и составу оценок эмоционального исполнения «ближние» (в настоящем и ближайшем будущем) и «отдаленные» (в далеком будущем) имплицитные эмоциональные предпочтения отличаются между собой, что свидетельствует о

правомерности учета временной перспективы имплицитных эмоциональных предпочтений. Имплицитные эмоциональные предпочтения в отдаленной временной перспективе появляются на основе имплицитных эмоциональных предпочтений в ближней временной перспективе.

5. Показано, что имплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются валентностью и включают оценки эмоционального исполнения произведений только с отрицательным знаком. Имплицитные эмоциональные предпочтения в ближней временной перспективе включают оценки страха, гнева, пассивности, напряжения, направления эмоций на себя. Имплицитные эмоциональные предпочтения в отдаленной временной перспективе включают оценки страха, направления эмоций на себя, пассивности.

6. Выявлено, что эксплицитные эмоциональные предпочтения характеризуются бивалентностью, состоят из оценок эмоционального исполнения с отрицательным и положительным знаками. Валентно, эксплицитные эмоциональные предпочтения не смешиваются и распадаются на отдельные факторы, которые отрицательно коррелируют.

7. Установлено, что показатели имплицитных (с отрицательной валентностью) и эксплицитных (с положительной валентностью) эмоциональных предпочтений положительно коррелируют. Предполагается, что эксплицитные эмоциональные предпочтения с положительной валентностью выполняют функцию компенсации и защиты от угроз имплицитных эмоциональных предпочтений с отрицательной валентностью в адрес самоуважения.

8. Обнаружено, что музыкальные выборы и полимодальное Я совместно влияют на эмоциональные предпочтения. Вклады полимодального Я в эмоциональные предпочтения дифференцируются с учетом особенностей субмодальностей Я, тенденций к слиянию и обособлению в полимодальном Я.

На имплицитные эмоциональные предпочтения в ближней временной перспективе влияют музыкальные предпочтения в ближней временной перспективе совместно с субмодальностью Воплощенного Я и тенденцией к слиянию в полимодальном Я.

На имплицитные эмоциональные предпочтения в отдаленной временной перспективе влияют имплицитные эмоциональные предпочтения в ближней временной перспективе совместно с субмодальностью Превращенного Я, тенденцией к слиянию в полимодальном Я и музыкальными предпочтениями.

9. Установлено, что музыкальные предпочтения и полимодальное Я совместно могут влиять на эксплицитные эмоциональные предпочтения. Оценки эмоционального исполнения произведений с отрицательным и положительным знаком изменяются в результате взаимодействий отрицательной и положительной валентностей с субмодальностью Превращенного Я и тенденцией к обособлению в полимодальном Я.

10. Представлена и обоснована системная модель эмоциональных предпочтений. Они рассматриваются в трех измерениях – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива и валентность. Они служат звеньями, через которые проходит интеграция репрезентации (выборов) музыкальных произведений с полимодальным Я.

11. Все поставленные задачи решены, большинство гипотез получило эмпирическую поддержку.

Заключение

Настоящая работа посвящена изучению эмоциональных предпочтений в музыкально-исполнительской деятельности и особенностям Я-концепции (полимодального Я). Теоретико-эмпирический анализ этой темы позволил выявить нерешенные проблемы. Особенности эмоциональных предпочтений музыкантов-исполнителей как субъектов выборов изучены недостаточно. При этом ряд вопросов остался недоопределенным теоретически. Разные аспекты эмоциональных предпочтений (степень осознанности, временная перспектива, валентность), а также их отношения с репрезентацией музыкальных произведений и полимодальным Я в современных исследованиях носят по преимуществу разрозненный характер и нуждаются в дополнительных исследованиях. В нашем диссертационном исследовании предпринята попытка восполнить в некоторой степени образовавшиеся здесь пробелы.

Субъектно-деятельностный подход, концепции метаиндивидуального мира и эмоциональных стилей позволили сформировать и обосновать авторский концептуальный подход к исследованию эмоциональных предпочтений. Теоретически показано, что эмоциональные предпочтения имеют субъектно-деятельностную стилевую основу и служат внутренней стороной музыкально-исполнительской (предметной) деятельности. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что эмоциональные предпочтения реально существуют и актуализируются в условиях выбора музыкантами-исполнителями предпочитаемых музыкальных произведений.

Полученные результаты позволяют сделать обобщения, способствующие формированию нового системного взгляда на специфику эмоциональных предпочтений. Их можно рассматривать в трех измерениях – имплицитность–эксплицитность, временная перспектива и валентность. Они служат звеньями, через которые проходит интеграция репрезентации (выборов) музыкальных произведений с полимодальным Я. Системная

модель показывает целостный характер эмоциональных предпочтений и преодолевает прежде разрозненные представления о них. Тем самым настоящей работой внесен вклад в развитие и расширение теоретических взглядов на проблематику эмоциональных предпочтений. Перспективными направлениями будущих исследований могут быть субъект–объектный интегративный ресурс эмоциональных предпочтений, их место в семействе эмоциональных стилей, исследования принципа самоподобия, операционализация инструментальных характеристик эмоциональных предпочтений в более разностороннем контексте.

Результаты нашего исследования имеют прикладной аспект и практическое значение в аспекте педагогических приемов работы с музыкальным репертуаром. В учебно-воспитательном процессе может применяться индивидуальный подход к выбору музыкальных произведений в репертуар по критерию эмоциональных предпочтений учащихся и студентов. Причем подразумевается последовательное расширение репертуара за счет включения в него музыкальных произведений как со «своими», так и «чужими» эмоциогенными особенностями. Такой подход способствует повышению интереса учащихся и студентов к музыкальным занятиям.

Можно наметить некоторые перспективные направления будущих исследований эмоциональных предпочтений.

1. Субъект–объектный интегративный ресурс эмоциональных предпочтений.
2. Определение места эмоциональных предпочтений в субъектных и объектных формах эмоциональных стилей.
3. Исследования принципа самоподобия применительно к эмоциональным предпочтениям.
4. Операционализация инструментальных характеристик эмоциональных предпочтений в более разностороннем контексте.

5. Исследования эксплицитных эмоциональных предпочтений в ближней и отдаленной временной перспективе и разработка релевантного и психометрически надежного и валидного вопросника измерений.

6. Изучение связей эмоциональных предпочтений с когнитивными операциями и параметрами когнитивных стилей.

7. Изучение вкладов свойств темперамента и черт личности в эмоциональные предпочтения.

8. Изучение вкладов межполушарной асимметрии мозга в эмоциональные предпочтения.

9. Исследования эмоциональных предпочтений в различных видах художественно-творческой деятельности.

10. Исследование соотношений эмоциональных предпочтений с художественной интерпретацией у музыкантов-исполнителей.

Литература

1. Абзалова И. Г., Колос С. Р., Соловьева И. В. «Короткие» эмоциональные предпочтения и их влияние на выбор музыкальных произведений // Искусство и эмоции: Материалы международного научного симпозиума / Отв. ред. Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев, В. М. Петров, В. А. Созинов. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 1991. – С. 335–347.
2. Абульханова К. Проблемы психологии искусства в школе С. Л. Рубинштейна // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – Москва: Наука; Смысл, 2000. – С. 122–141.
3. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. – 335 с.
4. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 300 с.
5. Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал, 2009. – Т. 30, № 1. – С. 32–43.
6. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
7. Айламазьян А. М. О механизмах музыкального переживания: опыт музыкального движения // Вопросы психологии, 2013. – № 5. – С. 35–43.
8. Акопов Г. В. Проблема сознания в современной психологии // Методология и история психологии, 2007. – Т. 2, Вып. 3. – С. 43–64.
9. Александров Ю. И. (ред.). Основы психофизиологии. – СПб.: Питер, 2007. – 463 с.
10. Аллахвердов В. М. Когнитивные стили в структурах процесса познания // Когнитивные стили / Под ред. В. В. Колга. – Таллинн, 1986. – С. 17–20.
11. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2010. – 288 с.
12. Анциферова Л. И. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. – М., 1981. – С. 3–18.
13. Анциферова Л. И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблемы субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И.

- Воловиковой, В. Н. Дружинина. – М.: Академический проект, 2000. – С. 27–42.
14. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. – М.: Прометей, 1994. – 352 с.
 15. Асеев В. Г. Мотивация поведения личности и формирование личности. – М.: Мысль, 1976. – 158 с.
 16. Бабаева Ю. Д., Ротова Н. А., Сабадош П. А. Детерминанты выполнения теста интеллекта в условиях ограничения времени // Психологические исследования, 2012. – Т. 5. № 25. – С. 4. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/733-babaeva25.html>
 17. Базаров Т. Ю. Социально-психологическая ориентировка непосредственного руководителя трудового коллектива: Автореф. канд. дисс. – М., 1981. – 18 с.
 18. Барабанщиков В. А. Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии, 2007. – Т. 2, Вып. 1. – С. 86–99.
 19. Барабанщиков В. А. Стабильность видимого мира. Изд-во: ИП РАН, 2008. – 304 с.
 20. Бебчук Т. Н., Козлова Р. П. Эмоциональный ряд в структуре режиссерско-драматургической разработки театрализованных представлений // Искусство и эмоции: Материалы международного научного симпозиума / Отв. Ред. Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев, В. М. Петров, В. А. Созинов. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 1991. – С. 347–358.
 21. Бердников К., Петренко В. Цвет в поэзии С. Есенина и А. Блока как проекция их жизненного пути и творчества // // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – Москва: Наука; Смысл, 2000. – С. 513–537.
 22. Бочкарев Л. Л. Психология музыкальной деятельности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. – 352 с.
 23. Братусь Б. С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. – 301 с.
 24. Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал, 1992. – Т.13. № 6. – С. 3–12.
 25. Брушлинский А. В. Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. – М.: Изд-во ИПРАН, 2003. – 272 с.

26. Валуева Е. А. Интеллект, креативность и процессы активации семантической сети: Автореф. канд. дисс. М., 2007. – 27 с.
27. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 200 с.
28. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993. – № 5. – С. 5–19.
29. Веккер Л. М. Психика и реальность. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.
30. Винокуров Л. В. Эмоциональный интеллект // Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь. – СПб.: Питер, 2007. – С. 641–642, 643.
31. Власова Г. И., Сибирякова Т. М. Эмоционально-когнитивные приемы разучивания учебного материала по классу фортепиано студентами вуза культуры // Человек и современный клуб: перестройка взаимоотношений / Отв. ред. Л. Я. Дорфман. – Пермь: Пермский государственный институт искусств и культуры, 1989. – С. 235–239.
32. Волочков А. А. Активность субъекта бытия: Интегративный подход. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2007. – 376 с.
33. Выготский Л. С. Психология искусства. – 3-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
34. Вяткин Б. А. Стиль активности как фактор развития интегральной индивидуальности // Вяткин Б. А. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2005а. – С. 281–297.
35. Вяткин Б. А. Структура индивидуального стиля педагогических воздействий воспитателя и его системообразующая функция // Вяткин Б. А. Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2005б. – С. 271–280.
36. Вяткин Б. А., Щукин М. Р. Стиль в учебной деятельности и поведении обучающихся // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Сост. Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Щукин. – М.: Смысл, 2011. – С. 155–191.
37. Вяткин Б. А., Щукин М. Р. Психология стилей человека. – Пермь:

Книжный мир, 2013. – 128 с.

38. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В. Использование периферийной информации в решении задач как функция интеллекта // Экспериментальная психология, 2012. – Т. 5. № 3. – С. 21–31.
39. Гершуни Г. В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств // Физиологический журнал СССР, 1947. – Т. 33. – С. 393–412.
40. Гершуни Г. В. Общие результаты исследования деятельности звукового анализатора человека при помощи разных реакций // Журнал высшей нервной деятельности, 1957. – Т. 7, Вып. 1. – С. 13–23.
41. Гершуни Г. В., Соколов Е. Н. Объективное измерение чувствительности и субсенсорная ее область // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской. – М.: ЧеРо, 1999. – С. 250–255.
42. Голицын Г. А., Данилова О. Н., Петров В. М. Показатели асимметрии творческого процесса. (Шкалирование оценок творчества композиторов) // Психологический журнал, 1988. – Т. 9, № 2. – С. 128–137.
43. Головаха Е., Кроник А. Психологическое время личности (2-е изд., испр. и доп.). – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
44. Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. – М.: Знание, 2005. – 512 с.
45. Григорьев М. А., Дорфман Л. Я. Роль эмоционального фактора в репертуарных предпочтениях дирижеров самодеятельных оркестров в зависимости от экстраверсии – интроверсии // Психологические проблемы индивидуальности / Ред. кол. Б. Ф. Ломов и др. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – Вып. 3. – С. 262–266.
46. Грязева-Добшинская В. Г. Психология воздействия современного символического киноискусства: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2004а. – 376 с.
47. Грязева-Добшинская В. Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. – М.: Академический проект, 2004б. – 401 с.
48. Грязева-Добшинская В. Г. Феномены субъектности в современном искусстве // Вопросы психологии, 2006. – № 1. – С. 93–104.
49. Грязева-Добшинская В. Г., Нохрина Н. А. Тип переживания и рефлексия образов «Я» при восприятии произведений визуального искусства // Вестник Южно-Уральского государственного

- университета. Серия «Психология», 2013. – Т. 6, № 4. – С. 15–23.
50. Грязева-Добшинская В. Г., Нохрина Н. А. Эмпирическое исследование взаимосвязей компонентов типа переживания с базовыми личностными свойствами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2014. – № 8-2. – С. 121–125.
 51. Деркач А. А. Субъект: формы, механизмы и пути развития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 488 с.
 52. Дикая Л. Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно–деятельностный подход). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 318 с.
 53. Дикая Л. Г., Семикин В. В. Регулирующая роль образа функционального состояния в экстремальных условиях деятельности // Психологический журнал, 1991. – Т. 12, № 1. – С. 55–65.
 54. Дикая Л. Г., Семина В. В., Щедров В. И. Исследование индивидуального стиля саморегуляции эмоционального состояния // Психологический журнал, 1994. – Т. 15, № 6. – С. 28–37.
 55. Джидарьян И. А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. – М.: Наука, 1988. – С. 56–88.
 56. Додонов Б. И., Классификация эмоций при исследовании эмоциональной направленности личности // Вопросы психологии / Ред. А. А. Смирнов, О. А. Конопкин, 1975. – № 6 – С. 21–34.
 57. Додонов Б. И., Эмоция как ценность. – М., Политиздат, 1978. – 272 с.
 58. Додонов Б. И. Структура и динамика мотивов деятельности // Вопросы психологии, 1984. – № 4. – С. 126–130.
 59. Додонов Б. И. В мире эмоций. – Киев: Политиздат, 1987. – 140 с.
 60. Дорфман Л. Я. Индивидуальные особенности построения эмоционального образа как фактор интенсификации учебно–творческой деятельности студентов (на материале хореографии) // Психолого-педагогические основы интенсификации учебного процесса в различных педагогических системах / Отв. ред. Г. Н. Казанцева. – Ижевск, 1987. – С. 15–17.
 61. Дорфман Л. Я. Способы существования эмоций в человеке и в искусстве // Искусство и эмоции: Материалы международного научного симпозиума / Отв. ред. Л. Я. Дорфман, Д. А. Леонтьев, В. М. Петров, В. А. Созинов. – Пермь, 1991. – С. 71–86.
 62. Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.

63. Дорфман Л. Я. Эмоциональные стили (на материале художественно-творческой деятельности): Докт. дисс. – М.: ПИ РАО, 1994. – 354 с.
64. Дорфман Л. Я. Полисистемная организация метаиндивидуального мира // Психологический журнал. 1997а. – Т. 18. № 2. – С. 3–17.
65. Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. – М.: Смысл, 1997б. – 424 с.
66. Дорфман Л. Я. Стили активности – методологические и теоретические предпосылки интегрального подхода // Стилль человека: психологический анализ / Под ред. А. В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 34–51.
67. Дорфман Л. Дивергенция и конструкт Я // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002. – С. 141–184.
68. Дорфман Л. Я. Я–концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004. – С. 96–123.
69. Дорфман Л. Я. Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. – Т. 3, № 3. – С. 3–34.
70. Дорфман Л. Я. Психометрическая характеристика Пермского вопросника Я // Современная психодиагностика в изменяющейся России / Отв. ред. Н. А. Батурин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 48–50.
71. Дорфман Л. Я. Поток сознания и метаиндивидуальный мир как предпосылки креативности // Современные исследования творчества: к 90-летию Я. А. Пономарева / Науч. ред. Л. Я. Дорфман, Д. В. Ушаков. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры; М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 19–59.
72. Дорфман Л. Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа / Сост. Б. А. Вяткин, Л. Я. Дорфман, М. Р. Щукин. – М.: Смысл, 2011. – С. 192–201.
73. Дорфман Л. Я., Зворыгина А. И., Калинина Н. В. Эффекты полимодального Я на типы межличностных отношений // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицына, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры,

2000. – С. 146–149.
74. Дорфман Л., Леонтьев Д., Петров В. Неклассический подход в эмпирических исследованиях искусства // Творчество в искусстве - искусство творчества. / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – Москва: Наука; Смысл, 2000. – С. 13–35.
75. Дорфман Л. Я., Токарева Г. В. Эмоциональные предпочтения и полимодальное Я музыкантов-исполнителей // Филология и культура, 2013 № 1 (31) С. 235–241.
76. Дорфман Л. Я., Токарева Г. В., Барашкова Е. В. Метаиндивидуальный мир и короткие эмоциональные предпочтения музыканта-исполнителя // В кн.: Теория информации и искусствознание / Ред. В. М. Петров и А. В. Харуто. – М.: КомКнига, 2008. – С. 397–425.
77. Дорфман Л. Я., Шайко Н. Э. Опросник по определению эмоциональных переживаний, возникающих под влиянием музыки // Психолого-педагогические проблемы исследования индивидуальности в культуре и искусстве / Отв. Ред. Л. Я. Дорфман. – Челябинск, 1989. – С. 135–150.
78. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.
79. Журавлев А. Л., Холодная М. А. Предисловие // Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2013. – С. 5–8.
80. Зейгарник Б. В. Патопсихология (2-е изд., испр. и доп.). М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 186 с.
81. Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2005. – 448 с.
82. Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2007. – 479 с.
83. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. – СПб.: Питер, 2008а – 432 с.
84. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий – СПб.: Питер, 2008б – 701 с.
85. Ильин Е. П., Сулейманов Р. Ф. Эмоциональные особенности музыкантов-инструменталистов в процессе становления их профессионального мастерства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – Вып. 6. – С. 42–50.
86. Климов Е. А. Индивидуальные особенности трудовой деятельности

- ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопросы психологии, 1959. – № 2. – С. 66–76.
87. Князева Т. С., Торопова А. В. Распознавание эмоционального содержания музыки в зависимости от особенностей музыкального материала и опыта слушателей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru», 2014. – Т. 6. – № 4. – С. 33–45
(http://www.psyedu.ru/journal/2014/4/Knyazeva_Toropova.phtml)
88. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. – 278 с.
89. Колга В. А. Возможные миры когнитивных стилей // Когнитивные стили / Под ред. В. В. Колга. – Таллинн, 1986. – С. 32–37.
90. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. – М.: ЛЕПАНД, 2011. – 320 с.
91. Костандов Э. А. Функциональная асимметрия полушарий мозга и неосознаваемое восприятие. – М.: Наука, 1983. – 170 с.
92. Костандов Э. А. Зависимость неосознаваемого восприятия от доминирующей мотивации и эмоции // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1994. – Сер. 3. Биология. – Вып. 2. – С. 103–115.
93. Кривцун О. А. Психология искусства. – М.: Юрайт, 2015. – 224 с.
94. Кузьмин, В. П. Исторические и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал, 1982. – Т. 3, № 3. – С. 3–14.
95. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н., Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека // Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 464 с.
96. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. – СПб: Питер, 2001. – 544 с.
97. Леонтьев А. Н. Вступительная статья // Выготский Л. С. Психология искусства. 2-е изд. – М.: Искусство, 1968. – С. 5–12.
98. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 40 с.
99. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

100. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 232–239.
101. Леонтьев Д. Личность в психологии искусства // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – Москва: Наука; Смысл, 2000. – С. 69–80.
102. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003а. – 487 с.
103. Леонтьев Д. А. Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться // Московский психотерапевтический журнал, 2003б. – № 2. – С. 107–119.
104. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
105. Ломов Б. Ф., Завалова Н. Д., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. – М.: Наука, 1986. – 163 с.
106. Ломов Б. Ф. Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. – М.: Изд-во – «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 384 с.
107. Люкин В. В. Психологическое содержание, происхождение и эффективность индивидуального стиля руководства: Автореф. канд. дисс. – М., 1981. – 16 с.
108. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.
109. Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 264–278.
110. Люсин Д. В. Восприятие эмоциональной окраски музыки // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы, 2011. В 3 частях Ч. 1. – Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2011. – С. 341–343.
111. Люсин Д. В. Точность распознавания эмоций при социальной перцепции и при восприятии музыки // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. – Т. 10, № 2. – С. 155–164.

112. Люсин Д. В., Климова Е. А., Медведева В. В. Связь между эмоциональными личностными чертами наблюдателя и сензитивностью к эмоциям определенной модальности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки, 2014. – № 3. – С. 81–87.
113. Люсин Д. В., Марютина О. О., Степанова А. С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 128–140.
114. Люсин Д. В., Овсянникова В. В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал, 2013. – Т. 34. № 6. – С. 82–94.
115. Люсин Д. В., Пермогорский М. С. Распознавание эмоциональной окраски информации: проблема универсальности // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. – Т. 10. № 3. – С. 86–97.
116. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. – СПб.: Речь, 2002. – 486 с.
117. Маклаков А. Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 1-е изд-е, 2009. – 592 с.
118. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Под общей редакцией Г. А. Балла, А. Н. Киричука, Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
119. Мелик-Пашаев А. А. Педагогика искусства и творческие способности. – М.: Знание, 1987. – 96 с.
120. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.
121. Митина О. В., Бабаева Ю. Д., Сабашов П. А. Психометрический анализ опросника «Многофакторное исследование толерантности» с использованием многочертной-многометодной модели // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология», 2011. – Т. 14, № 1. – С. 124–140.
122. Монасыпов К. Х. Проблемные методы обучения и воспитания скрипача в условиях клуба // Человек и современный клуб: Перестройка взаимоотношений / Отв. ред. Л. Я. Дорфман. – Пермь, 1989. – С. 183–186.
123. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции

- произвольной активности человека: Автореф. Докт. Дисс. – М., 1995. – 46 с.
124. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека – М.: Наука, 2010. – 519 с.
125. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера, 2002. – 864 с.
126. Палей А. И. Модальностная структура эмоциональности и когнитивный стиль // Вопросы психологии, 1982. – № 1. – С. 118–126.
127. Палей А. И. Соотношение эмоциональных и когнитивных характеристик индивидуальности и их электроэнцефалографические корреляты: Канд. дисс. – М., 1983. – 201 с.
128. Панкратова А. А., Осин Е. Н., Люсин Д. В. Особенности эмоционального интеллекта у представителей российской и азербайджанской культур // Психологические исследования. Электронный журнал. 2013. Т. 6. № 31. С. 11.
129. Петренко В. Ф. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Психология, 2008. – № 4. – С. 19–40.
130. Петренко В. Ф. Пейзаж души. Психосемантическое исследование восприятия живописи // Экспериментальная психология, 2008. – Том. 1, № 1. – С. 84–101.
131. Петренко В. Ф., Коротченко Е. А. Психосемантика искусства: натюрморт как визуальный афоризм // Экспериментальное искусство: Влияние теории на художественное творчество / Под ред. О. Личчиарделло, С. Ломбардо, В. Петрова. – М.: ГИИ, 2011. – С. 120–154.
132. Петров В. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). – СПб.: Алетейя, 2008. – 336 с.
133. Петров В. М., Бояджиева Л. Г. Перспективы развития искусства: методы прогнозирования. – М.: Русский мир, 1996. – 155 с.
134. Петровский В. А. Мотивационное ядро выбора в системе межличностных взаимоотношений // Проблемы индустриальной психологии. – Ярославль, 1972. вып. 1.
135. Петровский В. А. Теоретические проблемы психологии личности в системе межличностных отношений // Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. – М., 1987. – С. 8–38.
136. Петровский В. А. Очерк теории свободной причинности //

- Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 124–144.
137. Петровский В. А. Метаимпlicative модель экзистенциального выбора // Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. – Самара: СамГУ, ПИРАО, 2002. – С. 95–102.
138. Петровский В. А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество, 2011. – № 1. – С. 5–16.
139. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 345 с.
140. Пономарев Я. А. Психология творчества. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 480 с.
141. Пономарев Я. А. О предмете системного подхода и степени его развития (на примере психологии творчества) // Психология творчества. Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С. 277–283.
142. Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – С. 145–276.
143. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Т. 2. – М.: АСТ, Вече, 2001. – 560 с.
144. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
145. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
146. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Серия «Мастера психологии» – СПб.: Питер, 2010. – 713 с.
147. Сабадош П. А. Уровни восприятия музыки: субъективно-семантический анализ. Автореф. канд. дисс. – М., 2008. – 26 с.
148. Сабадош П. А. Эстетические ценности и личностные свойства академически успешных подростков / Психологические исследования интеллекта и творчества: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 145–147.
149. Сабадош П. А. Понятия способностей и одаренности в концепции Б.

- М. Теплова // Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня: Материалы конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.М. Теплова, 10–11 ноября 2011 г. / Под ред. М. К. Кабардова. – М.: Смысл, 2011. – С. 284–286.
150. Сабадош П. А. Разработка технологии оценки уровня эстетического развития личности // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. Серия: Фундаментальная психология – практике / Под ред. Л. Г. Дикой, А. Л. Журавлева, М. А. Холодной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – С. 297–308
151. Самойленко Е. С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. – М.: Изд. ИП РАН, 2010а. – 416 с.
152. Самойленко Е. С. О некоторых возрастных и личностных параметрах выраженности целей социального сравнения // Мир образования – Образование в мире. 2010б. – Т. 4. № 40. – С. 169–178.
153. Самойленко Е. С. К вопросу о полисистемном подходе в психологическом исследовании сравнения // Экспериментальная психология, 2011. – Т. 4, № 4. – С. 4–16.
154. Самойленко Е. С., Какубери М. Г. Соотношение выраженности целей социального сравнения и некоторых личностных характеристик // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика», 2010. – № 4. – С. 29–34.
155. Самойленко Е. С., Корбут А. В. Соотношение направленности субъектно-ориентированного сравнения и некоторых личностных характеристик // Экспериментальная психология. 2011. – Т. 4. № 4. – С. 52–61.
156. Самойленко Е. С., Мелкумян Т. А. Сравнение сходных зрительных объектов в различных контекстах их предъявления // Экспериментальная психология, 2011. – Т. 3, № 3. – С. 42–58.
157. Семенов В. Е. Социальная психология искусства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 168 с.
158. Семенов В. Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии, 1994. – № 1. – С. 116–121.
159. Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация.– СПб.: Из-во СПбГУ, 1995. – 199 с.
160. Семенов В. Е. Социальная психология искусства / Под ред. А. Л. Журавлева. – М.: Форум, 2011. – С. 454–489.

161. Сергиенко Е. А. Раннее психическое развитие: Новый взгляд. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2006. – 464 с.
162. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT v. 2.0), русскоязычная версия // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 308–331
163. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010. – 352 с.
164. Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. – М.: УМК «Психология», 2003. – 287 с.
165. Соколов Е. Н. Очерки по психофизиологии сознания. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – 255 с.
166. Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г. В. Осипов. – М.: Инфра – Норма, 1998. – 488 с.
167. Сулейманов Р. Ф. Психология профессионального мастерства музыканта-инструменталиста. – Казань: Познание, 2010. – 328 с.
168. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. – М.: Учпедгиз, 1961. – 535 с.
169. Теплов Б. М. Избранные труды: В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1985. – 328 с.
170. Токарев П. В. Индивидуальный стиль эмоциональной активности спортсмена в соревнованиях: Автореф. канд. дисс. – Пермь, 1991. – 18 с.
171. Токарева Г. В. Взаимодействия коротких и дальних эмоциональных предпочтений у музыкантов-исполнителей // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры, 2009. – № 7. – С. 34–48.
172. Токарева Г. В., Барашкова Е. В. Короткие эмоциональные предпочтения и полимодальное я музыкантов-исполнителей // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Под ред. Л. Я. Дорфмана, Е. А. Малянова, Е. М. Березиной. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2004. – С. 63–71.
173. Токарева Г. В., Дорфман Л. Я. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2014а. – Т. 7. №

1. – С. 17–27.
174. Токарева Г. В., Дорфман Л. Я. Тесты на определение имплицитных процессов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология, 2014б. – Т. 7. № 3. – С. 22–31.
175. Толочек В. А. Индивидуальный стиль деятельности: устойчивость и изменчивость // Вопросы психологии, 1987. – № 4. – С. 100–108.
176. Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности. – М.: Смысл, 2000. – 199 с.
177. Толочек В. А. Профессиональные способности: интер-, интра- и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Тенденции развития современной психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Ч.1. – М.: ИП РАН, 2007. – С. 368–371.
178. Толочек В. А. Феномен и проблема стиля: самоподобие как принцип организации // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. В 3-х ч. – Ч. III / Отв. ред. А. В. Карпов. – Ярославль: ЯрГУ, 2011 – С. 666–670.
179. Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. – М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2013. – 320 с.
180. Торопова А. В. Проблема бессознательного в музыкальной педагогике: К началам музыкально-психологической антропологии. – М.: Прометей, 1997. – 106 с.
181. Торопова А. В. Мотивация к занятиям искусством и проблема ее развития // Развитие личности, 2011. – № 2. – С. 116–126.
182. Торопова А. В. Феномен интонирования в контексте исследования музыкально-языкового сознания // Развитие личности, 2013. – № 3. – С. 86–101.
183. Торопова А. В. Исследование особенностей музыкальной перцепции и свойств личности студентов-музыкантов // Человеческий капитал, 2014а. – № 1 (61). – С. 86–91.
184. Торопова А. В. Генезис музыкально-языковых кодов: психогенетический аспект // Теория и практика общественного развития. Международный научный журнал, 2014б. – № 5. – С. 45–48.
185. Торопова А. В. Феномен интонирования как антропологический ориентир сохранения и воспроизведения облика человека определенной культуры // Научно-методический журнал «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета»,

2014в. – № 3. – С. 72–84.

186. Торопова А. В., Симакова И. Н., Василевская К. Н., Беданоква А. К. Индивидуально-психологические и электроэнцефалографические особенности музыкальности // Известия Самарского Научного центра РАН, 2011. – Том 13, Выпуск 2 (5). – С. 1183–1189.
187. Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология, 1994. – № 2. С. 3–13; № 3. С. 3–12.
188. Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 11–28.
189. Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Я. А. Пономарев и его школа / Психология творчества. Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – С. 19–143.
190. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 11–30.
191. Ушаков Д. В., Белова С. С., Валуева Е. А. От психологии творчества к методологии психологии: к 90-летию со дня рождения Якова Александровича Пономарева // Психологический журнал, 2011. – № 2. – С. 125–132.
192. Федотова Е. О. Методика косвенного измерения системы самооценок // Общая психодиагностика / Под ред. А. А. Бодалева, В. В. Столина, 1987. – С. 285–289.
193. Фрейд. З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
194. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Санкт-Петербург: Речь, 2001. – 256 с.
195. Холодная М. А. Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. – Киев: УМКВО, 1990. – 75 с.
196. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
197. Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 288 с.

198. Цагарелли Ю. А. Психология музыкально-исполнительской деятельности: автореф. докт. дисс. – Л., 1989. – 46 с.
199. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – 464 с.
200. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 1994. – 156 с.
201. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль как фактор успешности обучения и общения в учебной сфере // Личность в деятельности и общении. – Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. – С. 115–128.
202. Шкуратова И. П., Габдулина Л. И. Стили общения // Прикладная психология, 2001. – № 6. – С. 9–29.
203. Щукин М. Р. Индивидуальный стиль и интегральная индивидуальность: проблемы и подходы // Психологический журнал, 1995. – Т.16, № 2. – С. 103–113.
204. Щукин М. Р. Полисистемная характеристика структуры и развития стиля деятельности // Полисистемное исследование индивидуальности человека / Под ред. Б. А. Вяткина. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – С. 17–49.
205. Юревич, А. В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии, 2005. – № 3. – С. 16–28.
206. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации. – М.: Изд-во «Институт практической психологии». – Воронеж: МОДЭК, 1998. – 304 с.
207. Adler A. Understanding Human Nature. New York: Garden City Publ., 1927.
208. Aidman, E. V. Measuring individual differences in implicit self-concept: Initial validation of the self-apperception test. Personality and Individual Differences, 1999, 27, 211–228.
209. Allport, G. W. Personality: A psychological interpretation. New York: Henry Holt, 1937.
210. Anderson, J. C., & Gerbing, D. W. Structural equation modeling in practice: A review and recommended two-step approach. Psychological Bulletin, 1988, 103, 411–423.
211. Arnold, M. B. Emotion and personality. Vol. I: Psychological aspects. New York: Columbia University Press, 1960.
212. Arnold, M. B. Perennial problems in the field of emotion. In M. B. Arnold (Ed.), Feelings and emotions: The Loyola symposium. New York:

- Academic Press, 1970, 169–185.
213. Banaji, M. R., & Prentice, D. A. The self in social contexts. In M. R. Rosenzweig & L. W. Porter (Eds.), *Annual review of psychology* Palo Alto, CA: Annual Reviews, 1994, 45, 297–352.
 214. Barsade, S. G., Ramarajan, L., & Westen, D. Implicit affect in organizations, *Research in Organizational Behavior*, 2009, 29, 135–162.
 215. Baumeister, R. F. A self-presentational view of social phenomena. *Psychological Bulletin*, 1982, 91, 3–26.
 216. Baumeister, R. F. The self. In D. Gilbert, S. T. Fiske, & G. Lindzey (Eds.), *Handbook of social psychology*. New York: McGraw-Hill, 1998, 4, 1, 680–740.
 217. Baumeister, R. F., Stillwell, A. M., & Heatherton, T. F. Guilt: an interpersonal approach. *Psychological Bulletin*, 1994, 115, 243–267.
 218. Beer, J. S., Keltner, D. What is unique about self-conscious emotions? *Psychological Inquiry*, 2004, 15, 126–128.
 219. Bentler, P. M. Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*, 1990, 107(2), 238–246.
 220. Berridge, K. C. Pleasure, pain, desire, and dread: Hidden core processes of emotion. In D. Kahneman, P. Slovic, & N. Schwarz (Eds.), *Well-being: The foundations of hedonic psychology*. New York: Russell Sage Foundation, 1999, 525–557.
 221. Bhatia, S. Associations and the accumulation of preference. *Psychological Review*. Advance online publication, 2013, April 22.
 222. Bogart, V. Transcending the dichotomy of either 'subpersonalities' or 'an integrated unitary self'. *Journal of Humanistic Psychology*, 1994, 34(2), 82–90.
 223. Boldero, J., & Francis, J. The relation between self-discrepancies and emotion: The moderating roles of self-guide importance, location relevance, and social self-domain centrality. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 78(1), 38–52.
 224. Bosson, J. K., Swann, W. B., & Pennebaker, J. W. Stalking the perfect measure of implicit self-esteem: The blind men and the elephant revisited? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79, 631–643.
 225. Brattico, E., & Pearce, M. The neuroaesthetics of music. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2013, 7(1), 48–61.
 226. Brehm, J. W. Post-decision changes in desirability of choice alternatives. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1956, 52, 384–389.

227. Brown, J. D., & Smart, S. A. The self and social conduct: Linking self-representations to prosocial behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991, 60, 368–375.
228. Bryant, F. B., & Yarnold, P. R. Principal-components analysis and exploratory and confirmatory factor analysis. In L. G. Grimm & P. R. Yarnold (Eds.), *Reading and understanding multivariate statistics*. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1998, 99–136.
229. Buchanan, T. W. Retrieval of Emotional Memories. *Psychological Bulletin*, 2007, 133, 761–779.
230. Bugental, J. F. T. *The search for authenticity: An existential-analytic approach to psychotherapy* (Enlarged ed.). New York: Irvington, 1981.
231. Bugental, J. *The art of the psychotherapist*. New York: Norton, 1987.
232. Buss, D. M. Selection, evocation, and manipulation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53, 1214–1221.
233. Buunk A. P., & Gibbons F. X. Social comparison orientation: a new perspective on those who do and those who don't compare with others. *Social Comparison and Social Psychology: Understanding cognition, intergroup relations and culture*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. 2006, 15–32.
234. Byrne, B. *A primer of LISREL: Basic applications and programming for confirmatory factor analytic models*. New York: Springer-Verlag, 1989.
235. Byrne, B. M. *Measuring self-concept across the lifespan: Issues and instrumentation*. Washington, DC: American Psychological Association, 1996.
236. Carver, C. S., & Scheier, M. F. Control theory: A useful conceptual framework for personality–social, clinical, and health psychology. *Psychological Bulletin*, 1982, 42, 111–135.
237. Carver, C. S., & Scheier, M. F. Origins and functions of positive and negative. *Psychological Review*, 1990, 97, 19–35.
238. Chamorro-Premuzic, T., Fagan, P., & Furnham, A. Personality and uses of music as predictors of preferences for music consensually classified as happy, sad, complex, and social. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2010, 4(4), 205–213.
239. Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. Personality and music: Can traits explain how people use music in everyday life? *British Journal of Psychology*, 2007, 98, 175–185.
240. Clore, G. L. Why emotions are never unconscious. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions* (pp.

- 285–290). New York: Oxford University Press, 1994, 285–290.
241. Conner, T., & Barrett, L. F. Implicit self-attitudes predict spontaneous affect in daily life. *Emotion*, 2005, 5, 4, 476–488.
 242. Coppin, G., Delplanque, S., Cayeux, I., Porcherot, C., & Sander, D. I'm no longer torn after choice: How explicit choices can implicitly shape preferences for odors. *Psychological Science*, 2010, 21, 489–493.
 243. Dai, X., Brendl, C. M., & Ariely, D. Wanting, liking, and preference construction. *Emotion*, 2010, 10(3), 324–334.
 244. Damasio, A. R. *Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain*. New York, NY: Grosset/Putnam, 1994.
 245. DeWall, C. N., Twenge, J. M., Koole, S. L., Baumeister, R. F., Marquez, A., & Reid, M. W. Automatic emotion regulation after social exclusion: Tuning to positivity. *Emotion*, 2011, 11(3), 623–636.
 246. Diener, E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, 95, 542–575.
 247. Donahue, E. M., Robins, R. W., Roberts, B. W., & John, O. P. The divided self: Concurrent and longitudinal effects of psychological adjustment and social roles of self-concept differentiation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1993, 64, 834–846.
 248. Dorfman, L. Ya. Emotional embodiment in music and ballet performance. In C. Dreyer, H. Espe, H. Kalkofen, I. Lempp, P. Pellegrino, & R. Posner (Eds.), *Lebens-Welt: Zeichen-Welt – Life World: Sign World. – Lüneburg: Jansen-Verlag; Berlin: Hochschule der Künste*, 1994, 2, 775–798.
 249. Dorfman, L., & Barashkova, E. The performers' perspective on art pieces. The 2nd International Conference "Science, Technology and Art Relations" – STAR. Tel Aviv, Israel, 2014, 21–22.
 250. Dorfman, L., Barashkova, E., & Chebykina, T. Emotional preferences of musical performers. In L. Dorfman, C. Martindale, D. Leontiev, G. Cupchik, V. Petrov, & P. Machotka (Eds.), *Emotion, creativity, and art*. Perm: Perm State Institute of Arts and Culture, 1997, 2, 275–300.
 251. Dorfman, L., Tokareva, G., & Barashkova, E. Emotional preferences and the plural self of musical performers. In Fróis, J. P. Andrade, P., & Marques, J. F. (Eds.), *Art and Science. Proceedings of the XVIII Congress of the International Association of Empirical Aesthetics* Lisbon: Calouste Gulbenkian Foundation, 2004, 527–531.
 252. Eastwick, P. W., Eagly, A. H., Finkel, E. J., & Johnson, S. E. Implicit and explicit preferences for physical attractiveness in a romantic partner: A

- double dissociation in predictive validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, 101(5), 993–1011.
253. Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. Self and social identity. *Annual Review of Psychology*, 2002, 53, 161–186.
 254. Elliot, A. J. Approach and avoidance motivation. In A. J. Elliot (Ed.), *Handbook of approach and avoidance motivation*. New York: Psychology Press, 2008, 3–14.
 255. Epstein, S. Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious. *American Psychologist*, 1994, 49, 709–724.
 256. Farnham, S. D., Greenwald, A. G., & Banaji, M. R. Implicit self-esteem. In D. Abrams & M. Hogg (Eds.), *Social identity and social cognition*. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1999, 230–248.
 257. Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human Relations*, 1954, 7, 117–140.
 258. Frazier, P. A., Tix, A. P., & Barron, K. E. Testing moderator and mediator effects in counseling psychology research. *Journal of Counseling Psychology*, 2004, 51(1), 115–134.
 259. Frijda, N. *The emotions. Studies in emotion and social interaction*. New York: Cambridge University Press, 1986.
 260. Gergen, K. J. Singular, socialized, and relational selves. In I. Lubek, R. van Hezewijk, G. Pheterson, and Ch. Tolman (Eds.), *Trends and issues in theoretical psychology*. New York: Springer, 1995, 25–32.
 261. Greenwald, A. G. What cognitive representations underlie social attitudes. *Bulletin of the Psychonomic Society*, 1990, 28, 254–260.
 262. Greenwald, A. G., & Banaji, M. R. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review*, 1995, 102(1), 4–27.
 263. Greenwald, A. G., Banaji, M., Rudnam, L., Farnham, S., Nosek, B. A., & Mellott, D. A unified theory of implicit attitudes, stereotypes, self-esteem, and self-concept. *Psychological Review*, 2002, 109, 3–25.
 264. Greenwald, A. G., & Farnham, S. D. Using the Implicit Association Test to measure self-esteem and self-concept. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79(6), 1022–1038.
 265. Greenwald, A. G., Nosek, B. A., & Sriram, N. Consequential validity of the Implicit Association Test: Comment on Blanton and Jaccard (2006). *American Psychologist*, 2006, 61, 56–61.
 266. Hamilton, D. L., Sherman, S. J., & Maddox, K. B. (1999). Dualities and continua: Implications for understanding perceptions of persons and groups. In S. Chaiken & Y. Trope (Eds.), *Dual-process theories in social*

- psychology. New York, NY: Guildford Press, 1999, 606–626.
267. Hassin, R. R., Uleman, J. S., & Bargh, J. A. *The new unconscious*. New York, NY: Oxford University Press, 2005.
 268. Herbert, C., Herbert, B. M., Ethofer, T., & Pauli, P. His or mine? The time course of self-other discrimination in emotion processing. *Social Neuroscience*, 2011, 6, 277–288.
 269. Hermans, H. J. M. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange. *Journal of Psychological Bulletin*, 1996, 119, 1, 31–50.
 270. Higgins, E. T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect. *Psychological Review*, 1987, 94, 319–340.
 271. Higgins, E. T. Continuities and discontinuities in self-regulatory and self-evaluative processes: A developmental theory relating self and affect. *Journal of Personality*, 1989a, 57, 407–444.
 272. Higgins, E. T. Self-discrepancy theory: What patterns of self-beliefs cause people to suffer? In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, New York: Academic Press, 1989b, 22, 93–136.
 273. Higgins, E. T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect. In R. F. Baumeister (Ed), *The self in social psychology. Key readings in social psychology*. Philadelphia, PA: Psychology Press/Taylor & Francis, 1999, 150–181.
 274. Higgins, E. T., Shah, J., & Friedman, R. Emotional responses to goal attainment: Strength of regulatory focus as moderator. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, 72, 515–525.
 275. Huntsinger, J. R. Anger enhances correspondence between implicit and explicit attitudes. *Emotion*, 2013, 13(2), 350–357.
 276. Huntsinger, J. R., & Smith, C. T. First thought, best thought: Positive mood maintains and negative mood disrupts implicit–explicit attitude correspondence. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009, 35, 187–197.
 277. Jöreskog, K. G., & Sörbom, D. *LISREL 7 user's reference guide*. Chicago: SPSS Publications, 1989.
 278. Juslin, P. N., Liljeström, S., Västfjäll, D., & Lundqvist, L.-O. How does music evoke emotions? Exploring the underlying mechanisms In *Handbook of music and emotion: Theory, research, applications*. New York, NY: Oxford University Press, 2010, 605–642.
 279. Kagan, J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // *Journal of Abnormal Psychology*, 1966, 71, 1, 17–24.

280. Kelly, G. A. *The psychology of personal constructs* (Vols. 1 and 2). New York: Norton, 1955.
281. Keltner, D., Beer, J. S. Self-conscious emotion and self-regulation. In A. Tesser, J. V. Wood, D. A. Stapel (Eds.), *On Building, Defending, and Regulating the Self: A Psychological Perspective*. New York: Psychology Press, 2005, 197–215.
282. Keltner, D., Buswell, B. N. Embarrassment: its distinct form and appeasement functions. *Psychological Bulletin*, 1997, 122, 250–270.
283. Kihlstrom, J. F. The rediscovery of the unconscious. The annual meeting of the American Psychological Association, Boston, 1999. Full text available at: <http://socrates.berkeley.edu/~kihlstrm/ampa99.htm>.
284. Kihlstrom, J. F., & Klein, S. B. The self as a knowledge structure. In R. S. Wyer, Jr. & T. K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1994, 1, 153–208.
285. Kihlstrom, J. F., Marchese-Foster, L. A., & Klein, S. B. Situating the self in interpersonal space. In U. Neisser & D. A. Jopling (Eds.), *The conceptual self in context. Culture, experience, self-understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, 154–175.
286. Kihlstrom, J. F., Mulvaney, S., Tobias, B. A., & Tobis, I. P. The emotional unconscious. In E. Eich, J. F. Kihlstrom, G. H. Bower, J. P. Forgas, & P. M. Niedenthal (Eds.), *Cognition and emotion*. New York, NY: Oxford University Press, 2000, 30–86.
287. Klein, G. S. *Perception, motives and personality*. New York: Knopf, 1970.
288. Koole, S. L., & Coenen, L. H. M. Implicit self and affect regulation: Effects of action orientation and subliminal self-priming in an affective priming task. *Self and Identity*, 2007, 6, 118–136.
289. Koole, S. L. & Rothermund, K. "I feel better but I don't know why": The psychology of implicit emotion regulation. *Cognition and Emotion*, 2011, 25(3), 389–399.
290. Kuhl, J. A functional-design approach to motivation and volition: The dynamics of personality systems interactions. In M. Boekaerts, P. R. Pintrich, & M. Zeidner (Eds.), *Self-regulation: Directions and challenges for future research*. New York: Academic Press, 2000, 111–169.
291. Lang, P. J. What are the data of emotion? In V. Hamilton, G. H. Bower, & N. H. Frijda (Eds.), *Cognitive perspectives on emotion and motivation NATO ASI Series D: Behavioural and Social Sciences*. Dordrecht, The Netherlands: Kluwer, 1988, 173–181.
292. Lazarus, R. S. *Emotion and adaptation*. New York, NY: Oxford

University Press, 1991.

293. Leary, M. R., & Baumeister, R. F. (2000). The nature and function of self-esteem: Sociometer theory. In M. P. Zanna (Ed.). *Advances in experimental social psychology*, 2000, 32, 1–62.
294. Leary, M. R., & Buttermore, N. E. Evolution of the human self: Tracing the natural history of self-awareness. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2003, 33, 365–404.
295. Leary, M. R., & Tangney, J. P. The self as an organizing construct in the behavioral and social sciences. In M. R. Leary and J. P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity*. New York, London: The Guilford Press, 2003, 3–14.
296. LeDoux, J. Emotional processing, but not emotions, can occur unconsciously. In P. Ekman & R. J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions*. New York: Oxford University Press, 1994, 291–292.
297. Liao, H.-I, Shimojo, S., & Yeh, S.-L. Happy faces are preferred regardless of familiarity—sad faces are preferred only when familiar. *Emotion*, 2013, 13(3), 391–396.
298. Lichtenstein, S., & Slovic, P. *The construction of preference*. New York: Cambridge University Press, 2006.
299. Lindemann, E. Symptomatology and management of acute grief // *American Journal of Psychiatry*, 1944, 101, 2, 141–148.
300. Mair, J. M. M. The community of self. In D. Bannister (Ed.), *New perspectives in personal construct theory*. London: Academic Press, 1977, 125–149.
301. Manzini, P., Mariotti, M. and Mittone, L. (2008), *The elicitation of time preference*, CEEL Working paper 08–05.
302. Marinetti, C., Moore, P., Lucas, P., & Parkinson, B. Emotions in social interactions: Unfolding emotional experience. In P. Petta et al. (Eds.), *Emotion-Oriented Systems, Cognitive Technologies*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2011, 31–46.
303. Marks, D. F. *Toward a new structural theory of image formation*. *Theory of Image Formation*. New York, 1986, 243–263.
304. Marsh, H. W., & Grayson, D. Latent variable models of multitrait-multimethod data. In R. Hoyle (Ed.), *Structural equation modeling: Concepts, issues and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995, 177–198.
305. Martindale, C. *Subselves. The internal representation of situational and*

- personal dispositions. In L. Wheeler (Ed.), *Review of personality and social psychology*. Beverly Hills: Sage, 1980, 1, 193–218.
306. Mead, G. H. *Mind, Self, and Society*. Chicago: Univ. Chicago Press, 1934.
 307. Miller, R. S., & Leary, M. R. Social sources and interactive functions of emotion: the case of embarrassment. In M. S. Clark (Ed.), *Emotion and Social Behavior*. Beverly Hills, CA: Sage, 1992, 202–221.
 308. Möller, J., & Marsh, H. W. Dimensional comparison theory. *Psychological Review*, 2013, 120(3), 544–560.
 309. Neisser, U. Five kinds of self-knowledge. *Philosophical Psychology*, 1988, 1, 35–59.
 310. Norman, E. “The unconscious” in current psychology. *European Psychologist*, 2010, 15(3), 193–201.
 311. Nosek, B. A. Implicit–explicit relations. *Current Directions in Psychological Science*, 2007, 16, 65–69.
 312. Otten, S., & Wentura, D. About the impact of automaticity in the Minimal Group Paradigm: Evidence from affective priming tasks. *European Journal of Social Psychology*, 1999, 29, 1049–1071.
 313. Parker, P. D., Schoon, I., Tsai, Y.-M., Nagy, G., Trautwein, U., & Eccles, J. S. Achievement, agency, gender, and socioeconomic background as predictors of postschool choices: A multicontext study. *Developmental Psychology*, 2012, 48(6), 1629–1642.
 314. Patall, E. A. Constructing motivation through choice, interest, and interestingness. *Journal of Educational Psychology*, 2013, 105(2), 522–534.
 315. Pelham, B. W., Mirrenberg, M. C., & Jones, J. T. Why Susie sells seashells by the seashore: Implicit egotism and major life decisions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, 82, 469–487.
 316. Peters, E. The functions of affect in the construction of preferences. In S. Lichtenstein & P. Slovic (Eds.), *The construction of preference*. New York: Cambridge University Press, 2006, 454–463.
 317. Prince, M. *Clinical and experimental studies in personality*. Cambridge, MA: Sci-Art, 1929.
 318. Prinz, J. *Gut reactions: A perceptual theory of emotion*. New York: Oxford University Press, 2004.
 319. Punkanen, M., Eerola, T., & Erkkilä, J. Biased emotional preferences in depression decreased liking of angry and energetic music by depressed patients. *Music and Medicine*, 2011. 3, 2, 114–120.

320. Pyszczynski, T., Greenberg, J., Solomon, S., Arndt, J., Schimel, J. Why do people need self-esteem? A theoretical and empirical review. *Psychological Bulletin*, 2004, May, 130(3), 435–468.
321. Rachman, S. *Fear and courage*. (2nd ed.) New York: Freeman, 1990.
322. Rachman, S., & Hodgson, R. I. Synchrony and desynchrony in measures of fear. *Behaviour Research & Therapy*, 1974, 12, 311–318.
323. Ramponi, C., Handelsman, G., & Barnard, P. J. The memory enhancement effect of emotion is absent in conceptual implicit memory. *Emotion*, 2010, 10(2), 294–299.
324. Rapp, D. N., Hinze, S. R., Kohlhepp, K., & Ryskin, R. A. Reducing reliance on inaccurate information. *Memory & Cognition*, 2014, 42, 11–26.
325. Rentfrow, P. J., & Gosling, S. D. The do re mi's of everyday life: The structure and personality correlates of music preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, 84, 1236–1256.
326. Ribot, T. *The diseases of personality*. Chicago: Open Court, 1895.
327. Rogers, C. *On becoming a person*. Boston: Houghton-Mifflin, 1961.
328. Royce, J., & Powell, A. *Theory of personality and individual differences: Systems, factors and processes*. Englewood cliffs: Prentice-Hall, 1983.
329. Rudman, L. A., Dohn, M. C., & Fairchild, K. Implicit self-esteem compensation: Automatic threat defense. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, 93(5), 798–813.
330. Rudman, L. A. & Fairchild, K. Reactions to counterstereotypic behavior: The role of backlash in cultural stereotype maintenance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, 87, 157–176.
331. Scherer, K. R. What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*, 2005, 44, 695–729.
332. Schermelleh-Engel, K., Moosbrugger, H., & Müller, H. Evaluating the fit of structural equation models: Tests of significance and descriptive goodness-of-fit measures. *Methods of Psychological Research*, 2003, 8, 23–74.
333. Schultz, D. H., Balderston, N. L., Geiger, J. A., & Helmstetter, F. J. Dissociation between implicit and explicit responses in postconditioning UCS revaluation after fear conditioning in humans. *Behavioral Neuroscience*, 2013, 127(3), 357–368.
334. Schumacker, R. E., & Lomax, R. G. *A beginner's guide to structural equation modeling*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996.

335. Schwarz, N., & Clore, G. L. Mood as information: 20 years later. *Psychological Inquiry*, 2003, 14, 294–301.
336. Sharot, T., De Martino, B., & Dolan, R. J. How choice reveals and shapes expected hedonic outcome. *Journal of Neuroscience*, 2009, 29, 3760–3765.
337. Sidis, H., & Goodhart, S. P. Multiple personality: An experimental investigation into the nature of human Individuality. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1904.
338. Sloboda, J. A. Music in everyday life: The role of emotions. In *Handbook of music and emotion: Theory, research, applications*. New York, NY: Oxford University Press, 2010, 493–514.
339. Slovic, P., Finucane, M. L., Peters, E., & MacGregor, D. G. The affect heuristic. In T. Gilovich & D. Griffin & D. Kahneman (Eds.), *Heuristics and biases: The psychology of intuitive judgment*. New York: Cambridge University Press, 2002, 397–420.
340. Smith, C. T., & Nosek, B. A. Affective focus increases the concordance between implicit and explicit attitudes. *Social Psychology*, 2011, 42(4), 300–313.
341. Starr, M. J., Winkielman, P., & Gogolushko, K. Influence of affective pictures and words on consumption behavior and facial expressions. Poster presented at Society for Psychophysiological Research, Austin, TX, 2008.
342. Steele, C. M. The psychology of self-affirmation: Sustaining the integrity of the self. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, 1988, 21, 261–302.
343. Steiger, J. H. *Structural equation modeling in Statistica (Version 5)*. [Computer software]. Tulsa, OK: Statsoft, 1995.
344. Strahan, E. J., Spencer, S. J., & Zanna, M. P. Subliminal priming and persuasion: Striking while the iron is hot. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2002, 38, 556–568.
345. Suri, G., Sheppes, G., & Gross, J. J. Predicting affective choice. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2013, 142(3), 627–632.
346. Tamir, M. What do people want to feel and why? Pleasure and utility in emotion regulation. *Current Directions in Psychological Science*, 2009, 18, 101–105.
347. Tamir, M., & Ford, B. Q. Should people pursue feelings that feel good or feelings that do good? Emotional preferences and well-being. *Emotion*, 2012, 7, 1061–1071.

348. Tamir, M., Mitchell, C., & Gross, J. J. Hedonic and instrumental motives in anger regulation. *Psychological Science*, 2008, 19, 324–328.
349. Tangney, J. P. Self-conscious emotions: The self as a moral guide. In A. Tesser, D. Stapel, & J. V. Wood (Eds.), *Self and Motivation: Emerging Psychological Perspectives*. Washington, DC: American Psychological Association, 2002, 97–117.
350. Tangney, J. P., Stuewig, J., & Mashek, D. J. Moral emotions and moral behavior. *Annual Review of Psychology*, 2007, 58, 345–372.
351. Tesser, A. On the confluence of self-esteem maintenance mechanisms. *Personality and Social Psychology Review*, 2000, 4, 290–299.
352. Tomarken, A. J., & Waller, N. G. Potential problems with “well fitting” models. *Journal of Abnormal Psychology*, 2003, 112, 4, 578–598.
353. Tracy, J. L., & Robins, R. W. Putting the self into self-conscious emotions: a theoretical model. *Psychological Inquiry*, 2004, 15, 103–125.
354. Van den Tol, A. J. M., & Edwards, J. Exploring a rationale for choosing to listen to sad music when feeling sad. *Psychology of Music*, 2013, 41, 440–465.
355. Walla, P., Duregger, C., Greiner, K., Thurner, S., & Ehrenberger, K. Multiple aspects related to self awareness and the awareness of others: An electroencephalography (EEG) study. *Journal of Neural Transmission*, 2008, 115, 983–992.
356. Walla, P., Greiner, K., Duregger, C., Deecke, L., & Thurner, S. Self-awareness and the subconscious effect of personal pronouns on word encoding: A magnetoencephalography (MEG) study. *Neuropsychologia*, 2007, 45, 796–809.
357. Walla, P., Rosser, L., Scharfenberger, J., Duregge, C., & Bosshard, S. Emotion ownership: Different effects on explicit ratings and implicit responses. *Psychology*, 2013, 4, 3A, 213–216.
358. Wardell, D. M., & Royce, J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect // *Journal of Personality*, 1978, 46, 3, 474–505.
359. Watkins, J. G. & Watkins, H. H. The theory and practice of ego-state therapy. In H. Grayson (Ed.), *Short Term Approaches to Psychotherapy*. New York: Human Sciences Press, 1979, 176–220.
360. Wilson, T. D., Lindsey, S., & Schooler, T. Y. A model of dual attitudes. *Psychological Review*, 2000, 107, 101–126.
361. Williams, K. D. Ostracism: The kiss of social death. *Compass: Social and Personality Psychology*, 2007, 1, 236–247.

362. Winkielman, P. Bob Zajonc and the unconscious emotion. *Emotion Review*, 2010, 2, 4, 353–362.
363. Winkielman, P., & Berridge, K. Irrational wanting and sub-rational liking: How rudimentary motivational and affective processes shape preferences and choices. *Political Psychology*, 2003, 24, 657–680.
364. Winkielman, P., Berridge, K. C., & Wilbarger, J. Unconscious affective reactions to masked happy versus angry faces influence consumption behavior and judgments of value. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005, 1, 121–135.
365. Witkin, H. A., & Godenough, D. R. Field dependence and interpersonal behavior // *Psychological Bulletin*, 1977, 84, 4, 661–689.
366. Wittenbrink, B., & Schwarz, N. *Implicit measures of attitudes*. New York: Guilford Press, 2007.
367. Worden, J. W. *Grief counselling and grief therapy*. London–New York: Tavistock Pub., 1986.
368. Zajonc, R. B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*, 1980, 35, 151–175.
369. Zajonc, R. B. Evidence for nonconscious emotions. In P. Ekman & R.J. Davidson (Eds.), *The nature of emotion: Fundamental questions*. New York: Oxford University Press, 1994, 293–297.
370. Zajonc, R. B. Emotions. In D. T. Gilbert, S. T. Fiske & G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology*. Boston, MA: McGraw-Hill, 1998, 4, 2, 591–632.
371. Zajonc, R. B. Feeling and thinking: Closing the debate over the independence of affect. In J. P. Forgas (Ed.), *Feeling and thinking: The role of affect in social cognition*. New York: Cambridge University Press, 2000, 31–58.
372. Zelazo, P. D., Moscovitch, M., & Thompson, E. *The Cambridge handbook of consciousness*. New York: Cambridge University Press, 2007.
373. Zemack-Rugar, Y., Bettman, J. R., & Fitzsimons, G. J. The effects of nonconsciously priming emotion concepts on behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007, 93, 927–939.